Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 3

2019

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Юсиф Везир ЧЕМЕНЗЕМИНЛИ. **Студенты.** *Роман* 10
Басира САРАЕВА. **Как-то вот так или Кредитная сделка.** *Рассказ* 56
Елена АНДРЕЕВА. **Миниатюры** 68
Ирина ПЕРЕСАДА. **Третий пол.** *Рассказ* 83
Татьяна РУСТАМЛИ. **В поисках Силы и Красоты** 98

ПОЭЗИЯ

Инесса ЛОВКОВА. *Стихи* 63
Солмаз СУЛЕЙМАНЛЫ. *Стихи* 94
Геннадий САЛАЕВ. *Размышления* 127
Елизавета КАСУМОВА. *Памяти Ровшэна Кафарова* 132

ПУБЛИЦИСТИКА

АНАР. **Жизни, что шире книг** 3
Эльмира АХУНДОВА. **Портрет в позитиве** 53
Елизавета КАСУМОВА. **«Технарь» по профессии, лирик по призванию** 130

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-86-04; 493-75-81

Сдано в печать 25.02. 2019.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2019 г.

АНАР

ЖИЗНИ, ЧТО ШИРЕ КНИГ

Сложилось так, что этим летом мне удалось прочесть подряд два серьезных труда.

Говоря о двух трудах, я имею в виду шесть томов: посвященный Мустафе Кемалю Ататюрку трехтомник турецкого писателя, историка Шевкета Сурейя Айдемира «Единственный человек» и изданный в Москве трехтомник азербайджанской писательницы, публициста Эльмиры Ахундовой «Гейдар Алиев. Личность и эпоха»...

В обоих ценных исследованиях – их можно назвать и документальными романами – год за годом прослеживается жизненный путь двух выдающихся государственных деятелей XX века, политиков, сыгравших исключительную роль в судьбе своих народов, и в то же время в этих книгах отражается широкая панорама эпохи. Ибо двух этих великих людей невозможно представить вне своего времени. Оба они – гении, определившие само Время, направившие и изменившие его течение.

Читая с карандашом в руках книги Ш.С.Айдемира и Эльмиры ханым, я думал о том, что расстояния и годы разделили Ататюрка и Гейдара Алиева, но их жизни, судьбы, места в истории своих стран очень друг с другом схожи.

Выражение «единственный человек», примененное к Ататюрку, может охарактеризовать и Гейдара Алиева. Гейдар Алиев тоже был ЕДИНСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, возвышающимся над всеми как горный пик в нашей современной истории своим величием, неповторимостью, надежностью и – одиночеством на Олимпе власти…

И Ататюрк, и Гейдар Алиев прожили насыщенную и напряженную, наполненную трудностями, опасностями, рисками, взлетами и падениями жизнь, которая в итоге обернулась триумфом, жизнь, не вместившуюся в тома…

Оба начали свою деятельность при одном политическом режиме и продолжили ее при совершенно другом политическом строе.

Мустафа Кемаль был солдатом, офицером, пашой-генералом Османской империи, а после того, как был свергнут этот строй, спас Турцию от угрозы развала, сепарации, заложил основы нового государства. Гейдар Алиев был генералом советской системы, политиком высочайшего ранга Советского Азербайджана, а впоследствии всего СССР, и в итоге – лидером и созидателем независимого Азербайджана, спасшим страну от всевозможных бед.

Ататюрк высоко ценил значимость армии, являющейся гарантом устойчивости, безопасности, порядка в государстве. Гейдар Алиев еще в советскую эпоху открывал в Азербайджане военные школы, отправлял молодежь учиться в военные училища, тем самым предвидя потребность независимого Азербайджана в сильной армии.

Мустафа Кемаль вдохновлялся поэзией поэта-патриота Намика Кемаля, любил общаться с поэтами и писателями. Гейдар Алиев также с глубоким уважением относился к классикам нашей литературы, получал удовольствие от общения с представителями литературы и искусства…

* * *

Несколько лет назад я купил в Турции, но не находил времени прочесть трехтомник «Единственный человек» друга молодости Назыма Хикмета (потом их пути разошлись) Шевката Сурейя, который в 20-е годы успел пожить в Азербайджане и написал об этом книгу «Человек, ищущий воду». А Эльмира ханым подарила мне свою свежеизданную в Москве книгу этим летом.

Шевкет Сурейя Айдемир в трех томах своего труда отражает три этапа жизни Гази: первый том охватывает время со дня рождения до периода борьбы за спасение Турции – до похода Мустафы Кемаля на Самсун (1881 – 1919). Во втором томе описывается триумфальный путь Национальных сил под руководством Гази от Самсуна до Измира (1919 – 1922). И, наконец, третий том повествует о периоде между провозглашением Республики до кончины Ататюрка (1923 – 1937).

Для наиболее полного понимания роли Мустафы Кемаля в истории, необходимо точно представить, в каком положении оказалась Османская империя в XIX – начале XX века. Российский царь Николай I, правивший в 1825-1855-х годах, беседуя во время бала в Петербургском дворце с английским послом, сэром Гамильтоном Сеймуром, называет Турцию «больным человеком Европы», и это выражение на долгое время проникает в сознание европейцев в качестве характеристики состояния тогдашней Турции. Конечная цель политики, веками ведущейся против Турции, – это разделение, раздробление страны. С этой целью использовались то балканские события, то фантазии греков о восстановлении Византии, то происки армян. Царская Россия всегда обращала взоры на Стамбул-Константинополь, помышляла о захвате Проливов. Не только Россия, но и Англия, и другие европейские государства жаждали захватить Проливы. В книге «Единственный человек» приводятся конкретные факты в связи с этими политическими амбициями. Территориальные претензии XIX века продолжались и в XX веке. Известный британский политический деятель лорд Керзон заявлял в 1918 году: «Турецкие территории в Европе должны быть отняты у Турции, контроль над Стамбулом и Проливами должен быть передан другим».

Это коварное намерение стало претворяться в жизнь: Стамбул, говоря словами Назыма Хикмета, стал пленником «сорока разбойников» – англичан, французов, итальянцев, греков.

Мустафа Кемаль говорил: «Если народ попадает в плен, каждый его представитель становится ничем. Я чувствовал себя так, будто покидал жилище чужаков и слышал за спиной их смех».

Гордый турецкий народ не смог бы стерпеть унижения национального достоинства.

В эту темную ночь, нависшую над Стамбулом, Халиде Эдиб – автор посвященного национальной борьбе за независимость романа «Рубашка из пламени» – взывала к народу с балкона в оккупированном городе:

«Самый темный и кажущийся вечным час ночи – время, когда наиболее близок рассвет. Братья, я обращаюсь к невидимым, но несломленным душам. Братья, сыны, послушайте вердикт всего мира: захватническая политика европейских государств подлым и вероломным образом обратилась против Турции. Если они узнают, что на луне и звездах есть турки и мусульмане, они и туда пошлют свои захватнические войска».

Поддержкой слову писателя оказалось оружие солдат. Мустафа Кемаль вышел на Самсун с маленьким отрядом, начал свое триумфальное шествие, которое охва-

тило весь Анадолу, и этот поход завершился в Измире поражением узурпаторской греческой армии.

Величие Мустафы Кемаля заключалось не только в таланте полководца. Он преподносил миру, в том числе гордящейся своими моральными ценностями Европе не только уроки воинской доблести, но и уроки нравственности. В Измире, освобожденном от оккупации, под ноги Кемалю паше бросают греческий флаг.

« – Что это? – спрашивает паша, сурово глядя на своих солдат.

– Это греческий флаг, мой паша, – отвечают ему. – Когда в этот дом прибыл греческий король Константин, ему под ноги бросили турецкий флаг, и он попрал его ногами.

– Король совершил ошибку, – говорит Мустафа Кемаль. – Я эту ошибку не повторю. Флаг – достоинство народа, его ни при каких обстоятельствах нельзя бросать наземь и топтать. Поднимите!».

Паша преподает грекам и другой урок. Он крайне вежливо и благородно обращается с потерпевшим поражение и попавшим в плен генералом Трикуписом. По словам свидетелей, Трикупис смотрел на Кемаля пашу с нескрываемым восхищением:

«Я не знал, что вы столь молоды», – говорил генерал.

А Мустафа Кемаль, словно в утешение, говорил ему:

«Каждый командующий может потерпеть поражение».

Многие годы спустя генерал Трикупис в каждую годовщину празднования Турецкой Республики приходил в посольство Турции в Афинах, чтобы склонить голову перед портретом Ататюрка. Генерал относился к Ататюрку не как к врагу, а как к самому достойному, самому храброму человеку в мире. Слова, сказанные Ататюрком в 1937 году, незадолго до кончины, прекрасно характеризуют этого человека с широкой душой:

«Человек должен задумываться о мире и благоденствии всех народов мира так же, как задумывается о бытии и счастье своей нации, и должен служить счастью наций всего мира так же, как служит счастью своей».

Режим Ататюрка был в определённой степени авторитарной системой. Выражение «единственный человек» подтверждает это. Однако Мустафа Кемаль отличался от других политических руководителей своей эпохи способностью мыслить и действовать не в узких рамках, а в мировом масштабе.

Битва при Чанаккале – одна из самых славных страниц турецкой истории. Я знал знаменитые слова Мустафы Кемаля, сказанные им солдатам перед сражением в Чанаккале: «Я не приказываю вам наступать, я приказываю вам умереть. Пока мы будем умирать, другие войска и командиры смогут прийти и встать на наши места».

Из книги Айдемира я узнал о словах премьер-министра Англии Уинстона Черчилля: «Турки сражались и отдавали жизни, но не уступали ни пяди родной земли».

Черчилль сообщает, что в сражении при Чанаккале погибло 200 тысяч оккупантов, а число погибших, раненых и без вести пропавших с турецкой стороны составило 186869 человек.

Несколько лет тому назад я посетил Чанаккале и был крайне тронут запечатленными здесь словами Ататюрка. Рядом с могилами павших за родину турецких солдат в аккуратных могилах покоятся солдаты британской оккупационной армии и армии АНЗАК (Австралия, Новая Зеландия). Слова Ататюрка о них – возможно, одни из достойнейших слов в истории. Гази уважал как воинов погребенных в турецкой земле чужеземцев:

«Герои, пролившие кровь на землю этой страны! Здесь вы на земле дружественной родины. Покойтесь с миром. Вы погребены бок о бок с нашими солдатами. Матери, отправившие сыновей из дальних стран на войну! Утрите слезы. Мы прижали к груди ваших сынов, они в покое и будут покоиться с миром и дальше. Отдав свои жизни за эту землю, они стали нашими сыновьями».

Какой же диссонанс составляют эти слова с вошедшим в историю высказыванием «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». С одной стороны, милость к проигравшему врагу, с другой – надменная гордыня!

Ататюрк с юных лет знал о своей предстоящей миссии и с юных лет постиг, что только мыслящие свободно люди способны совершать полезные дела для своей родины. Он и сам был человеком свободомыслящим. Как-то Мустафа без разрешения покинул армию и пришел к своей матери. Мать Мустафы Зубейда ханым спросила тревожно у сына:

– Сынок, как ты осмелился прийти сюда? Уж не совершил ли ты что-то против воли государства и нашего падишаха?

Ответ молодого Мустафы на слова матери очень интересен:

– Не сейчас, но в скором будущем я покажу тебе, каков наш падишах на самом деле.

Другой выдающийся политический и военный деятель Турции, Энвер паша, относился к Мустафа Кемалю с некоторой ревностью. Будучи министром обороны, Энвер паша выразил свое отношение к очередному повышению Мустафы Кемаля следующим образом:

– Он на этом останавливаться не будет. Станет генералом – захочет быть коргенералом (генерал корпуса), станет коргенералом – захочет быть генералом армии. Потом захочет стать маршалом. Но и этим довольствоваться не станет. Захочет стать падишахом.

Когда Мустафе Кемалю сообщили о словах Энвер-паши, тот дал следующий ответ: «Не думал я, что Энвер столь умен и дальновиден».

Энвер-паша не ошибся. Мустафа Кемаль в конце концов стал не Падишахом, а первым Президентом Турецкой Республики.

* * *

Труд Эльмиры Ахундовой, посвященный Гейдару Алиеву, хронологически тоже состоит из трех частей. В первом томе речь идет о периоде между 1923-1982 годах – с рождения Гейдара Алиева до отбытия его в Москву на высокую должность. Второй том охватывает московские годы (1983-1989), трудный и ответственный период, когда Гейдар Алиев работал в должности Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР. В третьем томе повествуется о его рискованном возвращении в Баку, периоде жизни в Нахчыване, представляющем особую значимость повторном возвращении в Баку, исторической деятельности в качестве Президента независимого Азербайджана. И вплоть до последних дней жизни.

Сведения о жизни и борьбе Ататюрка мы получаем из книг, Гейдар Алиев же был нашим современником, важнейшая часть его деятельности прошла на наших глазах, и лично мне выпала честь неоднократно общаться с ним, вести обстоятельные беседы.

Несколько лет назад вышла моя книга «Незабываемые встречи», включившая в себя мои воспоминания и мысли о Великом Лидере, о наших встречах.

Я немало знаю о жизни и деятельности этого выдающегося человека. Но документальный роман Эльмиры ханым воплотил перед моим взором совершенно новый, более полновесный, более разносторонний и величественный образ Человека, Личности, Лидера. Я задумался: о Гейдаре Алиеве много написано и сказано, но мы еще долго будем нуждаться в произведениях, способных полноценно отразить его образ и его место в истории. Высоко ценя художественно-публицистический талант Эльмиры Ахундовой, я высшую ее заслугу вижу в том, что она встретилась с самыми разными людьми, близко или не очень знакомыми с Гейдаром Алиевым, и записала их впечатления и воспоминания.

Это имеет принципиальное значение. Работая над своими томами, Эльмира ханым ознакомилась с невероятным количеством источников – политическими книгами, документами, мемуарной литературой. Она прочла изданные воспоминания бывших соратников Гейдара Алиева по Политбюро и отмечает, что в этих книгах о Гейдаре Алиеве, занимавшем более высокие и ответственные посты, чем сами авторы, говорится вскользь, в паре предложений, либо не говорится вовсе.

Причина этого для меня ясна – зависть. Этой болезни подвержены даже те, кто занимает либо некогда занимал высокие посты. Где сейчас все эти люди, которые были членами Политбюро в одно время с Гейдаром Алиевым? Одни умерли и забыты, другие живы и тоже забыты, они живут ничем не примечательной жизнью пенсионеров. А Гейдар Алиев – Президент независимого государства, он встречается с крупнейшими политическими лидерами мира, выступает с высочайших международных трибун, дружит со знаменитейшими личностями века… Что этим людям остается, кроме зависти?

В книге приводятся следующие слова Гейдара Алиева о царящей в Политбюро атмосфере:

«Должен сказать, что в Политбюро никто ни с кем не откровенничал. Я 5 лет работал в Москве – первый заместитель Председателя Совета Министров, член Политбюро, но не мог откровенно с кем-то поговорить. Видел, что и другие тоже. Собрались на Политбюро, что-то о каких-то недостатках сказали, а так, чтобы свои искренние мысли кому-то изложить – это невозможно».

Эльмира Ахундова проявила большую волю и упорство и встретилась в Москве с большинством этих «забытых людей», зафиксировала их мысли о Гейдаре Алиеве. Все они, в том числе такие, как Яковлев, не испытывающий теплых чувств к главе Азербайджана, дали высокую оценку Гейдару Алиеву. Известно древнее высказывание: «Платон мне друг, но истина дороже». Перефразировав это высказывание, можно сказать, что некоторые коллеги Гейдара Алиева утверждают: «У нас с Гейдаром Алиевым были прохладные отношения, но истина дороже». Спасибо и на том, что не полностью растеряли объективное отношение и, пусть и нехотя, дали достойную оценку этому выдающемуся политическому деятелю. Спасибо и Эльмире ханым за то, что ради истории смогла вырвать у них это признание.

Читая книгу Эльмиры Ахундовой и вспоминая свои впечатления о действиях Гейдара Алиева, я думаю о том, что этот великий человек никогда и нигде, в том числе и в Москве, находясь на Олимпе супердержавы, не забывал и не давал забыть другим о своей принадлежности к азербайджанской нации. Чего уж скрывать, некоторые представители нашего народа, добившись успеха в сфере искусства ли, политики или бизнеса в России, Иране или странах Запада, стараются скрыть свою национальную принадлежность или, как минимум, не демонстрировать ее явно. Гей-

дар Алиев же поступал ровно наоборот: везде и всегда гордился тем, что он азербайджанец. Возможно, это одна из причин того, что шовинистское советское руководство относилось к нему с некоторым подозрением. Я вспоминаю еще одну беседу с Гейдаром Алиевым. Он говорил, что, будучи членом Политбюро, не раз становился свидетелем пристрастного отношения советского руководства к мусульманским странам СССР. А сейчас двойные стандарты по отношению к странам Востока применяют ведущие мировые государства.

Для меня ясно и то, что если бы Гейдар Алиев остался на высоком посту в Москве, и даже более того – продолжай он свою деятельность в качестве руководителя Азербайджана, армянские сепаратисты никогда бы не осмелились открыто поднять Карабахский вопрос. И мне кажется, что если бы Гейдара Алиева не отдалили от советского руководства, то развал СССР выглядел бы не столь плачевно. Падение СССР было неминуемо, и Гейдар Алиев знал это лучше всех, но этот процесс «развода» мог бы пройти более цивильным путем, без территориальных претензий республик друг к другу, без кровопролития, жертв, захвата соседских земель.

Конечно, меня больше всего интересовало отношение Гейдара Алиева к отечественной интеллигенции – в первый период, когда он руководил Компартией, и во второй, когда стал Президентом независимого Азербайджана. Я – свидетель многих событий, о которых ведется речь в книге, и, читая о них, я испытывал странную ностальгию. Ведь будучи Первым секретарем и уже будучи Президентом, Гейдар Алиев обязательно участвовал в юбилеях наших классиков и многих современников, посещал театральные и кинопремьеры, бывал на концертах и выставках. Это, конечно, было крайне важно, но, возможно, важнее было то, что он оберегал всех нас, и в особенности молодежь, только ступившую в мир литературы и искусства.

Однажды на вопрос «А что, в вашей стране диссидентов не было?» Гейдар Алиев ответил: «Мы их не искали, если б искали, то такие бы нашлись». И вправду, произведения, которые в те годы создавались в азербайджанской литературе, театре, кино, в Ленинграде или даже Москве легко могли заклеймить как диссидентские. Ведь есть и литературные начальники, которые пуще, чем чиновники, стремятся быть «большим католиком, чем сам папа» или «большим роялистом, чем сам король». Не перевелись и доносчики, принюхивающиеся к тем или иным произведениям и сообщающие «куда надо». Люди, не имевшие никакого отношения к литературе, не будучи даже читателями, советовали на ждановско-сусловский манер писателям, о чем и как писать.

В то время, как Союз писателей Азербайджана отвечал всевозможным аганбекянам, ханзадянам, зейтунцянам, балаянам, айвазянам, некоторые наши историки выдавали наших предков-огузов во главе с Деде Горгудом за разбойников, защищали диссертации о «славной» деятельности бакинской коммуны и становились «учеными».

Гейдар Алиев хорошо знал место и суть каждого человека, знал еще и то, что, вопреки давлению советской Москвы, нельзя поступаться азербайджанской интеллигенцией. И я не голословен. Достаточно ознакомиться с книгой Эльмиры Ахундовой, чтобы убедиться в заботливом и внимательном отношении Гейдара Алиева к интеллигенции Азербайджана – как к пожилым, так и молодым её представителям. И это внимание и забота начали проявляться еще в советское время. То есть в те годы, когда Первый секретарь ЦК рисковал и сам, но, несмотря на все провокации и давление Центра, не позволял этому Центру причинить вред нашим интеллигентам, заклейменным в качестве националистов.

Наши благодарные писатели не забывали доброту этого великого человека, в самые трудные минуты не скрывали своего уважения и симпатии к нему. В то время, когда Гейдар Алиев несправедливо был отдален от государственных постов, когда в прессе о нем писали клевету, а сам он обосновался в родном Нахчыване, первое его интервью, данное журналисту Эльмире Ахмедовой, было опубликовано в журнале Союза писателей «Улдуз». Эльмира Ахундова, основываясь на тексте покойной Эльмиры Ахмедовой, пишет, что когда Гейдару Алиеву преподнесли номер журнала с его интервью, он сказал: «Я ведь ничего хорошего Аббасу Абдулле не сделал, а он нашел в себе смелость напечатать это интервью» (*Аббас Абдулла – тогдашний главный редактор журнала* – **Ред.**).

Неоднократно говорилось и писалось о том, как мы в те дни, когда многие отвернулись от Гейдара Алиева, пригласили его на Съезд писателей, как он уважительно был там принят, и как, став впоследствии Президентом, он принял участие в следующем нашем съезде и с благодарностью вспоминал о том событии. Об этом писал и я, пишет и Эльмира ханым в своей книге. Повторяться надобности нет.

Историзм – одно из достоинств книги Эльмиры Ахундовой. Автор нигде не исходит из актуальной конъюнктуры и не упускает исторических событий и личностей, занимающих свое место в истории. История не любит фальсификаций, и если проскочить через какие-то события и имена, то это может в дальнейшем привести к тому, что эти события и имена могут быть чрезмерно раздуты. У каждого свое место в истории. Говоря о Гейдаре Алиеве, стоит отметить: вынесенный историей вердикт, подтверждение в книге Эльмиры ханым этого вердикта посредством реальных фактов заключаются в том, что Гейдар Алиев – уникальная личность, политический гений, с которым повезло нашему народу в самый трудный и судьбоносный его час. И он останется в истории таким навеки.

В этой статье я завел речь о двух выдающихся личностях. С одним я познакомился через книги, с другим был знаком лично. Два труда – «Единственный человек» Шевкета Сурейя и «Гейдар Алиев. Личность и эпоха» Эльмиры Ахундовой, посредством которых я вошел в контакт с двумя величайшими политиками тюркского мира и XX века, подарили мне большие надежды на будущее.

Я хочу завершить этот текст тремя цитатами.

Шевкет Сурейя Айдемир пишет об Ататюрке:

«Он родился одним из представителей народа… Но в день смерти о нем говорили: – Величайший сын нации».

Эльмира Ахундова пишет о Гейдаре Алиеве:

«Сколько еще вы будете писать о Гейдаре Алиеве? – спрашивают меня иногда. «Наверное, всю жизнь», – откровенно признаюсь я. Это такая уникальная личность (личность «в четырех измерениях», как выразился однажды о Гейдаре Алиеве мой друг и учитель Рой Медведев) и такая уникальная судьба, что к ее отображению в публицистике следует подходить с максимальной ответственностью. И еще с любовью».

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев:

«Гейдар Алиев сегодня не с нами, но мы не должны падать духом. Его идеи живы, живы его философия, философия созидания Азербайджана, его идеология, жив и развивается созданный им Азербайджан. Все мы должны вести вперед нашу Родину по указанному им пути».

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ЮСИФ ВЕЗИР ЧЕМЕНЗЕМИНЛИ

С Т У Д Е Н Т Ы

*Роман**

Перевод Азера Мустафазаде

КНИГА ПЕРВАЯ
Часть первая

*

Дверь чуть приоткрылась.

– Кто там? – послышался тонкий девичий голосок.

– Здесь сдаётся комната? – спросил студент.

– Здесь, – ответила девушка, тотчас распахнув дверь.

Студент шагнул в небольшой коридор, первым делом внимательно глянул на девушку: среднего роста, розовощекая, совсем юная, она не была лишена обаяния. Пройдя вслед за горничной в комнату, студент спросил:

– Скажите, зимой в этой комнате тепло?

– Очень тепло. В прошлом году здесь тоже жил студент, так он всегда сидел в одной рубашке, – ответила девушка, слегка зардевшись.

Студент ещё раз внимательно огляделся. Комната была неплоха; всё необходимое в ней имелось: кровать, письменный стол, кресло, умывальник, даже электричество. Следовало остановить на ней выбор. Студент справился о цене. Горничная чуть смешалась и, сказав «я позову барыню», выскользнула из комнаты.

Кроме уюта, соответствия жилья желаемому, привлекательности и простодушия горничной, всякого студента занимало ещё одно обстоятельство: миловидность хозяйки! Дверь снова отворилась, и в комнату вошла необычайно изящная юная блондинка среднего роста. Её улыбчивое лицо сразу же покорило студента.

– Не откажите в любезности сообщить, сколько следует платить за комнату?

Движением головы она откинула со лба отливающую золотом прядь, сказала застенчиво:

– Мы всегда её сдаём за семнадцать рублей.

– В эту сумму входит счет за свет и услуги горничной? – уточнил он.

Хозяйка смутилась и обернулась в сторону служанки:

– Свет мы оплачиваем, а с горничной, думаю, вы договоритесь сами.

Студент удовлетворённо кивнул и, ещё раз внимательно осмотрев комнату, спросил:

– Кто проживает в соседней комнате? Здесь не шумно?

– Не беспокойтесь, шума не будет, там столовая. – Хозяйка улыбнулась: – Семья у нас небольшая. Супруг и я. А его часто дома не бывает.

Прощаясь с хозяйкой, студент сказал, что переедет дня через два.

* Журнальный вариант

*

Прошло несколько дней со времени переезда, но студент мало что знал о своих хозяевах. Лишь убедился – спокойные, приветливые люди. За всё это время он только раз столкнулся в коридоре с хозяйкой; опустив голову, она коротко ответила на его приветствие, тотчас прошла к себе. А мужа её он не видел вовсе.

Однажды вечером, когда горничная внесла самовар, студент задержал её:

– Скажи, здесь поблизости имеется прачечная?

– Да, – деловито ответила девушка. – На углу нашей улицы имеется «Варшавская прачечная». Там стирают чисто.

– Вы тоже сдаёте туда бельё? – студент явно не хотел отпускать девушку.

– Нет, мы стираем сами. У нас стирки набирается немного.

– А что, у барыни нет детей? – студент пытался выяснить интересующие его вопросы.

– Нет, – улыбнулась горничная.

– А как, по-твоему, почему? – тоже улыбаясь, спросил студент.

– Она ведь только год замужем... – тихо произнеся эту фразу, горничная вся вспыхнула и выскочила из комнаты.

После этого разговора интерес студента несколько поостыл. Более того, узнав, что его хозяева – молодожёны, он проникся уважением к этой молодой семье. И когда приятели, подначивая, спрашивали «хороша ли хозяйка?», он отвечал резко:

– Мне-то что за дело? Недостойно обсуждать чужих жён.

*

Студент жил привычной для себя жизнью, как и все студенты. Утром – университет, днём – столовая, вечером или занимался, или уходил куда-нибудь.

На днях в приоткрытую дверь хозяйской гостиной он приметил книжный шкаф. Студент вышел в коридор и послал горничную за книгами к хозяйке.

Барыня была в гостиной. Отложив книгу, она выслушала просьбу постояльца.

– Не знаю, что и предложить, чтоб им понравилось, – улыбнулась она, подойдя к книжному шкафу, и пригласила студента в гостиную.

– Извините, что беспокою вас, – несмело проговорил студент…

– Не беда, не беда, – кивнула хозяйка. – Проходите, садитесь.

Студент придвинул кресло, сел. Видимо, барыня тоже томилась в одиночестве: через несколько минут они уже были увлечены оживлённой беседой.

– Верно, вы кавказец?

– Да, кавказец.

– У меня в душе одна-единственная мечта – увидеть Кавказ. Я столько читала о Кавказе, слышала столько удивительного, при одном упоминании этого края у меня замирает сердце. Наверное, стоит увидеть горы, – восторженно продолжала хозяйка, – и все горести улетучиваются… – Затем обернулась к горничной, сказала, улыбаясь: – Лиза, теперь, оставаясь одни, мы не станем скучать: наш новый постоялец будет рассказывать о своей стране, мы услышим удивительнейшие истории… Простите, как вас зовут? – спросила вдруг хозяйка.

– Меня зовут Рустамбек.

Хозяйка повторила пару раз «Рустамбек», но непривычное имя далось ей с трудом. Покраснела и, с особой нежностью улыбаясь, сказала:

– Видишь, Лиза, какое трудное имя. Наши куда проще. Например, Софья Сер-

геевна. Так меня зовут, – пояснила она, глядя на студента. – Верно, оно для вас не сложно?

– Конечно, нам это привычней, мы с детства обучаемся в русских школах…

*

Беседа становилась всё оживлённей. Рустамбек рассказывал многое о Кавказе, о доблести и рыцарстве кавказцев, но, описывая обычаи и традиции своих земляков, не желая ронять их в глазах собеседницы, не стал говорить ни о разбое, царящем на его родине, ни об обычае кровной мести.

Не сводя с Рустамбека глаз, затаив дыхание, Софья Сергеевна увлеченно слушала студента, воссоздавая в своём воображении пленительный образ Кавказа. Она стала задавать всё новые и новые вопросы:

– Скажите, если я была бы уроженкой Кавказа и мой супруг застал меня за беседой с вами, он бы убил меня?

– На Кавказе есть места, – улыбнувшись, раздумчиво отвечал Рустамбек, – где муж, застав жену, беседующую с чужим мужчиной, убьёт её, и есть места, где не убьёт, лишь приревнует, осерчает.

Хозяйка изумлённо глянула на Лизу и снова перевела внимательный взгляд на Рустамбека. А тот, желая удержать внимание собеседницы, продолжал:

– У вас мужчины настолько кротки, что их совершенно не трогает, если их жёны или знакомые девушки беседуют или гуляют с чужими мужчинами. У нас всё иначе. Я не имею в виду жён, даже если хорошая знакомая станет проявлять внимание к кому-нибудь другому, мужчина впадёт в бешенство, сойдёт с ума от ревности.

– Значит, и вы ревнивы? – шутливо засмеялась хозяйка.

– Конечно! Конечно!

– Хорошо, представим, что ваша избранница предпочла вас другому. Как вы поступите?

– Мне трудно сейчас сказать, как я поступлю, но уверен, что сделаю всё, чего бы это мне ни стоило, чтобы одолеть соперника.

Последние слова Рустамбек выпалил столь гневно, будто перед ним уже стоял ненавистный соперник.

– Никакого соперника ещё нет, – расхохоталась Софья Сергеевна, – а вы уже кусаете губы. Представляю, что бы вы сделали, если бы он был в реальности.

Но тут расхохотался и Рустамбек.

*

Раздался звонок, горничная вышла и, вернувшись, сказала, что к Рустамбеку пришли.

– Здравствуй, Али! – выйдя в коридор, встретил приятеля Рустамбек, весело протянув ему руку.

Невысокий, с тонкой щеточкой усов, с вечно растрёпанными волосами, Али совсем не походил на других студентов: стеснённый в речах и действиях малый, он жил в поисках абсолютной истины. Пытаясь уяснить для себя различные, связанные с религией вопросы, он посещал мечети и молельные дома. Не было, наверное, моллы или дервиша, с которым он не вступал в спор или диспут. Оттого он, естественно, и не отличался постоянством суждений, был вечно в поиске, раздираем противоречиями.

– Извини, – сказал Али, когда они прошли в комнату, – может, я не вовремя?

– Нет, брат, – с улыбкой ответил Рустамбек. – Рад, что ты вспомнил обо мне. Ко мне ведь мало кто ходит. Студенты-мусульмане от страха обходят меня стороной: им не по душе серьёзные беседы. Бедняги! Увидят книгу – тоска в глазах. А у меня, как назло, есть кое-какие странные книги, от которых и в самом деле впору оробеть.

Рустамбек снова улыбнулся, глянул в сторону этажерки. Али внимательно рассматривал корешки книг.

– Этот большой том – Библия? – спросил он.

– Да, – улыбнулся Рустамбек. – Та самая Библия, что так пугает студентов-мусульман.

За стеной слышался голос барыни: она давала какие-то поручения горничной. В квартире над ними кто-то громко топал, с нижнего этажа доносились звуки фортепиано.

Али задумчиво посмотрел на Рустамбека:

– Я совершенно не знаком с бабизмом[1]. Хочется почитать что-нибудь об истории этого течения.

Книг о бабизме у Рустамбека не было, но он коротко пересказал приятелю всё, что знал об этом течении, об иранских бабистах, о секте Джафари.

– Иран вообще всегда был источником сектанства, – добавил Рустамбек.

Али внимательно слушал Рустамбека, иногда задавал вопросы, порой высказывал и своё мнение.

– Говорят, – сказал он, – что бабизм особенно распространен в Америке.

– Чепуха! – раздражённо ответил Рустамбек. – На мой взгляд, Америка не нуждается в новой религии. Истинная вера Америки – коммерция и промышленность. Там люди настолько заняты делом, что им, как говорится, некогда почесать голову. Поиски новой религии – признак безделья. Придумывание новых верований – монополия Востока. Мы проводим жизнь в такой лени, мифах и суеверии, что…

Беседы о религии были любимым коньком Рустамбека. Он говорил, демонстрируя широкую осведомлённость, а перед глазами Али, будто на киноленте, проносились кровавые страницы истории Востока, застой и инерция жизни…

– Европа, – продолжал Рустамбек, – дала миру множество великих философов, учёных, обладающих знаниями во всех сферах науки, но в европейской истории не встретишь изобретателей новых религий. Были религиозные реформаторы, к примеру, Лютер и Кальвин, но творцов новых верований не было. А у нас, на Востоке, любой, кто не способен даже поделить охапку овса между двумя ослами, и тот мечтает стать мессией…

Рустамбек умолк. Али все ещё был под впечатлением от услышанного.

– Я наблюдал за людьми, принявшими бабизм, – вернулся к прежней теме Рустамбек. – Среди них нет ни одного мало-мальски зрелого человека. Все какие-то половинчатые: от невежества ушли – совершенства не обрели. Впрочем, так и должно быть, ибо невежда крепок в своей вере, а мудрым и умным идолопоклонничество ни к чему. Они и без религии знают, как жить. Намазы, ураза, поклонение святыням – удел бездельников, пустая трата времени. Поэтому мудрецы не придумывают новых религий, больше того, не придерживаются и прежних. Считают низостью быть рабом религии. Что же касается тех, половинчатых, то их поиски новой веры – лишь претензия на прогрессивность. Религия и наука – враги; они всегда в борьбе.

[1] Бабисты – последователи учения Али Мухаммеда Ширази (Баба). Учение Баба (1819–1850) было направлено против произвола феодалов и высшего мусульманского духовенства.

Али молча слушал приятеля, кивал головой, порой соглашаясь с ним, а порой выражением лица давал знать о своём неприятии.

– Со многим, что ты говоришь, – воспользовавшись, наконец, паузой, сказал он, – я согласен. Знаю, что религия – от начала до конца измышление. Знаю, что можно прожить и без веры. Ясно и то, что здравомыслящий человек не может, не должен верить религиозным догмам и мифам. Но религия родилась одновременно с человечеством, и все эти века она сопровождает его, указывает путь на извилистых дорогах истории. За Конфуцием, Буддой, Моисеем, Иисусом, Магомедом, над которыми мы сегодня иронизируем, идут миллионы людей, причём по-своему самоотверженных и убеждённых… Что ты скажешь на это?.. Дело не в тех, кто изобретает новые религии, вопрос в поисках веры самим человечеством. Что же делать? – заметно погрустнев, спросил Али.

– Стремиться понять смысл и назначение жизни, – уверенно ответил Рустамбек.

Беседа затянулась до полуночи. Али встал, взял почитать несколько книг и, извинившись, ушёл.

*

Рустамбек был сыном Алышбека из Учдейирмана. Переехав из села на постоянное жительство в город, этот бек вскоре почти полностью растерял черты, приметы, присущие его сословию. Приставка «бек» была для него теперь лишь поводом к иронии: «Какие нынче беки, – говаривал он, – кто сыт, тот и бек!»

Городской быт не сказался лишь на образе жизни Зейнаб-ханым: жена и в городе жила так, как привыкла в деревне, как жили её родственники и знакомые – жёны беков. Если шла в гости, слуга или служанка несли за ней серебряный кальян, а затем стояли за дверью, сторожа башмаки хозяйки.

Особенно торжественно обставлялось еженедельное посещение бани. Впереди важно шествовала хозяйка, за ней – слуга Хангули с узлом белья в одной руке и с кувшином в другой. Замыкала шествие, тараща на прохожих косые глаза, служанка Гызетар. Зажав губами конец чадры, она несла серебряный кальян и табакерку. На одном башмаке Гызетар был сломан каблук, оттого она прихрамывала, часто оступалась, попадая в выбоины и ямки. В таких случаях служанка останавливалась, несколько минут косо глядела на ямку, затем, чертыхнувшись: «Чтоб ты сгинула!», продолжала путь.

Когда они приближались к цели, Гызетар обгоняла Хангули и хозяйку и, вбежав в баню, кричала: «Госпожа идёт!» Суетливо хлопотала банщица Хурзад, тёрщица Шафаг мыла каменную полку и стелила на неё широкий, с бахромой, плед, не стояла без дела и другая банщица – Тукезбан.

После этого банщицы готовили сироп из чернослива, чтобы госпожа после купания утолила жажду.

Вся эта заваруха длилась несколько часов, и всё это время бедняга Хангули подрёмывал, прислонившись к тёплой стене бани.

…Господа денег слугам не платили – те служили, имея за это только небольшую комнату, кое-какую одежду и стол. Из года в год оброк из села становился всё скуднее, жизнь господ понемногу упрощалась, напоминая жизнь простых обывателей. Прежде на праздники было принято дарить слугам обнову, теперь и этот обычай был предан забвению. Больше того, даже еда становилась все скудней. Вот почему Хангули в последние годы сам стал добывать кое-какие средства. Он сажал во дворе хо-

зяйского дома капусту, трусил смоковницу, настаивая из спелых тутовых ягод уксус. Продавал уксус, обеспечивая себя деньгами на одежду и карманные расходы. А в свободное время по-прежнему прислуживал беку и госпоже.

Зейнаб-ханым была дочерью Джахангирбека из Акгоюнлу. Ещё подростком она поражала родителей живостью и смышлёностью. Резала правду в глаза, не лезла за словом в карман. Джахангирбек говорил жене: «Помяни моё слово, долго в мужниной семье она не задержится. Клянусь могилой отца, только выйдет замуж – вернут обратно». Жена придерживалась иного мнения. Она верила, что из её дочерей именно Зейнаб первая выйдет замуж, станет хорошей хозяйкой и матерью. Всё свершилось, как она предсказывала, – в шестнадцать лет Зейнаб, сговорившись с Алышбеком, однажды ранним утром удрала из родительского дома.

Алышбек в то время был чернобровым, черноглазым молодцом двадцати трёх – двадцати четырёх лет. Всегда на коне, с соколом на руке, рядом охотничьи собаки, днями он пропадал на охоте.

Однажды охотничьи тропы привели его к Акгойунлу. Он шёл садами, ведя на поводу коня, насвистывая что-то, и вдруг приметил двух девушек. Одна из них, судя по всему, госпожа, вторая – служанка. Госпожа – светленькая, пухленькая девушка… Среди дикорастущих кустов сада она сама казалась прекрасным и роскошным цветком. Увидев Алышбека, девушка взметнула брови, стрельнула насмешливым взглядом, сказала служанке:

– Прекрасное дело – охота!

По всему, и служанка была всезнающим человеком, схватывала всё на лету.

– Отличное дело, если охотник отважный! – выпалила она, не задумываясь.

Алышбек уловил иронию и, хотя был пленен решимостью и очарованием девушки, не растерялся.

– Отваги охотнику не занимать, – сказал он. – Лишь бы дичь оказалась верной.

Удовлетворённая ответом, Зейнаб повела глазами, улыбнулась и той улыбкой окончательно покорила сердце Алышбека.

В тот день охота потеряла для Алышбека всякий интерес. Он подстрелил пару фазанов, прошел, ведя на поводу коня, к берегу реки, прилёг на траву: все его мысли были в Акгойунлу. Девушка с её словами, улыбкой, манерами стояла перед его глазами. У него защемило сердце. Он повторил слова девушки: «Прекрасное дело – охота!», поднялся и без прежней уверенности в себе вскочил на коня. «Если даже придётся устроить набег, – решил он, – разорить чей-то очаг – на всё пойду! Девушка должна стать моей».

Обретая все больше смелости, он снова погнал коня в Акгойунлу. На развилке, у приземистой мельницы, он повернул коня. В душе ожили радость и надежда. Приближаясь к саду, пустил коня шагом. Снова приподнялся в седле.

Приметив служанку, что скрывалась за кустами, осадил коня. Служанка, улыбаясь, подошла к нему.

– Возьмите, бек, – тихо сказала она, протянув ему поверх изгороди надкусанное яблоко.

Алышбек изумлённо посмотрел на следы мелких зубов на яблоке.

– Это прислала моя госпожа и ещё наказала кое-что передать на словах.

– Что?

– Прочти беку это баяты[1]:

[1] Баяты – форма азербайджанского стиха.

Я надкусила белое яблоко.
Надкусила – посеребрила.
Брат явился – поскупилась.
Пришёл любимый – подарила.

На какой-то миг юноша даже потерял дар речи.

– Пусть завтра утром будет готова, – сумел лишь выговорить он, собравшись с духом, – приеду за ней.

Служанка отошла от изгороди, и только тогда Алышбек, наконец, стал что-то соображать.

– Я – Алышбек, сын Ага Гасана из Учдейирмана, – крикнул он вслед ей. – Вдруг решит, что я какой-то проходимец.

– Зейнаб-ханым, – засмеялась служанка, – тоже не из простых, ровня вам. Она – дочь Джахангирбека. Эти сады, табуны, нивы принадлежат ему…

Зейнаб родила Алышбеку трёх дочерей и двух сыновей. Старшую дочь он выдал за Насирбека из Сарыгасанлы. Но она вскоре умерла, и Насирбек женился на средней дочке. Третья же дочь была замужем за Сыгырлинским Лачинбеком.

Таким образом, в городе семья Алышбека была небольшая: Зейнаб-ханым, он сам и старший сын Самедбек. Летом приезжал на каникулы Рустамбек, гостили дочери с детьми. Тогда в доме становилось шумно, нарушалось однообразие жизни.

В зимнюю же пору семья жила однообразно: Зейнаб-ханым, как правило, с кальяном в зубах сидела, прислонившись к окну, подложив под спину подушечку. Гызетар пересказывала ей городские сплетни, а Алышбек шёл в мечеть и там, во дворе, сидя перед кельей кази, слушал религиозные споры. Самедбек же служил – работал писарем в канцелярии градоначальника.

Раз уж о нём зашла речь, следует сказать несколько слов и о Самедбеке.

Мальчик рос своенравным, упрямым, привык всегда добиваться своего. Немалую роль в этом играло и то, что Самед был первенцем в семье. Когда мальчик подрос, вступил во взрослую жизнь, эти изъяны воспитания стали проявляться острей. В школе он настроил против себя товарищей, ибо желал подчинять всех своей воле. Не сложились у него отношения и с преподавателями: своим острословием и непослушанием он доводил их до исступления. Сдав экзамены, Самедбек стал сельским учителем. Но и на этом поприще особыми успехами не отличился. Труды и заботы преподавательской деятельности оказались ему непосильны. Самедбек вернулся в город. Но как бы там ни было, он был бекским сыном, и на сей раз ему удалось поступить на службу в канцелярию градоначальника. Отсутствие друзей и приятелей невольно направили Самедбека на полезную стезю: он увлёкся книгами, занялся самообразованием.

Поначалу Рустамбек мало походил на старшего брата. Искренняя набожность Алышбека не могла не заронить в сердце безгрешного Рустамбека подобные же чувства. Самед, иронически улыбаясь, как правило, подтрунивал над совершавшим намаз богомольным младшим братом.

– Рустам, – говорил он, – из тебя получится отличный молла. Напрасно ты теряешь время в реальном училище. Лучше отправляйся в скит, молельню.

Слова брата огорчали Рустамбека.

– Прошу тебя, не встревай в мои дела, – говорил он. – Почему ты влезаешь в мои отношения с Всевышним?

– Дуралей, между тобой и Всевышним нет щели, просвета, в которую я мог бы

влезть. Аллах целостен, един, у него нет ни глубины, ни края. Кроме него, ничего нет, как ты можешь отделять себя от Аллаха?

Рустамбек вслушивался в серьёзные сентенции Самедбека, не в силах осознать их значения, более того, боялся вникнуть в их смысл. Но всё-таки эти слова брата влияли, западали в его душу. Он обрёл привычку ясно анализировать, продумывать каждую мысль. Рустам подолгу размышлял о Боге, пророках, о чудесах, описанных в Коране. Если чего-то не понимал, спрашивал Самеда, и тот, снабжая его книгами, пытался, как мог, просветить младшего брата. Эти вопросы очень занимали Рустама, они часто спорили. Книги, конечно же, расширяли кругозор Рустама, но поколебать его убеждений совершенно не могли. Как и прежде, Рустам продолжал точно выполнять все требования и предписания шариата.

Дядя Рустамбека по отцу – Бахышбек – служил в Баку. Бог не дал ему своих детей, и он упросил своего брата Алышбека прислать к нему младшего племянника. С шестого класса Рустамбек жил и учился в Баку. Бахышбек и его жена Набат-ханым очень любили племянника. Рустам тоже привязался к ним, так они и жили в атмосфере взаимной любви и уважения.

Жизнь в Баку, несомненно, оказала большое влияние на внутренний мир Рустамбека. В отведённой ему для занятий комнате он давал волю своим размышлениям и сомнениям. Рустам вспоминал слова брата, пытался в меру своих способностей разобраться в их смысле. И однажды сказал самому себе:

– Аллах не есть порождение чего-то. Он был, есть и будет вечно. Он велик и составляет единство множества. Кроме Него, ничего нет: Он вобрал в себя всё, Он влияет на всех и на каждого… Одинаково относится ко всему. Он не знает гнева и возмездия, жалости и сострадания. Для Него равны и грех, и благо. Ему не ведомо понятие «разница»… А раз это так, то Аллах не нуждается в нашем поклонении. И глупо думать, что Он слышит наши молитвы и заклинания, ибо Божьи законы, гармония природы – категории постоянные и незыблемые…

Еще его очень занимала природа чудес. Брат говорил, что чудес не бывает, верить в них здравомыслящему человеку негоже. Чудеса придуманы для обмана людей. И Рустамбек попытался разобраться во всем этом сам.

– В основе любого чуда, – раз за разом рассуждал он, – лежит привилегия. Привилегия – то есть разрушение гармонии, равновесия природы. Нарушена гармония – как результат, рушатся основы незыблемых законов.

Он подошёл к письменному столу, раздражённо схватил кусок минерала, подняв над головой, разжал руку. Камень стремительно полетел вниз.

– Камень упал на пол, – убежденно констатировал Рустамбек, – ибо так ему предписано вечным законом. Если бы камень взлетел вверх, это было бы привилегией. Природа не признает привилегий, камень, как и человек, не может ни с того, ни с сего взлететь в небо: каждый, кто верит в обратное, поклоняется чуду и, таким образом, также сомневается в справедливости Всемогущего…

Все вопросы, занимавшие Рустамбека в последнем классе реального училища, были решены. Как результат – Рустамбек навсегда отказался от намаза и поста, от исполнения предписаний шариата. Он верил только в Бога. Он представлял себе Бога в виде некой сверхмогущественной, разумной, созидательной силы, но восхвалять или поклоняться ей он не мог. Он понял, что следует прочесть Библию, Евангелие, Коран, другие религиозные источники, серьёзно заняться философией.

Этот новый этап в жизни Рустамбека совпал с его студенческими годами.

*

Софье Сергеевне не спалось. Все её думы были заняты Рустамбеком…

– Дурно! – несколько раз повторила она про себя. – Дурно думать о каком-то постояльце-студенте. – Она вскочила с постели, шепча: – Федя! Федя! – и в смятении растолкала мужа. – Федя! Я, видно, заболела. Включи свет. Я боюсь темноты.

Фёдор Иванович встал, зажёг лампу.

– Что случилось, дорогая? – спросил он. – Может, сегодня ты простыла?

– Нет, Федя, у меня отчего-то сжимается сердце.

Софья глянула в лицо мужу, улыбнулась, потом, приобняв, уткнулась головой ему в грудь. Федор Иванович тоже обнял жену, погладил ей волосы.

– Ничего у тебя нет, любимая. Просто каприз.

В ответ Софья подняла голову, окинула его болезненным взглядом.

– Федя, дорогой, знал бы ты, как я тебя люблю.

– Верю, любимая, верю, – удовлетворённо улыбнулся он, но абсолютно не понял состояния жены, не придал ему значения. Как только Софья успокоилась, он погасил свет и тотчас уснул.

А женщина всё ещё не могла сомкнуть глаз: чарующе красивое лицо Рустамбека ожило перед её глазами.

На сей раз Софья Сергеевна не испугалась его взгляда, глянула прямо в его глаза. Вдруг её объял страх, все тело охватила мелкая дрожь. Холодными, непослушными пальцами она нащупала нагрудный крест, прочла молитву, призывая в помощь Бога… Но умиротворения её душе не пришло. Осознав своё поражение, она уткнулась головой в подушку, беззвучно заплакала…

*

Когда позвонили во второй раз, поняв, что никто не стал открывать, Рустамбек вышел в коридор, отворил дверь. На пороге стояли Софья Сергеевна и её супруг. Увидев Рустамбека, хозяйка поначалу растерялась, побледнела, затем зарделась.

– Зачем вы беспокоились, горничная открыла бы, – вежливо поклонившись, сказал Фёдор Иванович.

– Видно, Лиза вышла погулять, – тихо проговорила Софья Сергеевна. – Извините, потревожили вас.

– Мне это доставило удовольствие, – также поклонившись, сказал Рустамбек.

– Как случилось, что вы остались дома в воскресный вечер, не ушли куда-то гулять? – улыбаясь, Фёдор Иванович покручивал тонкие желтые усы.

– С удовольствием побродил бы по городу, жаль, вздремнул, а когда проснулся – было уже поздно.

– Так вы спали… В таком случае пожалуйте к нам.

– С удовольствием, – поблагодарил Рустамбек и прошёл вслед за хозяевами в гостиную.

Фёдор Иванович вытащил из кармана белый платок, вытер широкий лоб и краешки глаз.

– Вот вы сидели дома, – как бы подтрунивая над самим собой, сказал он, – а мы побывали в синематографе, посмотрели фильм.

– Честно говоря, не люблю я эти фильмы, – с готовностью поддержал разговор Рустамбек, – все они напоминают друг друга.

– А что делать? – проговорила Софья Сергеевна. – Чем сидеть и скучать дома,

лучше пойти в синематограф.

– Конечно, вы правы, – сказал Рустамбек, – но я предпочитаю влиться в шумный уличный поток, разглядывать толпу снующих, как муравьи, людей.

– Но бродить бесцельно по улицам в конце концов надоедает, – серьёзно сказала Софья Сергеевна. – Да и толкаться в толпе тоже не доставляет удовольствия.

…Фёдор Иванович, насмешливо улыбаясь, поднялся с кресла:

– Знаешь, дорогая, сейчас для меня яичница из трёх яиц предпочтительней, чем сотня фильмов… Собери что-нибудь на стол.

– А тебе, кроме как поесть, ничего и не надо, – засмеялась хозяйка, зовя вернувшуюся Лизу.

Фёдор Иванович прошёл к окну, взял с подоконника табакерку и трубку.

– На службе, – набивая трубку, сказал он, – я курю папиросы, а дома только трубку. Трубка имеет особую прелесть. Но всё равно я завидую тому, что вы не курите. Прежде вашу комнату тоже снимал студент. Был ужасно неряшлив – на столе, на полу валялись окурки, повсюду кучки пепла. Наша Софья, естественно, была недовольна. А ваша аккуратность ей нравится: она всегда говорит об этом…

Сказав это, Фёдор Иванович глянул на жену, громко засмеялся. Софья Сергеевна покраснела и, чтобы скрыть смущение, спросила:

– Рустамбек, вам удалось посмотреть «Тайфун»?

– Нет, – с сожалением проговорил Рустамбек, – на днях схожу, посмотрю.

– Прекрасная пьеса, – подхватил Фёдор Иванович. – Настоятельно рекомендую. Патриотизм японцев должен быть для нас эталоном… Мне понравилась сцена, когда европеец спрашивает японца: «Как вам удалось за столь короткое время достигнуть подобного прогресса?» Поразителен ответ японца: «Мы добросовестно выполняем задачи, что ставит перед каждым из нас государство»… Великие слова!

– А у нас наоборот, – засмеялся Рустамбек. – Раз служба – значит кое-как, спустя рукава, на скорую руку…

Вошла горничная. Хозяева предложили разделить с ними ужин, но Рустамбек отказался.

– Мой дорогой, – сказал Фёдор Иванович, прожёвывая кусок, – прежде всего, должен быть авторитетным тот, кто распределяет должности. Кто вспомнит о служебном долге, если наверху сидит непроходимый дурак? – Фёдор Иванович рассмеялся смехом, напоминающим звон колокольчика. – На самих себя я уже не надеюсь, у нас всё построено на «авось». Авось, и наши дела когда-нибудь наладятся, – скаламбурил он и снова засмеялся.

*

Чингиз снимал жильё не один. Его соседом по комнате был Джалал – смуглый, худощавый студент среднего роста. По складу характера он был пессимистом, к его губам навсегда прилипла саркастическая улыбка. Воспитанный в духе журнала «Молла Насреддин», он ни к чему не был способен, кроме иронии ко всему на свете. Не верил ни во что, и в своём неверии был стоек и постоянен.

Джалал встретил их, по обыкновению, со смехом.

– Ах, Рустам, – воскликнул он, – ты снова штудируешь Библию? Впрочем, об этом мы ещё успеем поговорить, ты лучше ответь, почему не бываешь у нас?

– И не спрашивай, Джалал, – откликнулся Рустамбек, – очень я занят.

– Очень занят, – усмехнулся Чингиз, – с утра до вечера ест с Джафаром арбузы.

Услышав это имя, Джалал чуть насторожился:

– Рустам, что у тебя может быть общего с Джафаром? Он – мошенник, прощелыга, как говорится, разоритель чужих гнёзд. Ты же – человек спокойный. Опасайся, он может развратить тебя.

Рустамбек присел, а Джалал, не придавая своим же словам серьёзного значения, окинул его шутливым взглядом.

– Ты не удивляйся, – сказал Рустамбек, – мы с Джафаром друзья.

– Я и не удивляюсь. Был убеждён, что студенческая жизнь испортит и тебя. Помнишь, как ты наставлял одноклассников в училище? Говорил, что должны воспринимать всех женщин, как святых. Считать их всех сёстрами и матерями.

Чингиз пораженно посмотрел на Рустамбека:

– Неужели он придерживался подобной философии?

– А как же, Рустам в то время слыл великим философом, увидит девушек, говорит: «Вы – мои сёстры!» А они, едва приметив, бежали от него, как от чумного. Ха-ха-ха!

Пока Джалал говорил, Чингиз оторопело глядел на Рустама.

– Оказывается, это удивительный человек. Я знаю его всего два года. Но до этого даже не встречались.

– А я, – словно хвастаясь, сказал Джалал, – знаю Рустама с детства. Несколько лет учились вместе в реальном. Позже он перевёлся в Бакинское училище, и нас развело в разные стороны. Он и в детстве был чудаком, какое-то время регулярно совершал намаз, говоря: «Это – форма гимнастики». Позже рьяно соблюдал различные религиозные посты. Изучал турецкий и фарси, побывал в патриотах. Затем забросил это всё. Теперь учится у Джафара искусству волочиться за женщинами. Ха-ха-ха!

Все снова дружно засмеялись.

Тем временем Чингиз разлил чай, выдвинул из-под кровати ящик, вытащил банку варенья.

Разговор незаметно перешёл к разгоревшемуся в те дни скандалу между Тагиевым и Бехбудовым.

Бакинский миллионер Гаджи Зейналабдин Тагиев, приревновав свою молодую жену к инженеру Лютфалибеку Бехбудову, зазвал его к себе, затем, приказав слугам избить гостя, вышвырнул вон из своего дома. Дело разбиралось в суде, все российские газеты посвятили ему пространные колонки. Естественно, студенты читали об этом происшествии, но истинную подоплёку случившегося знали немногие.

Джалал сообщил приятелям об этом происшествии много интересного.

– У меня есть право быть пессимистом, – сказал он. – Неграмотный миллионер ославил на весь свет тюркского интеллигента, причём руками самих же интеллигентов. А суть конфликта в противоречиях в среде самой интеллигенции. Вы-то знаете, как стремительно росла популярность Ахмедбека[1] в Азербайджане после 1905 года. Он издавал в Баку две ежедневные газеты – на тюркском и русском языках, возглавлял ряд обществ. Создание комитета «Дифаи», требующего автономии для Азербайджана, тоже было делом его рук. Он же организовал общество «Идаят» для борьбы с гочу, с теми самыми наёмными бандитами. Представьте себе авторитет этого человека: когда он прибыл в Шеки, чтобы мирить суннитов и шиитов, всё население города вышло встречать его с возгласами: «Нет Бога, кроме Бога, а Ахмедбек – пророк его».

[1] Ахмедбек Агаев – известный азербайджанский издатель, журналист, просветитель.

Популярность Ахмедбека не давала покоя Алиярбеку, стремящемуся превратить патриотизм в свою личную монополию. Алиярбек – был одним из верных слуг Тагиева, сотрудничал с газетой «Каспий» на русском языке, издателем которой являлся миллионер.

Бехбудовская история – результат интриг Алиярбека. Как известно, большинство работников сферы просвещения, печати, театра, различных бакинских обществ – выходцы из Гарабаха. Ахмедбек Агаев и Бехбудов – тоже гарабахцы. Алиярбек, оседлав патриотизм, сеял вражду между бакинцами и гарабахцами. И первые семена этой розни были рассыпаны в доме «падишаха» Баку – Зейналабдина Тагиева.

В результате Алиярбек одержал верх над группой Ахмедбека. Что удивительно в этой истории, сам Алиярбек был родом из Тифлиса…

Чингиз, внимательно слушавший рассказ Джалала, вздохнул:

– Да, ты открыл мне целый мир. Всего этого я не знал.

– А как же, – взволнованно продолжал Джалал. – В конце концов Бехбудов был вынужден удалиться в Гарабах. Затем Ахмедбека вызвал Тагиев и потребовал, чтобы тот покинул Кавказ. Журнал Алибека Гусейнзаде «Фиюзат» тоже издавался на средства Тагиева. Турецкий Султан Абдулгамид только намекнул, и Тагиев тотчас прикрыл это издание. Едва в Турции приняли конституцию, как Гусейнзаде отправился туда …

– А я слышал, – вмешался в разговор Рустамбек, – что Ахмедбек покинул Кавказ из-за «Дифаи», ибо эта организация вступила на путь террора, начала экспроприировать богачей. Говорит, что именно члены «Дифаи» выкрали Мусу Нагиева и освободили, получив выкуп в сто тысяч рублей. Естественно, Тагиев впал в смятение и потребовал отъезда Ахмедбека.

Помнится, в своё время Ахмедбек приезжал в Шушу, чтобы и там создать отделение «Дифаи». Поначалу купечество запротестовало, но Ахмедбек, не будь дураком, в один из вечеров собрал народ в мечети Гевхар-аги. Ситуация в Шуше в те дни была исключительно напряжённой, только недавно произошли первые армяно-азербайджанские столкновения. Армяне, видно, готовясь к новым боям, на шестидесяти повозках вывезли из города женщин и детей. И верно – через год ожесточенные бои вспыхнули с новой силой.

Приезд Ахмедбека в город в столь смутное время был воспринят одними с надеждой, другими – с озабоченностью. Ахмедбек произнёс в мечети пространную речь, подчеркнул, что Шуша имеет большое значение для тюрок Закавказья. «Шуша – крепость, – говорил он, – если её потерять, иного пути, как, собрав жен и детей, перейти на другой берег Аракса, нет…» Затем он перешёл к «Дифаи», сказал, что намерен создать тайную организацию. Местные богатеи, опасаясь, что путём шантажа у них станут выбивать деньги, переполошились, не дали согласия на создание в Шуше отделения «Дифаи».

Ахмедбек – человек вспыльчивый, обиделся, ушёл. Наутро весь город, примерно тысяч десять человек, осадили дом, где он остановился. «Не уезжай, на кого ты нас оставляешь?» – кричали собравшиеся. Ахмедбек снизошёл, вышел к народу, пообещал, что не уедет, пока не создаст комитет.

– И он создал его? – поразился Чингиз.

– Да.

– Смелый человек.

– Смелый, смелый, только… – с сожалением сказал Рустамбек, – избранный им путь был неверен. Во-первых, Ахмедбек придерживался идеи панисламизма. Какая

пустая идея! Во-вторых, бороться против «Дашнакцутюна», организуя «Дифаи», всё одно, что смывать кровью кровь. Возник вопрос этнографических границ, разве сложно организовать встречу армян и тюрок, решить всё миром?

– Всё не так просто, – возразил Чингиз. – В таком случае армяне, живущие среди тюрок, должны были перебраться к армянам, а тюрки – к тюркам. Царское правительство на это согласия не дало бы, это стало бы первым шагом к подготовке автономии. Чтобы задушить в корне вопрос автономии, царские власти искусственно разжигали армяно-азербайджанский конфликт…

Они помолчали. Лицо Рустамбека было просветлённым и задумчивым:

– Ах, записать бы историю нашей интеллигенции: панисламизм, пантюркизм… бесконечные борения… И все же, несмотря на все ошибки пройденного пути, мы придём к необходимости защиты политических, экономических и культурных интересов родной страны, придём к миру и дружбе с армянами. Это произойдет. Родятся и истинные интеллигенты, что станут служить народу. Это обязательно произойдёт! Нельзя быть пессимистом, в истории народов, нащупывающих путь к цивилизации, подобное случалось не раз. Те, кто придёт вслед за нами, будут лучше нас.

– Глупости, нам никогда не стать зрелыми людьми! – иронически засмеялся Джалал.

Услышав стук в дверь, они замолчали. В комнату, потирая озябшие на морозе руки, вошёл ещё один студент.

– Здравствуй, Меджид, – приподнялся Чингиз. Рустамбек и Джалал тоже протянули руки, но без присущей студентам простоты и приветливости. Меджид держался от студентов особняком: не принимал участия в выборах в «Мусульманское землячество», не посещал благотворительные вечера; его интересовали лишь собственные дела, дни и ночи он корпел над учебниками…

– Ты не знаешь Меджида, – сказал Чингиз Рустамбеку. – Крепкий орешек. Не шутка, ещё несколько месяцев – станет врачом.

От похвалы Меджид ещё более напыжился и снова невпопад засмеялся:

– Видите, и Чингиз считает, что завершу. А сам не знаю, удастся ли.

В дверь снова постучали, и в комнату вошёл ещё один студент с портфелем в руке. Весь его вид выражал искусственную деловитость и озабоченность.

– Вы решили в этот вечер провести собрание? – засмеялся Меджид. – Ради Бога, будьте осторожней, придут, упекут в кутузку – потом не расхлебаем.

Чингиз представил нового гостя Меджиду: они не были знакомы.

– Гасан, что у тебя в портфеле? – улыбаясь, спросил Джалал. – Очень он тебе к лицу. И усы у тебя отвислые, на иранского наиба похож.

Все рассмеялись.

Гасан деловито открыл портфель, вытащил листок бумаги. Чингиз взял, внимательно пробежал его глазами.

Текст был на русском: «Мы, нижеподписавшиеся, мусульманские студенты, решили распустить правление нашего общества и избрать новое, так как вышеупомянутое правление создано под влиянием отдельных лиц, без учёта воли и желания большинства…»

Встретив среди подписавшихся имя Гулу, Чингиз расстроился, побледнел. Рустамбек взял у него бумагу. Подошёл ближе и Джалал. Меджид неторопливо пил чай.

– Гасан, – спросил Чингиз, раздраженно закуривая папиросу, – вы что, где-нибудь собирались?

– На днях нас пригласил к себе Теймурбек. Там были Гулу и ещё несколько студентов. Подождали немного, но никто больше не пришёл. Гулу и повёл разговор. Сказал, что выборы были проведены с нарушениями. И верно, Чингиз, мы должны избрать в правление достойных людей. Напрасно обошли такого человека, как Гулу.

Рустамбек помрачнел, а Джалал улыбнулся. Заметив его улыбку, Гасан огорчился, размахивая руками, вдруг сорвался на крик.

– Чему улыбаешься, Джалал, – спросил он. – Кому понравится, если выбирают ни в чём не разбирающихся первокурсников?

Его поведение ещё больше рассмешило Джалала.

Выговорившись, Гасан отошел, сел в сторонке.

– Ну, друг, кажется, Гулу угостил тебя на славу!

– Ради Бога, прекрати! – огрызнулся Гасан, отвернувшись.

Меджид сидел поодаль, молча слушая перепалку. Считая всех этих ребят болтунами и бездельниками, он хотел поскорее уйти, оказаться у себя, в своей комнате, среди своих книг. Он окинул взглядом комнату, поднялся, походил, затем подошёл к письменному столу. Заметив учебник по медицине, взял, полистал его. Книга была знакомая, готовясь к экзаменам, он проштудировал её. Но всё равно учебник заинтересовал его, он открыл первую попавшуюся страницу, начал читать. Едва Меджид погрузился в чтение, как спор по поводу правления вспыхнул с новой силой, и ему стало совсем невмоготу. Он бросил книгу на стол и, подав всем руку, вышел. Чингиз поднялся проводить, остальные даже не заметили его ухода. Гасан, нахохлившись, стоял посреди комнаты, что-то крича, а Джалал пытался его урезонить:

– Тише, брат, тише! Ты добьёшься, что хозяйка откажет мне в комнате. Знаю, патриот из тебя никакой, а без жилья мы точно останемся.

– Обидней всего, – раздражённо выговаривал Гасану Рустамбек, – что, будучи студентом не первый год, даёшь обвести себя вокруг пальца. Друг мой, ты-то знаешь, что за человек Гулу!

– Ничего я не знаю.

– Не знаешь – спроси у Чингиза.

Чингиз попытался смягчить спор:

– Гасан, я задам тебе один вопрос. Как, по-твоему, следовало провести выборы, чтобы это соответствовало инструкции?

– Когда выдвигали новых кандидатов, прошли только предложенные вами. Так не должно было быть.

– Гасан, сколько ребят приехало в Киев в этом году? – продолжал Рустамбек.

– Человек пять или шесть.

– По-твоему, не проголосуй эти шесть студентов за нас, мы бы не попали в правление? Так, что ли?

Джалал, поняв, куда бьёт Рустамбек, сказал:

– Нынешние попали в состав правления, ибо за них проголосовали не шесть, а сорок студентов. Неужели все они были подучены?

– Не знаю, – пожал плечами Гасан.

– Здорово же тебя накрутили! – захохотал Джалал.

– Гасан, милый, – упрекающе покачал головой Рустамбек, – не верь ты этим интриганам, давай работать сообща. Проведём благотворительный вечер, вовремя соберём членские взносы, пополним кассу, приобретём новые книги для нашей библиотеки… К чему делить студентов на группы? Пользы никакой.

Гасан молчал. Кажется, слова Рустамбека, хоть и немного, подействовали на него.

Джалал приподнялся, по обыкновению смеясь, сунул ту самую бумагу в портфель Гасана.

– Отнеси её домой, – сказал он. – Может, понадобится.

…В комнате стало тихо.

*

На следующий день Гасан отправился навестить Гулу, но дома его не оказалось. Пришлось идти в институт. Войдя в большой зал анатомички, он сразу же почувствовал удушливый запах. На длинных высоких столах лежали препарированные трупы. Над ними колдовали студенты в белых халатах. Гасан ещё озирался по сторонам, как к нему подошёл высокий с пышными усами студент.

– Дорогой, здесь тяжёлый запах, тебе не привычно, да и зрелище не для слабонервных, выйдём в коридор.

– Гулу, – сказал Гасан, – я встретился с Чингизом. Там был и Рустамбек. Они и мысли не допускают о новых выборах. Готовятся провести благотворительный вечер.

– Не беда. Мы должны вести пропаганду против правления, собирать вокруг себя недовольных. Всех, кого встретишь, уговаривай не платить членские взносы, понял? Мы должны быть за справедливость. Все знают, что выборы были нечестными. Нельзя отстранять таких людей, как Теймурбек. Это нужный человек. Будь Гулу членом правления, дела шли бы иначе. Понял, милый?

Гулу был купеческим сыном. Его отец, Гаджи Вели из Вейлабада, был известен в городе под прозвищем «продавец лоскутов». Несколько раз в году он выезжал в Москву, скупал в мелких лавках по бросовым ценам лоскуты ситца, других тканей. Дома Гаджи Вели распродавал их по более низким, чем другие купцы, ценам, оттого имел большой оборот. Своё состояние Гаджи Вели нажил не только продажей тканей, но и скупкой краденого, ростовщичеством.

У Гаджи было два сына. По поводу будущего детей Гаджи Вели также имел определённые планы и принципы.

– Если наследников много, меж ними обязательно возникнет конфликт, состояние будет раздроблено, – говаривал он.

Поэтому он посадил старшего сына в лавке, обучая его всем премудростям своего дела, а младшего – Гулу – отправил на учёбу в Киев.

– Ты станешь купцом, со временем заменишь меня, – наставлял он старшего, а младшему говорил: – А ты станешь врачом, сам будешь зарабатывать на хлеб.

Воспитанный в духе торгашества, Гулу и учёбу воспринимал как возможность обогащения, наживы, накопления состояния. Ещё до завершения учёбы в школе он изучил все пути и средства обогащения. Летом давал уроки, осенью, отправляясь в Киев, он, по совету отца, вёз на продажу ковры, паласы, хну, сушёные фрукты, возвращаясь по весне домой, закупал стеклянную утварь, ружья и патроны, зарабатывая тем самым немало денег. И его интриги против тюркского землячества в Киеве также объяснялись его торгашеским духом: по его мнению, посредством этого общества можно было провернуть много прибыльных операций.

Но этому препятствовало прочно устоявшееся общественное мнение. Часть студентов знала истинное лицо Гулу. Едва обосновавшись в Киеве, он провёл «коммерческую операцию», о которой прознали многие.

Где-то Гулу познакомился с евреем, лишённым права открывать своё дело в городе. Гулу показался еврею человеком, достойным доверия, и он купил на имя студента магазин, договорившись, что будет платить ему за это пятьдесят рублей в месяц. Через несколько месяцев тот еврей отправился в другой город за товаром, а Гулу тем временем преспокойно продал магазин. В результате еврей лишился всего, что имел. «Операция» с околпаченным евреем помнилась многим, и это препятствовало избранию Гулу в правление.

Гулу прикладывал все силы для претворения своих планов в жизнь, интриговал, используя наивность и сговорчивость новоприбывших студентов.

Гасан, не зная сути вопроса, вновь поверив Гулу, покинул анатомичку.

Едва выйдя на улицу, Гасан чуть не столкнулся лицом к лицу с длинноволосым парнем, под студенческой тужуркой которого была красная косоворотка.

– Привет, Салман! – сказал он, остановившись.

Салман поправил очки, пригляделся.

– Ого, привет, Гасан. Что это тебя не видно?

– По горло занят: лекции, дела правления.

– Снова выборы?

– Да!

– А какая в том нужда? Главное – не в этом.

– А в чём? – удивлённо спросил Гасан.

– Землячество – вопрос вторичный.

– А что же главное?

– Главное?.. Здесь имеются политические организации, необходимо привлечь в них тюрок. Напрасно мы не придаём этому значения. Конечно, следует работать и в сфере культуры, но политика важнее.

Гасан, быстро подпадавший под чужое влияние, был полностью очарован Салманом, он задумался, затем, улыбнувшись, воскликнул:

– Что же ты мне не говорил этого раньше?

– Как не говорил? – улыбнулся Салман. – Помнишь, я раздавал небольшие брошюры, приглашал желающих на курсы. Но никто не пришёл.

– Я готов. Хочешь, пригласим ещё нескольких ребят, почитаем.

– Было бы отлично.

– Когда начнём?

– Да хоть сегодня вечером.

– Где?

– У меня нельзя. Я под наблюдением. Лучше я сам приду к тебе.

Гасан ненадолго призадумался, затем согласился. Уже уходя, Салман придержал шаг, прищурив глаза, сказал:

– Гасан, приведи и Ахмеда. Он – первокурсник. Учится в Высшей торговой школе. Очень интересуется подобными вопросами. Кажется, он немного работал в этой сфере в Баку.

– Хорошо, скажу.

– Ну, всего доброго.

– До встречи…

Вечером, придя к Гасану, Салман застал у него Ахмеда – студента, только в этом году поступившего в Высшую торговую школу. Тем временем Гасан позвал горничную, попросил приготовить чай.

– Как твои дела, Ахмед? – спросил Салман.

– Хорошо, учусь понемногу.

– А как ты относишься к нашей затее?

Ахмед чуть покраснел, сказал решительно:

– Прекрасно. Необходимо заняться образованием. Через какое-то время у нас уже будут подготовленные кадры, и мы сможем создать небольшую организацию.

– Конечно, это обязательно произойдёт, – одобрил Салман. – Продолжающаяся ныне реакция ускоряет исторический ход; события, которые должны произойти, стремительно приближаются к нам. Почва для революции давно готова. И мы должны уметь разбираться как в теоретических, так и в практических вопросах. Самый главный фактор революции – образование. Для обретения устойчивого мировоззрения необходимы фундаментальные знания. Марксистская теория расширит сферу наших знаний, научит нас по-новому видеть мир.

Салман сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил сложенную вдвое красную брошюру, разгладил её, положил на стол.

– Пока мы должны начать с этого, – сказал он.

– Что это? – заинтересовался Гасан.

– «Экономические беседы». Это основа. Изучив её, мы перейдём к другим работам. Но прежде следует уточнить один момент. Мы должны заниматься регулярно, собираться по определённым дням. Уверен, что вы проявите серьёзность.

– Прекрасно, – в один голос ответили Ахмед и Гасан.

– А теперь приступим к занятиям.

*

Салман с приятелем, грузином Шалико, засев за книги, готовились к экзаменам, когда услышали о смерти Толстого. Уход Толстого из Ясной Поляны, его болезнь в пути стали событиями, вызвавшим серьёзное брожение среди студенчества. Имя Толстого было символом общего протеста против царского режима.

Едва услышав эту весть, Салман и Шалико тут же выскочили на улицу. Первое, что бросилось в глаза, это многочисленные конные и пешие городовые. Охранка, видимо, на всякий случай уже предприняла определённые меры безопасности.

В направлении к университету двигались толпы студентов. Салман и Шалико влились в этот поток. Перед кирпичного цвета зданием университета уже стояла внушительная толпа студентов.

Студенты подняли на плечи одного из них:

– Товарищи, – заговорил он ясным и звонким голосом, – сотни тысяч трудящихся, стонущих под игом самодержавия, поднимаются на борьбу…

…Городовые на конях напирали всё сильней. Несколько студентов уже было арестовано. Желая отбить товарищей, студенты составили цепь, преградили дорогу городовым. В ход пошли плётки и нагайки, полиции удалось рассеять демонстрантов, арестовать ещё одну группу студентов. Салман и Рустамбек были среди них.

Быть арестованным за участие в революционном движении в те годы считалось у молодёжи особой доблестью. Естественно, и Салман, и Рустамбек с гордостью сдались городовому. По дороге в тюрьму число арестованных росло. Студенты переговаривались, смеялись, поддевали городовых.

– Господин городовой, – спрашивал Салман, улыбаясь, – простите, вы из крестьян?

Городовой окинул Салмана долгим взглядом, но не сказал ни слова. Он казался обозлённым, но злость его была явно показной.

– Разве он в чём-то виноват? – сказал Рустамбек так, чтобы его слышал городовой. – Он всего лишь топор, топорище в других руках.

– Это хуже всего, – ответил Салман. – Позорно быть топором в руках палачей.

Слово «палач» вывело из себя городового:

– Заткнитесь! Смутьяны! Бог знает, что бы вы творили, не будь этого топора…

*

Демонстрация не успела ещё закончиться, а «землячество» уже собралось на своё чрезвычайное заседание в связи с арестом Салмана и Рустамбека.

Открыл заседание Чингиз:

– Товарищи, вы уже знаете об аресте членов правления Салмана и Рустамбека. Следует обсудить, что предпринять, чтобы добиться их освобождения, и как организовать для них ежедневные передачи. У кого-нибудь имеются вопросы?

Ширин, сидевший в кресле, перекинул ногу на ногу, теребя тонкий ус, сказал:

– Какие могут быть вопросы. Всё ясно.

Слова попросил Халил.

– Мне кажется, – сказал он, – мы должны выделить десять рублей и назначить тех, кто по очереди станет носить передачи.

– По этому предложению кто-то хочет высказаться? – все снова промолчали. – В таком случае ставлю на голосование вопрос. Кто «за», прошу поднять руки. Халил предложил выделить десять рублей.

Члены правления подняли руки.

– Принято. Теперь определим, кто станет носить передачи. Кто пойдёт завтра?

– Я, – ответил Халил.

– А послезавтра?

– Я, – откликнулся Ширин.

Председательствующий снова постучал по столу:

– Заседание закрыто.

…Беседа за чаем велась вокруг считавшегося очень модным в те дни национального вопроса.

– С нашими людьми каши не сваришь, – по обыкновению пессимистически восклицал Джалал. – Мы даже ещё не уяснили для себя, кто мы такие. Говоришь, я – мусульманин и растворяешься в трехсотмиллионной толпе отсталых и нищих людей … Только-только начали называть себя тюрками. А народ наш хоть ведает, что мы тюрки? Мы сами ещё не определились, кто мы, как же другим знать нас?

– Душа моя, – не согласился с доводами Джалала Ширин. – Разве можно говорить об отсутствии культуры у народа, чья литература насчитывает шесть-семь веков? Верно, мы ещё не приобщились к европейской культуре…

– Всё дело именно в этом!

– Не прерывай меня, – хладнокровно сказал Ширин, – имей немного терпения. Мы приобщаемся к современной культуре с 1905 года. Всего пять лет. Скажи, разве малый путь пройден за эти годы? Сегодня у нас свои пресса, издательства, театры, не очень много, но всё же есть национальные школы, понемногу формируется интеллигенция. Чего ты ещё желаешь? Веками мы пребывали во сне. Сегодня проснулись.

Джалала не убедили слова Ширина, он по-прежнему стоял на своём.

– Мы и по сей день не проснулись, у нас нет людей! Людей!

– Люди ведь рождаются не сразу… Если из тех ребят, что сейчас учатся в русских школах, хоть один процент посвятит себя служению народу – и то благо!

– Не посвятит, – стоял на своём Джалал.

– Друг мой, – засмеялся Ширин, – все наши беды от нашего неверия. Как это не станут служить народу? Раз мы стали приобщаться к современной культуре, то и люди появятся. Вырастут такие личности, которые, быть может, выбросят и меня, и тебя, как балласт, и займут наши места. Пробуждение людей – удивительно: откуда ни возьмись, во всех сферах народной жизни появляются новые люди, распускаясь, как цветы по весне…

*

Гасан был сыном Мирзы Самеда – чиновника из Вейлабада. Окончив городскую школу, в двадцать лет Мирза Самед вступил на чиновничью стезю, поначалу служил писарем в мировом суде, со временем стал переводчиком. В те дни тюрок, знающих русский язык, было немного, и Мирза Самед пользовался известностью в народе. Каждый, кто хотел обратиться с прошением, у кого находились дела в суде или в канцелярии градоначальника, обращался к Мирзе Самеду. Мирза помогал им по мере сил и способностей, и не было дня, чтобы он не получал за свой труд наличных денег, перепёлок, ягнят, ковров. Мирза жил припеваючи, испытывая в душе благодарность царю и правительству, и, желая внушить эту верность и благодарность своим отпрыскам, повесил на стене одной из комнат дома большой портрет царя. Часто, поев шашлыка из дарственных ягнят, он глядел на величественное изображение царя, не стесняясь выражать свои чувства, восклицал:

– Да продлятся твои годы!

Гасан явился на свет под этим портретом царя и рос как бы под его неусыпным взором. Поступив в реальное училище, он увидел другое изображение царя. Этот портрет был куда больше и величественней того, что висел дома. В официальные дни учащихся вводили в актовый зал, выстраивали вдоль стены перед портретом царя. После проповеди батюшка произносил молитву во здравие царя, окроплял учащихся священной водой, осенял крестом. В эти минуты, опустив глаза, Гасан думал о царе. Портрет, висящий дома у каждого верноподданного, внушал ему чувство обожания.

После двадцати пяти лет чиновничьей жизни Мирза Самед, покинув Вейлабад, перебрался в Баку. Соответственно, перевёлся в интернат Бакинского реального училища и Гасан.

Революция 1905 года вызвала брожение и в в школьной среде; учащиеся вступали в революционное движение, создавали политические организации. Появились специальные курсы изучения основ марксизма. Это движение захватило и Гасана. В в техническом училище читались политические лекции, и Гасан стал посещать их.

Однажды Мирза Самед, выдвинув в поисках бумаги ящик стола Гасана, обнаружил там политические брошюрки и прокламации. Поначалу он остолбенел от удивления, затем сгрёб все эти бумаги и сжёг их.

Гасана дома не было. Когда он вернулся, отец позвал его к себе:

– Сынок, – начал спокойно Мирза Самед, – твой отец человек, поживший на свете. Лучше тебя видит ход жизни. Я убеждён: добром всё это не кончится. Вспомни пословицу: «Попав в покои падишаха, не следует мнить себя падишахом». По-моему, придёт день, когда все, кто выступает сегодня против царя, получат по заслугам. Это

я так, к слову. А учащийся обязан только учиться. Его главное дело – учёба. На руках у него должен иметься документ, без него он останется не у дел. Пойми, у нас нет нефтяных приисков. Я зарабатываю на хлеб этой ручкой и бумагой. Без ручки мы болтались бы без дела…

Мирза Самед говорил долго, наконец, упомянул и обнаруженные прокламации.

– Такие дела тебе не к лицу, твоя настоящая обязанность – учёба.

Гасан покраснел, сказал виновато:

– Их мне передал приятель – еврей.

– Какие у тебя могут быть отношения с евреями? Может, они желают, чтоб была заваруха. Мы же этого не хотим…

С того дня Гасан перестал посещать лекции, избегал политических сходок и забастовок. Учащиеся, выступая против реакционных преподавателей, отказывались посещать их занятия, часто проводили митинги. Гасан не принимал в них участия, оставаясь в классе в одиночестве. В конфликтах между учащимися и преподавателями он неизменно принимал сторону последних, за что пользовался всеобщей ненавистью товарищей. Его бойкотировали, не подавали ему руки.

Реакция в России усиливалась, все более рос и полицейский произвол. Понемножку и учёба в школьных учреждениях стала принимать прежние формы. Несколько революционных учащихся было отчислено, внешне школа была усмирена.

Гасан продолжал учиться с большим прилежанием. Он пользовался скверной репутацией среди учащихся, но зато его любили преподаватели. Несмотря на явную бесталанность, окончил он школу в числе первых.

Получение Гасаном аттестата зрелости стало большим событием для Мирзы Самеда, он купил сыну цивильную одежду и студенческую фуражку.

Перед отъездом Гасана в Киев Мирза Самед снова позвал его к себе:

– Опусти пониже голову, учись, не влезай в политику.

Слова отца Гасан воспринял как заповедь, выбитую золотыми буквами на мраморной доске.

*

Халил и Ахмед вошли в полицейский участок, подошли к знакомому чиновнику.

– Мы принесли передачу.

– Ждите, – буркнул рассерженно чиновник, продолжая писать.

Халил и Ахмед отошли в сторону, сели на скамейку у стены. Чиновник встал, прошёл мимо них в соседнюю комнату и долго не возвращался.

– Ваши товарищи освобождены, – позвал студентов чиновник. – Вы встретите их на лестнице. Скажите им, чтоб впредь вели себя благоразумней.

Халил и Ахмед, схватив узлы, выскочили из приемной. Но на лестнице ребят не было, и Ахмед выбежал на улицу.

– Погоди, вот они идут, – сказал Халил.

Ахмед обернулся, увидел спускающихся по лестнице друзей. Халил бросился навстречу, обнял Салмана и Рустамбека.

Подошёл и Ахмед, весело обнял, расцеловал ребят.

– А мы, – сказал Халил, – принесли вам передачу и постельные принадлежности. Думали, отсидка затянется надолго.

– Как видишь, не затянулась, – улыбнулся Салман. – Всё кончилось быстро.

– А как вам спалось на нарах?

– Первую ночь долго уснуть не могли, потом привыкли.

– А мы уже собрались нанять адвоката, начать шумный процесс! Ха-ха-ха!

Товарищи подхватили узлы и, перешучиваясь, покинули полицейский участок.

*

Бахрам принадлежал к купеческому сословию. Но в наследство от этого сословия ему достался лишь талант дельца.

Отец не посылал ему денег, но Бахрам далеко не бедствовал. Во-первых, он работал секретарем в иранском посольстве в Киеве. Эта должность не могла покрывать его расходов, ибо посольство не финансировалось. Место посла в городе купил богатый еврейский торговец. Пользуясь статусом посла, еврей жил припеваючи, с размахом ведя свои дела. Однако, не владея тюркским и фарси, он нанимал одного из студентов-азербайджанцев для ведения делопроизводства в посольстве.

В Киеве иранцев было немного. Подданные Его Величества иранского шаха состояли из нескольких спекулянтов и бакалейщиков. Кроме того, за год наезжало несколько групп циркачей из Урмии, они водили по улицам обезьян, жили какое-то время в городе, затем уезжали. Работа в консульстве отнимала у Бахрама не более получаса в день.

Год назад в доме киевского посла несколько дней гостил иранский вельможа, направляющийся через Варшаву в путешествие по Европе. Желая заслужить приязнь вельможи, Бахрам, едва представ перед ним, сложив руки на груди, отвесил поклон и прочёл бейт на фарси: «О, брат мой, этот бренный мир не достанется никому».

Вельможе столь понравилось, что в российском городе с подобным уважением поминают Шейха Саади, что он, не раздумывая, вытащил из кармана медаль «Льва и Солнца» и прикрепил её к груди Бахрама.

В дни официальных приёмов или при обращении в государственные учреждения Бахрам всегда надевал эту медаль. Благодаря этому знаку отличия авторитет Бахрама среди подданных Его Величества иранского шаха возрос настолько, что он иногда даже стал получать от них подарки.

Но все же служба в консульстве не обеспечивала всех расходов Бахрама.

Ещё Бахрам был славен тем, что штопал порванные паласы, чистил грязные ковры. В одном из магазинов по продаже ковров висело его объявление. Это приносило ему в месяц до пятнадцати рублей дохода. Но и этим деятельность Бахрама не ограничивалась. Прославился он также тем, что сдавал экзамены вместо других студентов, зарабатывая на этом почти пятьсот рублей в год. Богатые купеческие сынки отправляли Бахрама сдавать вместо себя самые сложные экзамены. Дело это было непростое. Следовало сговориться с каким-нибудь чиновником в канцелярии о замене фото на матрикуле. Затем, чтоб профессора не узнали Бахрама, ему приходилось всякий раз появляться на экзаменах в новом обличье. И Бахрам пускался во все тяжкие. Уже с мая он переставал бриться и возвращался в сентябре в Киев с длинной окладистой бородой. Сдав в таком виде взамен кого-то несколько экзаменов, он подстригал бороду или вовсе сбривал её, умудряясь ещё несколько раз обводить вокруг пальца экзаменаторов.

Сдача экзаменов за деньги среди части студентов была обыденным явлением. Существовали даже твёрдые таксы. Например, экзамен по неорганической химии стоил триста рублей. Цены не колебались, были изначально устойчивы… Это приносило Бахраму основную прибыль…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*

Рустамбек писал письмо известному бахаи[1] Абульфараджу. Прочитал написанное:

«Уважаемый Эфенди, и во втором своём письме вы повторяете свой прежний совет, не отказываетесь от мысли склонить меня к бахаизму, расхваливаете его, утверждая, что бахаизм – новая религия, соответствующая требованиям эпохи, и прочее, прочее. Подобные утверждения я слышал от многих бахаистов, но вот в чём вопрос, так ли уж важна религия. Стоит ли ради неё прилагать столько усилий? Ведь есть: по-моему, нечто такое, что намного выше и важнее религии. Оно именуется жизнью, реальностью. Если мы станем любить жизнь, пытаться облегчить её, достигнем истинной благочестивости... Вы именуете бахаизм «новой религией». На мой взгляд, и в этом Вы совершаете большую ошибку. Нельзя называть религию новой, она всегда древняя. Причина в том, что всякая религия претендует на вечность, однако, приняв форму закона, догмы, она уже не может быть вечной. В этом случае религия теряет новизну и не соответствует требованиям времени. Бахаизм сегодня, может, и кажется новым, но через год, через пять лет обязательно лишится новизны, ибо нет ничего вечно «нового», время – враг подобной новизны. С этой точки зрения жизнь состоит из борьбы «нового» с временем. Когда эта борьба теряет свою ярость, жизнь также теряет смысл. Значит, когда религия или иной закон правят в качестве постоянной догмы, они подавляют, сводят на нет жизненный дух. Страсти и желания людей, попав в ограничивающие рамки, угасают. Жизнь, реальность подменяются сном и полусуществованием. Это состояние наблюдалось во всех религиях, в борьбе с ним рождались кровавые революции, и в результате одерживали верх светские законы. Бахаизм как религия тоже пройдёт эти этапы...»

Не закончив письма, Рустамбек бросил его на стол, стал прохаживаться по комнате. Религиозные книги, споры с самим собой, метафизические рассуждения настолько извели его, что ему захотелось какого-то наслаждения. Вдруг в его душе спонтанно родилось стремление к Софье Сергеевне, ему захотелось увидеть её. Это желание возникло столь таинственно, что сам он тому поразился. «Какова цель увидеть её?» – спросил он себя и в ответ почувствовал, как стремительно забилось сердце. Но это состояние пришлось ему по душе, биение сердца придало смелость.

«Нам не следует бежать от женщин, – радостно сказал он сам себе, – напротив, надо всегда приближаться к ним».

В это время раздался стук в дверь, вошла горничная и спросила, краснея:

– Нужно ли разжечь камин?

Философское выражение на лице Рустамбека внезапно сошло на нет, по губам скользнула чистая и искренняя улыбка.

– Не только надо, необходимо! – ответил он.

Горничная улыбнулась и вышла из комнаты. Отчего-то Рустамбек последовал за ней. Они вошли в кухню. Увидев Рустамбека, Софья Сергеевна растерялась, густо покраснела; они не виделись уже два дня.

Рустамбек в эту минуту напоминал простодушного ребёнка. Ему захотелось, чтобы горничная подавала поленья, а он с удовольствием носил бы их в комнату...

[1] Бахаи, бахаисты – последователи учения Хусейна Али Нури (1817–1892). Бахаизм – одна из форм реформации ислама, бахаисты стремились пропагандой религиозных идей установить всеобщее братство людей, призывали к миру, равенству и.т.д. Главные центры бахаистов в те годы находились в ФРГ,

– Дайте мне, я отнесу, – предложил он, протягивая руки.

…Рустамбек и Лиза вышли из кухни. Софья Сергеевна удивлённым взглядом проводила их. Вдруг в её сердце родилось чувство радости. Простота Рустамбека особенно покорила её. «Боже, какой он привлекательный!» – вздохнула она…

*

Наступил вечер. Рустамбек включил свет, засел за учебники. Почитал немного, но в голове ничего не откладывалось. Встал, прошёлся, покружил по комнате, вновь сел за стол. Стал ущё что-то читать – результат был все тот же. Задумался, устремив взгляд в одну точку, сказал сам себе: «Нет, так нельзя. На носу экзамен, позор, что я совсем перестал заниматься».

Камин согрел комнату, электрический свет ровно освещал её. В комнате царила магическая тишина, все это радовало Рустамбека, рождало в его душе таинственные чувства. За стеной Софья Сергеевна переговаривалась с мужем, порой доносился её рассыпчатый смех, обжигая сердце Рустамбека. Его вновь охватило желание увидеть Софью Сергеевну. «И когда же этот болван отправится в клуб?» – подумал он. Улыбнулся, стал ногтём непроизвольно чертить на стене фразу: «Я очень глупый человек». Прочёл написанное. Задумался. Прочёл заново. Но состояние не изменилось, он рассердился на себя, рывком поднялся с кровати, снова сел за стол. Эта попытка оказалась удачнее. Серьёзные вопросы в книге увлекли его. Временно забыл о Софье.

Через пару часов муж Софьи отправился в клуб. Этого было достаточно, чтобы Рустамбек сразу же отложил в сторону книгу. Он поднялся, стал бесцельно прохаживаться по комнате. И когда раздался стук в дверь, у него едва не оборвалось сердце… Кажется, это она, – подумал он.

И в самом деле, это была Софья.

– Знаете, отчего я пришла? – сказала она, входя в комнату. – Я подумала, может, у вас найдётся что-нибудь почитать.

Рустамбек задумался, стал перебирать корешки книг. Он и не думал всерьёз подобрать ей что-то: он точно знал, что пришла она совсем не за книгой.

– Я думаю, у меня нет книги, которая могла бы заинтересовать вас.

Софья Сергеевна придвинула к себе кресло, села, сказала с долей обиды:

– Может, вы скажете, что это за книги, что не могут заинтересовать меня?

– Это Вольтер. Самый великий шарлатан и одновременно самый великий учёный. Это – Библия, она вам известна. Простодушные грёзы автора, чьё имя известно, а сам он – нет. Следующая книга – «Духовное и физическое воспитание» Спенсера. Эта книга не нужна ни вам, ни мне: я – не женат, а у вас нет детей… Это Ницше. Он тоже из тех, кто получил по заслугам, кричал, орал: «Сильному – поддержку, слабому – дубину», и в конце концов сошёл с ума… Достаточно или продолжить?..

– У вас есть что-нибудь для чтения?

Рустамбек вновь обвел глазами свои книги, снял с полки одну из них.

– А вот эту должна прочесть каждая женщина!

Софья Сергеевна взяла книгу, прочла название, положила на стол, оперлась на нее локтем.

– Я задам вам один вопрос, – сказала она.

– Я готов ответить на любой ваш вопрос.

– Только без иронии. Какая среди этих книг у вас самая любимая?

– Омар Хайям…

– Дайте мне её почитать.

– К сожалению, она на фарси.

– А на русском её нет?

– Перевод имеется, только у меня её нет. Хайям переведён на все языки мира.

Софья Сергеевна весьма заинтересованно рассматривала удивившую её арабскую вязь, задала несколько вопросов, наконец попросила Рустамбека прочесть и перевести ей несколько строк. Рустамбек прочёл любимые им рубаи.

– Прекрасно! Ах, как прекрасно! – воскликнула Софья Сергеевна. – Почитайте ещё.

– Нельзя, – засмеялся Рустамбек, – приходите каждый вечер, я стану читать вам. По два рубаи за вечер.

– Ах, какой вы хитрец! – засмеялась Софья Сергеевна…

– День ото дня я всё больше привязываюсь к вам, – решительным голосом сказал Рустамбек. – Подобно тому, как немыслимо жить без воды и воздуха, так мне немыслимо жить без вас. Это мой недуг.

– Кто побудил вас изъясняться в любви? – с недоверчивой улыбкой сказала она.

После недолгого молчания он окинул Софью печальным взглядом.

– Что случилось с моим дорогим философом, отчего он задумался? – любовно спросила Софья. Она взяла его под руку, ласково прижалась к его плечу. Рустамбек вздрогнул, осторожно высвободил руку.

– Не забывайте, что мы чужие, не связанные друг с другом!

– Что с вами случилось? – удручённо спросила она.

– Со мной?.. Ничего!.. Во мне пробудился голос справедливости, он зовет меня на путь чести…

– Не понимаю ваших слов, – ещё более удивлённо сказала она.

– Кто вы?

– Это бессмысленный вопрос, – обиженно произнесла она. – Разве мы не знакомы?

– Простите! Какое у меня право так обращаться с вами, с чужой супругой?

Наконец она поняла Рустамбека.

– Конечно, конечно! – печально сказала она. – С самого начала мы не должны были допускать подобной близости, неуместной дружбы меж нами, ибо…

– Ибо, – докончил за неё Рустамбек, – я человек, временно проживающий в вашем доме. Не сегодня-завтра перееду. Кто знает, встретимся ли мы ещё когда-нибудь!.. А ваш муж всегда будет рядом с вами. Нельзя с ним так поступать!..

Софья Сергеевна всхлипнула, закрыла руками лицо, двинулась, чтобы уйти.

– Прошу вас, останьтесь на несколько минут, – настойчиво попросил Рустамбек.

Софья, опустив голову, стояла в дверях.

– Умоляю, простите меня!.. Я сказал всё это, желая вам добра. Ваш муж – хороший человек, он уважает меня. Предавать его – недостойно.

– …

– Софья Сергеевна! – выпалил Рустамбек. – Простите мои прегрешения! Ради Бога, простите!

Последние слова он произнёс столь страстно, что Софья заплакала.

– Вы ни в чём не виноваты, Рустамбек! Грешна я. Та, что на добро мужа ответила предательством…

– Не плачьте, не плачьте! – сказал Рустамбек, взяв её руку в свою. – С этого дня вы – моя сестра, считайте меня своим братом.

*

– Ширин, ведь Рустамбек всегда приходил на несколько минут раньше назначенного, не знаешь, почему он сегодня задерживается?

– Ещё рано, – ответил Ширин, – пятнадцать минут восьмого, скоро появится.

– Интересно, оповестили всех? – спросил Чингиз, зажёг папиросу, бросил спичку в пепельницу, добавил: – Рустамбек в последнее время очень изменился.

– А что случилось?

– Не знаю. Рустамбек всегда был забавным парнем, часто шутил, балагурил, рассказывал что-то. А сейчас весь какой-то хмурый. На днях я встретил его в столовой, он был чем-то озабочен. Раньше любил превозносить красоту девушек-евреек. А теперь при слове «женщина» тотчас уходит в себя.

– С ним может приключиться всякое: начитавшись Библии, он может стать пророком, или же, как говорит Джалал, тронется умом и уйдёт бродить по пустыне.

– Ширин, мне кажется, что вообще любой наш студент – удивительный тип. Я думаю, причина этого в отсутствии у нас общественной жизни.

– Разве это не естественно? – кивнул в подтверждение слов Чингиза Ширин. – Каждый забился в свою нору, живёт, как Бог на душу положит. А у каждой норы свои, присущие только ей, порядки, уклад. … Эх!.. И вправду мы очень отстали!..

– Кто-то звонит, – сказал Ширин.

Через минуту в комнату вошёл Салман.

– Опаздываешь, Салман! – сказал Чингиз, не меняя тона.

Салман снял пальто, поправил очки и, щуря глаза, подал руку.

– Что делать, Чингиз! Жена отсутствовала, не с кем было оставить ребёнка.

– Ей-Богу, ты – отличный отец. Значит, – смеясь сказал Чингиз, – вы смотрите за ребёнком по очереди.

– Друг мой, – улыбнулся Салман, – семья – дело непростое, по ночам не высыпаюсь из-за плача младенца.

– Салман, – поддел его Ширин, – а твою мужскую честь не задевает, когда жена днём уходит, оставляя на тебя ребёнка? Куда она уходила сегодня вечером?

– Вместе с подругой ушла в церковь.

– А что, твоя жена так и не приняла мусульманство?

– Дорогой мой, – засмеялся Салман, – и без того в стране всё смешалось.

– Так, ладно, – с хитринкой улыбнулся Ширин, – кто же твой сын? Русский? Мусульманин?

– Отец – тюрок, мать – русская, а сын – француз, – спокойно произнёс Чингиз.

Все захохотали. Но дольше всех смеялся сам Салман. Видимо, сказанное больше всего понравилось ему самому.

Под смех ребят в комнату вошёл Рустамбек. Как обычно, улыбнулся, снял пальто, поздоровался с приятелями.

– Только сейчас говорили о тебе, – сказал Чингиз, протягивая руку. – Прежде ты ни разу не опаздывал на собрания. А сегодня припозднился на сорок минут.

– Наверное, был на свидании, – предположил Ширин.

– Нет, что вы! – запротестовал Рустамбек. – Прилёг ненадолго, уснул.

– Кажется, больше никто не придёт, – сказал Чингиз, глянув на часы.

– Если не придут, мы не вправе принимать решение о благотворительном вечере, вопрос серьёзный, необходимо знать мнение и других, – сказал Ширин.

Салман, поправив очки, стал приглаживать тонкие усики:

– Вы что, решили провести благотворительный вечер?

– Есть такая задумка.

– А кое-кто из ребят снова мечтает о переизбрании правления. Как же быть?

Ширин засмеялся и, глянув в лицо Чингизу, сказал:

– Если возникнет вопрос о благотворительном вечере, все пересуды отпадут сами по себе.

– Я вас понял. Многие правители поступают точно так. Желая подавить внутреннюю смуту, они объявляют войну соседнему государству.

– Салман, что за книгу ты принёс? – Чингиз улыбнулся, зажёг папиросу.

– «Капитал» Маркса, – ответил Салман.

– Ты что, социалист?

– Уже несколько лет.

– Вот как!.. Ты хоть расскажи, что в ней написано!..

– Эта книга, – взяв в руки «Капитал», восторженно произнёс Салман, – разрушит до основания прежний мир. Камня на камне не оставит…

– А что потом? – прервал его Ширин.

– Затем возведёт на его месте новое здание. И это здание будет величественней пирамид Египта, Вавилонской башни…

Салман с убеждённостью рассказывал внимательно слушавшим его товарищам об учении Маркса. Тюркские студенты ошибаются, говорил он, уделяя внимание лишь вопросам культуры и просвещения, только борясь вместе с трудящимися России против самодержавия и капитала, можно добиться свободы и прогресса.

Рустамбек окинул всех грустным взглядом:

– Порой меня одолевают невесёлые мысли.

– Отчего?

– Оттого, что я вижу будущее нашей нации беспросветным. – При слове «нация» все улыбнулись, а он, не меняя интонации, продолжал: – Я не шучу, состояние нашей нации меня так удручает, что впору сойти с ума.

– Честно говоря, в последние годы буквально на всех перекрёстках столько кричали «нация», «нация» – сказал Ширин, – что сейчас при этом слове хочется смеяться… Конечно, я верю твоим словам, знаю, что ты переживаешь за народ.

Салман снял очки, протёр платком стёкла и, щуря близорукие глаза, нарушил тишину:

– Я всегда говорил и снова повторяю: ни один национальный вопрос не может решиться сам по себе. Национальную судьбу мы должны увязать с судьбой трудящихся. Обособленное решение национального вопроса означает расцвет в нашей стране национального феодализма и национального капитала. А это ни что иное, как гнёт и подавление. Товарищи, гнёт есть гнёт, он не носит национального или иного характера. Необходимо уничтожить гнёт, какую бы форму он ни принимал.

– У нас, – не смог согласиться с этой мыслью Ширин, – нет капиталистов и пролетариата в общепринятом смысле. Пока не сформируются эти два класса, мы не сможем добиться того, к чему ты нас призываешь.

– Нет, вот это неверно в корне, – раздражённо парировал Салман. – Разве тысячи рабочих, стонущих под гнётом на фабриках Баку и Шеки, – не пролетарии?

Салман предельно страстно и в логичной форме раскрывал, развивал любимую тему. Открылась арена для долгих споров. Юноши заговорили о факторах, способствующих угнетению народа. Рустамбек, переведя разговор на тему религии, которую хорошо знал, научными фактами набросился на различные верования. Ширин, слушая Рустамбека, с нетерпением ждал, когда тот завершит свою мысль. Видимо, он расходился с приятелем в некоторых моментах.

– Не следует забывать, – сказал он, едва Рустамбек замолчал, – что собственно религия ни в чём не виновата.

– Во всём виновата именно религия, – решительно возразил Рустамбек, – ибо между религией и жизнью – огромная пропасть.

– Пропасти не может быть. Религия родилась ради жизни. Пророки, видя, что паства задыхается в мракобесии, стали призывать её на путь истины.

– Ладно! Сколько веков назад появились пророки?

Ширин ответил не сразу, опасаясь, что Рустамбек заготовил ему ловушку.

– Десять, двадцать веков тому назад, некоторые и того раньше. Они возникли не одновременно.

На лице Рустамбека скользнула победная улыбка.

– Прекрасно, – сказал он, – пророки утвердили законы, исходя из требований своей эпохи, проторили определенный путь. Насколько он может или нет соответствовать нашей реальности?

– Вы воспринимаете религию не так, как я, – несколько озлился Ширин. – Религия – категория постоянная, она неизменна. «Не убий!», «Не обмани!», «Возлюби ближнего!»... – суть большинства религий в этих заповедях, нет необходимости нарушать их. Пока существует человек, эти заповеди будут считаться священными.

– Религия, – возразил Рустамбек, – состоит не только из перечисленных тобой заповедей. Рай, ад, ангелы, простодушное изображение небес, противоречащие законам природы ложные чудеса, прочие байки... всего не перечислишь. Пойди, почитай Библию, Ветхий Завет, Коран и другие «священные» книги – сам осознаешь!..

*

Салман был сыном цирюльника Касума из села Балаюрдлу. Уже который год, как Касум покинул город, обустроился в этом селе. За всё это время он не приобрёл даже небольшой лавчонки, все его инструменты состояли из зеркала, узелка для ножниц и бритвы и красного фартука.

С утра до вечера Касум кружил по сельскому базару, брил и стриг волосы и бороды попадавшим под руку редким клиентам. Салман с раннего возраста тоже приобщился к труду: состоял при бане, подметал там полы, бегал с поручениями на базар, а когда тёрщик был занят, обливал клиентов холодной водой.

Однажды в баню пришёл сельский учитель. Салман прислуживал ему и, видно, чем-то привлёк его внимание. На следующий день, встретив Касума на улице, учитель сказал, чтоб тот прислал сына в школу. Предложение учителя пришлось по душе цирюльнику; с той поры Салман стал посещать сельскую школу, но и работу в бане не забросил – после полудня, как и прежде, обслуживал клиентов.

Окончив сельскую школу, Салман перебрался в Баку. Какой бы тяжёлой не была бакинская жизнь, Салман не жаловался. Как только он появился, Общество учащихся сняло ему небольшую комнатку в караван-сарае Гаджиаги, оно же оплачивало её. Салман поступил в гимназию. Два жизненно важных вопроса были решены. Что

же касается пропитания, то тут всё зависело от случайностей; находил что-то – ел, если нет – засыпал голодным. Ежедневная тарелка супа была пределом его мечтаний.

Живя в Баку – в этом городе миллионеров – с мечтой о ежедневной миске супа, Салман стал задумываться о незавидном положении таких же, как он, бедняков. Не сразу, но в конце концов это привело его к учению Маркса, оно нашло отклик в его душе, и Салман дал себе слово до конца жизни бороться с капитализмом. И его искренность в сегодняшнем споре была отражением веры в идеалы, которыми он жил.

– Товарищи, – сказал он, – вы оставляете в стороне главное, хватаетесь за несущественное. При социализме не будет ни одного условия, позволяющего держать народ в невежестве. Решение всех волнующих вас проблем придёт с гибелью капитализма.

Появление Халила положило конец спору.

– Ну разве можно так запаздывать? – накинулись на него товарищи.

– Дорогие мои, – ответил Халил серьёзно, – ведь большинство здесь, чего же вы не начали заседание?

– Мы решили провести благотворительный вечер, поэтому необходимо выслушать мнение каждого.

– Поздно вы опомнились! – покачал головой Халил.

Собравшиеся насторожились, а Халил, увидев это, улыбнулся:

– Видимо, вы ничего не знаете. Гулу организует благотворительный вечер.

Чингиз побледнел. Эта новость поразила его больше всех.

– Какой ещё вечер?

– Третьего дня собрались у Теймурбека, приняли решение.

– А кто там был? – спросил Ширин.

– Народу было достаточно. Даже в нашем правлении есть их сторонники.

Все удивлённо переглянулись.

– Неужели Гасан? – улыбнулся Ширин.

– Угадал!

Ширин засмеялся, а Салман, поправив очки, сказал:

– Этот Гасан – странный человек. Не остановится никак на чём-то определённом. Одно время увлекался марксизмом, пообщались пару раз, потом он как в воду канул. В день смерти Толстого, увидев, что нас арестовали, смылся. Теперь, сказывают, сблизился с русскими студентами-монархистами. Удивительное создание!

Чингиз постучал по столу.

– Товарищи, – сказал он, – открываю собрание. Обсудим вопрос благотворительного вечера. Наш прошлогодний вечер понравился всем. В этом году он должен быть ещё интересней. Чтоб добиться лучшего результата, необходимо участие всех наших студентов. Но прежде, разумеется, мы должны избрать организационный комитет. И сделать это надо сегодня, чтобы уже завтра комитет приступил к работе.

Предложение Чингиза не вызвало возражений. В прошлом году было то же самое, поэтому вопрос был ясен. Небольшой спор возник лишь по поводу того, кто возглавит организационный комитет.

Желая отвести возражения оппонентов, Чингиз сразу же предложил кандидатуру Теймурбека, но это вызвало жёсткие возражения Салмана. После продолжительного спора был избран комитет во главе с Салманом, а на Теймурбека была возложена обязанность казначея.

Чингиз закрыл заседание. Начались общие разговоры.

Все окружили Халила, расспрашивая о том, что происходило в доме Теймурбека. Отвечая на вопросы, Халил приподнялся, предложил Чингизу:

– Пойдём!

– Идём, но куда?

– Пойдём к «дочери нации».

Чингиз кивнул в знак согласия, все поднялись. Ширин снимал с вешалки по одному пальто, передавал их товарищам.

Они отправились в «Дом нации»[1].

Фатьма ханым приехала в Киев год назад, поступила на медицинский факультет вуза. Её появление в Киеве стал невиданным событием для студентов-мусульман; до нее здесь не было ни одной студентки-мусульманки, поэтому она была дорога всем. О её приезде первым узнал Рустамбек, он же первым нашел и познакомился с ней. Уже с первых дней Рустамбек испытывал к ней огромное уважение, стал одним из её близких знакомых, отчего некоторые студенты поддевали Рустамбека.

И на сей раз Ширин, шагая рядом, не без умысла, иронически улыбаясь, сказал:

– Друг мой, как только решаем навестить Фатьму ханым, у тебя сразу поднимается настроение.

Рустамбек улыбнулся, покачал в знак несогласия головой.

– Признавайся, Рустамбек! Мы же знаем – ты влюблён в Фатьму ханым. И не сегодня-завтра ваша свадьба.

– Да благословит их Аллах! – улыбнулся и Чингиз. – Рустамбек давно искал образованную тюркскую девушку. Наконец нашёл.

Рустамбек поднял голову, смеясь, глянул на Чингиза: « Дорогие мои! Кажется, вы насильно жените меня!»

– Отчего же насильно, – по-прежнему не отставал Ширин, – она нравится тебе. Чистая, целомудренная девушка, будет хорошей матерью. И детей воспитает, и тебе станет хорошей спутницей.

– Ребята, у меня и в мыслях нет жениться, да и не влюблен я в неё вовсе. Правда, я опекаю её, но это мой долг. О ком же заботиться, как не о ней? В России на тридцать миллионов тюрок две-три образованные тюркские девушки. Вся надежда на них. А надежду следует любить, лелеять…

– Об этом я и говорю…

– Оставьте его в покое, – вмешался Халил. – Он и я никогда не женимся.

– О тебе и речи нет, – сказал Салман. – У тебя, что ни день, новая зазноба. Что касается Рустамбека, он прав, что не думает жениться. Это не для студента. Носиться с капризами жены, нытьем ребёнка и ещё учеба… … Мой вам зарок: пока не завершите учёбу, не станете служить – не женитесь!

На углу Фундуклеевской Салман остановился.

– Что стал? – спросили его товарищи.

– Nach Haus[2], иначе жена загрызёт.

Салман, пожав руки ребятам, ушёл.

Было морозно, шёл снег, всё вокруг было белым-бело. Дул ветер, под ногами мягко хрустел снег. Гонимая ветром позёмка стелилась вдоль улицы и, свернувшись в белый пушистый клубок, словно стая светлячков, кружила вокруг фонарных стол-

[1] Дом, в котором в те годы жила единственная в Киеве студентка-мусульманка, был известен среди студентов под названием «Дом нации».

[2] Домой (нем.).

бов, а затем голодной волчьей стаей закручивалась вокруг фонарных столбов и печально рассыпалась по земле. Все вокруг было погружено в тишину. И студенты, будто боясь нарушить эту тишину, молча прошли вниз по Фундуклеевской улице. Метель и светлячки позёмки закружили и их.

*

«Дочь нации» была невысокой, чуть полноватой, улыбчивой девушкой. Когда она что-то рассказывала, её щёки алели, на губах появлялась застенчивая улыбка. И в обращении её было столько искренности и непосредственности, что, казалось, перед тобой не взрослая девушка-студента, а застенчивый ребёнок.

Фатьма ханым встретила студентов всегдашней радушной улыбкой.

– Столько времени вы не вспоминаете меня, – сказала она.

Чингиз поздоровался, но с ответом нашёлся не сразу.

– Знаете, мы были очень заняты. Экзамены, дела землячества… все смешалось.

Рустамбек подошел к письменному столу, его внимание привлекла лежащая на столе газета.

– Фатьма ханым, – сказал он. – Где вы приобрели «Время»?

– Прислали из Уфы.

– Вроде всё понятно, но вот слова будто какие-то незнакомые, – сказал Рустамбек, прочтя несколько фраз.

– Я тоже в этой газете многого не понимаю, – сказала Фатьма ханым. – Это не тот татарский, на котором мы общаемся.

Ширин и Салман прислушались к разговору.

– Да и наши кавказские газеты, – откликнулся Ширин, – не могут похвастаться тем, что пишут на понятном всем языке. А потом Рустамбек упрекает, что мы не читаем тюркских газет.

Услышав свое имя, Рустамбек отложил газету, сказал серьезно:

– Конечно, они перехлестывают, но есть издания, которые пишут самым простым языком. Например, «Молла Насреддин»[1].

– Этот журнал я читаю. Все понимаю. Если бы и газеты писали так, забот не было бы.

– Как бы просто они ни писали, многое точно не поймёшь, ибо словарный состав языка, на котором мы говорим, ограничен. Этот язык не способен передать всю гамму чувств и мыслей просвещённого человека. Поэтому, как только возникает спор или научная дискуссия, мы отбрасываем свой язык и непроизвольно переходим на русский. Чтобы преодолеть это, следует расширять словарный состав языка, вводить в оборот иностранные слова.

– Сколько ни читаю, ничего не могу понять, – настаивал на своём Ширин.

– И я, – поддержал разговор Чингиз, – как-то увлекся, решил прочесть тюркскую газету, да не тут-то было, очень уж мудрёным языком они пишут.

– Милые мои, – возмутился, повысив голос, Рустамбек. На его губах появилась горькая улыбка. – Пятнадцать лет вы обучаетесь в русской школе, ежедневно общаетесь с русскими на их языке, и всё равно в совершенстве русским не владеете. А читая какую-нибудь книгу, нет-нет, обращаетесь к словарю иностранных слов. Но вот тюркский вы хотите одолеть, освоить за пару месяцев. Просто вы совершенно не любите свой язык. Если бы любили, приложив усилия, изучили бы все его тонкости.

[1]Популярный еженедельный иллюстрированный сатирический журнал демократического направления, издаваемый с перерывами в 1906-1931г.г. великим азербайджанским писателем Дж. Мамедкулизаде.

– Ах, Рустамбек, – иронически улыбнулся Ширин, – прости меня, но ты, как всегда, все усложняешь. В условиях, в которых мы живём сегодня, нет места тюркскому языку, вернее, в нём нет надобности. Школы на русском языке, учреждения на русском, и на хлеб можно заработать, только зная этот язык. Я сознаю необходимость знания каждым своего родного языка. Но времени на его изучение нет.

– Время найдётся, – не согласился с его доводами Рустамбек, – нет желания, нет чувства патриотизма. Возьмите, к примеру, поляков. Они лишены права открывать национальные школы. Власть яростно борется с польским языком, с польской культурой, но, несмотря на это, вряд ли найдешь поляка, который не знал бы польский, не говорил бы на нём. Даже направленные в Польшу русские чиновники проходят процесс ополячивания…

– Всё забываю спросить, – помолчав, сказала Фатьма ханым, – когда состоится благотворительный вечер?

– Сегодня вечером мы избрали организационную группу для проведения вечера, – ответил Чингиз. – Самое удивительное, что никто и не подозревал, что здесь столько тюркских студентов. Благодаря вечеру многие узнали про нас. Кое-кто, думая, что речь идёт о вечере кавказском, сожалели, что не пришли. Откуда им было знать, что Мусульманский благотворительный вечер будет иметь свои особенности. Многие интересуются, будет ли вечер в этом году.

– А кто организовывал Кавказские вечера? – спросила Фатьма ханым.

– Здесь имеется Кавказское землячество, – ответил Халил, – поначалу в него входили все студенты-кавказцы. Постепенно из него вышли армяне и грузины. Со временем и нас стало больше, и мы смогли создать собственное самостоятельное общество. В Кавказском землячестве остались лишь не вошедшие никуда представители малочисленных народностей, вот почему их вечера потеряли прежнюю притягательность. Успех же нашего вечера был обеспечен его новизной. Мы выстроили восточные киоски, нарядились в тюркские, персидские, арабские национальные костюмы. В зале звучала национальная музыка, был организован восточный базар, в отдельном уголке были воссозданы покои паши и гарем его наложниц… В общем всё то, что так привлекает европейцев.

– Ах, – вздохнула Фатьма ханым, – представляю, как было интересно. Я бы тоже хотела это увидеть

– Осталось совсем немного, – сказал, смеясь, Рустамбек, – увидите…

– Фатьма ханым, – прервал его не без умысла Ширин, – Рустамбек станет пашой, а вы – жемчужиной его гарема!

Все засмеялись.

Только Фатьма ханым не сразу поняла истинный смысл шутки, а поняв, густо покраснела, обвела недоумевающим взглядом ребят.

*

Салман уже которую неделю вынашивал в голове идею. И когда он поделился ею с Халилом, тот, словно давно ждавший этого предложения, совсем не удивился, сказал восторженно:

– Замечательно! Только на первых порах не следует раскрывать кому-то эту тайну, ибо все мы под колпаком.

– Ничего не будет, – спокойно произнёс Салман, – а если что и случится – не беда.

После этих слов они перешли к обсуждению деталей плана: созыв тайного съезда представителей тюркских студентов, обучающихся в университетах России.

– Прежде всего следует организовать подготовительный комитет и уже сейчас решить, – сказал Халил, – кого ввести в него.

– Понадобится не менее шести человек, – сказал Салман. – Председатель, секретарь и четверо членов. Кого же наметить в члены?

– Есть такие юноши, понадобится – бросятся в огонь. Например, среди новеньких есть студент по имени Ахмед. Ради справедливости готов штурмовать небо, срывать звёзды. И товарищ у него есть такой же. Это уже двое. Затем понадобится и Фатьма ханым. Ну… говори, предлагай ты.

Халил произнёс имя Рустамбека.

– Рустамбек, – скривил рот Салман, – хороший парень, но… бекский сынок. От сытости переживает, подобно Толстому, период поиска духовности. В его душе схлестнулись романтизм и рационализм. Неизвестно, что возьмёт верх… Внутренний «рефлекс», бог знает ещё какая чушь… Друг мой, времени для эволюционного самосовершенствования нет. Нужна революционная поступь! Ясно?

– В таком случае у меня кандидатуры нет. Впиши, кого хочешь.

Салман согласился и тотчас сказал:

– На днях я созову всех вас на совещание. Будь готов. Узнай, у кого сможешь, адреса тюркских студентов в Москве, Петербурге, Казани, Одессе, Харькове, в других городах. Будь осторожен, внимателен, да смотри, нет ли за тобой слежки, – он о чём-то задумался,а затем произнёс: – Никак у нас не появятся цельные личности. Начинают хорошо и вдруг на полпути такое выкинут… Не могу понять, в чём тут секрет.

– У неопытного вола ярмо ломается. Всё от неопытности. Никогда не занимался общественной деятельностью, как говорится: «Дома не готовили, а соседи не угощали!» Незрело даже наше сознание. Что в нём, кроме ограниченного наследственно жизненного опыта?.. К тому же все известные тебе юноши-интеллигенты – выходцы из высших слоёв общества. Даже по фамилиям можно определить, что из сословий беков, ханов или высшего духовенства. Они выросли в прежней, но всё-таки культурной среде. А последнее время стали наезжать и дети коммерсантов. Они олицетворяют сегодняшнюю материальную силу: все при деньгах, трезвы в бытовых вопросах, получив образование, ищут лёгких путей обогащения. По сравнению с детьми беков или ханов они более эластичны, но мало годятся для общественной деятельности. И образование, и науку они рассматривают только как более лёгкий путь к обогащению, достижению благополучия. Бедняков пока не видно. Подобных тебе – единицы. Будь все такими, горя бы не знали. Однако мне кажется, дети бедняков – совершенные невежды, так как не обладают наследственной культурой.

Салман, напротив, считал, что дети бедняков подобны целинной земле, это благодатная почва.

– Сегодня, – говорил он, – в стране власть богатеев, это даёт возможность только им пользоваться всеми культурными достижениями. Придёт день, революция одержит победу, и перед нами тоже распахнутся двери школ и учреждений культуры, и тогда ты убедишься, какие чудеса мы сотворим!

Халил, не сдержавшись, засмеялся:

– О, мой храбрец, а ты, оказывается, зол на нас!

– А как ты думал? Двери, что распахивались перед тобой благодаря деньгам и происхождению, мне пришлось пробивать лбом.

Салман тоже засмеялся, затем сказал:

–Значит, съезд созываем. Потрясём это инертное студенчество, поглядим, что получится.

– Потрясём, – снова засмеялся Халил и вдруг заволновался: – Который час? Дома меня ожидает девушка, её тоже следует потрясти…

Провожая его до лестницы, Салман сказал с тоской:

– Что значит быть холостяком! Царская жизнь! Иди, наслаждайся!

*

В правление землячества поступило два заявления: одно от Мирджалала, другое – от Али. Мирджалал писал: «…В тысяча девятьсот пятом году меня изгнали из Шуши как армянского шпиона. С тех пор я подвергаюсь скрытому бойкоту, несправедливо неся на себе пятно позора… Кроме того, меня клеймят за речь, произнесённую на патриотической демонстрации, организованной «Союзом русского народа»…

Желая снять с себя оба эти обвинения, Мирджалал пространно объяснял свои поступки, прося провести расследование этого дела. У Али забота была иная: чуть ли не ежедневно Гасангулу, разыгрывая его, подсылал к нему старьёвщиков-татар. Али просил положить конец этому хулиганству.

Правление, предварительно рассмотрев заявления, избрало состав суда. Ширин стал председателем, Искендер и Ниязи – заседателями, прокурором и защитником, соответственно, – Салман и Халил.

Суд заседал в комнате Ширина. Наряду с истцами и обвиняемыми на заседание в качестве свидетелей были приглашены Рустамбек и Фарамаз. Первым рассматривалось дело Мирджалала. Ширин огласил обвинение, затем предоставил слово Мирджалалу.

– Расскажи, как всё было.

Мирджалал, высокий, худой и чуть рябой студент, говоря, часто и нервно подёргивал головой.

– Товарищи, – начал он, – чтобы прояснить вопрос, я вынужден говорить несколько пространно. После армяно-тюркской резни в Баку в 1905 году обстановка во всем Закавказье чрезвычайно накалилась. С одной стороны, охватившее все слои общества революционное движение – бунты, забастовки, убийства правительственных чиновников, с другой – национальные требования и вытекающие из них проблемы этнографических границ потрясали нашу страну. Реальная сила была у буржуазии, а она, словно взбесившись, сбилась с пути, придав своим личным интересам националистический окрас, в результате проливалась невинная кровь бедняков. События были на руку царизму: желая сбить пламя революции, царские чиновники всячески разжигали страсти; в армянских кварталах русские полицейские сознательно были заменены тюркскими, во время армяно-тюркских столкновений правительственные солдаты попеременно помогали то одной, то другой стороне. В результате гибли и те, и другие. Я и подобные мне юноши, разумеется, понимали истинную подоплёку событий, пытались раскрывать людям глаза. Но наши голоса были слишком слабы, никто не прислушивался к нам. Из-за того, что я испытывал братские чувства к армянам, меня обвинили в предательстве и в конце концов изгнали из Шуши. Такова истина.

Мирджалал умолк. Он был бледен. Вынув платок, вытер вспотевший лоб.

Рассказанное Мирджалалом подействовало на судей, какое-то время они молчали, затем председательствующий сказал:

– Мирджалал, как произошли шушинские события? Расскажи подробнее. Враждовали ли и прежде тюрки и армяне? Что явилось главной причиной столкновений?

Мирджалал стоял, задумчиво глядя под ноги. Он был по-прежнему бледен, только уши его стали пунцовыми.

– Товарищи, – сказал Мирджалал, дёрнув шеей, – до 1905 года как в Шуше, так и в её окрестностях армяне и тюрки жили очень хорошо. Дружба была столь тесной, что каждая тюркская семья имела кума в лице армянина, и тот считался чуть ли не членом семьи. Армянская и тюркская части города были разграничены, но армянские ремесленники имели мастерские в тюркских кварталах, а тюркские бакалейщики – лавки в армянских. До выхода на арену партии «Дашнакцутюн», между двумя нашими братскими народами не было никаких конфликтных ситуаций. Положение стало меняться, когда дашнаки стали обретать определённое влияние. Особенно нагнетали напряжённость дашнаки, бежавшие из Турции. Они утверждали, что Шуша якобы когда-то принадлежала армянским меликам… После бакинских событий обе стороны стали лихорадочно вооружаться. Естественно, если десяток дней вооружаться, то однажды прозвучит выстрел. Так и случилось…

Попросив слова у председателя, Искендер спросил: «Тюркские юноши посещали своих приятелей в армянских кварталах?»

– Да, почти каждый день, – ответил Мирджалал. – Во-первых, в армянской части города было расположено реальное училище. Там же находились все государственные учреждения. Во-вторых, армянский квартал был наиболее благоустроенной частью города, поэтому мы каждый день ходили туда погулять А летом проводили вечера на бульваре…

– В котором часу начались столкновения? – снова задал вопрос Искендер.

– Вечером. Часа не помню.

– Ты говорил, что каждый вечер бывал на бульваре. Как же случилось, что в тот вечер ты остался дома? Будь в тот вечер ты на бульваре, вряд ли остался бы жив.

– Верно. Случилось так. – Мирджалал снова дёрнулся, покрутил дрожащими пальцами кончики тонких усов. – Это случилось так: я хотел уехать из Шуши, ибо отсталость, мракобесие вконец извели меня, не было никакой возможности жить свободно. Смеялись надо мной, поддевали меня за мою фуражку, блузу. Я носил трость – кипятились тюрки, прогуливался с армянкой – угрожали дашнаки… Я буквально был на пределе. Рустамбек учился вместе со мной, мы приятельствовали, прослышав, что он собрался в Баку, я решил уехать вместе с ним. Только у меня не было денег на дорогу. Мой отец имел торговлю с кочевниками. Именно в те дни он прислал мне с гор десять бурдюков овечьего сыра, я намеревался продать их: договорился с одним бакалейщиком, тот обещал прийти посмотреть. В то самое утро, когда начались столкновения, я спал на полу в своей комнате. Раздался стук в ворота. У меня была четырнадцатилетняя сестра, она вошла, сообщила, что пришёл бакалейщик. Я тотчас встал, оделся, сказал, чтоб она прибрала постель. Я собирался принять бакалейщика в этой же комнате. Спустился по лестнице, отворил ворота, впустил бакалейщика во двор. Ещё спускаясь по лестнице, я услышал какой-то хлопок, но не придал ему значения. Вошел внутрь… моя сестра лежала на полу, на её груди расплывалось пятно крови… Под подушкой у меня был браунинг. Видимо, когда сестра поднимала матрац, пистолет упал на землю, выстрелил. Пуля прошила сестру насквозь, застряла в стене. Когда в тот день, похоронив сестру, я возвращался с кладбища, стали доноситься звуки перестрелки…

Мирджалал дрожащей рукой придвинул к себе кресло, сел. Лицо его было мертвенно бледным. В комнате стояла глубокая тишина. Все были задумчивы…

*

…После того, как были выслушаны свидетели, председатель, пошептавшись с заседателями, перешёл ко второму пункту обвинения Мирджалала.

– Я знаю, что «Союз русского народа» является хулиганской организацией, – сказал Мирджалал, – и, выступая на её собрании, я имел иную цель: хотел объяснить им, что они избрали неверный путь. Как-то всё нескладно получилось. А если по-честному, там была парочка красивых девушек. Я хотел им понравиться. Вы же знаете, когда я вижу девушек, я теряю голову.

Все дружно засмеялись. Председатель попытался было успокоить собравшихся, но и сам не удержался, расхохотался. Ветреность Мирджалала была известна всем, поэтому никто не стал входить в подробности, судьям вопрос был ясен. Председатель, снова пошептавшись с присяжными, дал слово прокурору.

В своей пространной речи прокурор говорил о шаткости, непоследовательности, алогичности позиции Мирджалала в политической борьбе: «Он должен был серьёзно бороться против армяно-тюркской бойни. Его пассивность в этом деле – несмываемое пятно. Видя, что обе стороны вооружаются, он должен был объединять молодёжь – и армян, и тюрок, протестовать, бить тревогу. Делал ли он подобное?! Нет! Истинная вина Мирджалала именно в этом!..»

Выдержанная в подобном духе речь прокурора продолжалась почти целый час.

Защитник же в своей речи, наоборот, говорил о том, что в мире нет совершенных людей, что, как гласит пословица, у каждой красавицы свой изъян, что следует понимать людей и прочее…

После последнего слова Мирджалала судьи отошли в угол комнаты, посовещались, в результате вынесли Мирджалалу оправдательный приговор.

Мирджалал не находил себе места от радости, шумно благодарил всех, пожимал руки товарищам. Халил, смеясь, хлопнул его по спине:

– В следующий раз, увидев девушку, головы не теряй!

– Не потеряю, не потеряю, – ответил Мирджалал и покинул комнату.

Когда перешли к заявлению Али, до сих пор казавшийся безучастным Ниязи попросил у председателя слово.

Гасангулу ещё больше вытянул длинную шею, внимательно уставился на него.

– Гасангулу, – спросил его Ниязи, – какую цель ты преследуешь, подсылая к Али старьёвщиков? Что даёт тебе это хулиганство?

Председатель попросил его подбирать выражения. Но Ниязи уже закусил удила и не мог остановиться. Прокурору и защитнику с трудом удалось его урезонить.

Суд продолжался. Гасангулу не мог ничего сказать в своё оправдание. «Ребята, ну что тут такого? Уж и пошутить нельзя», – говорил он.

Прокурор в своём выступлении обрушился на Гасангулу. Даже защитник, забыв о своей роли, накинулся на него. Все вспомнили, что Гасангулу не возвращает библиотечные книги, не платит членских взносов, не участвует в общественной работе. Его стыдили и порицали достаточно долго, затем вручили ему копию осуждающего решения. Кроме этого Гасангулу обязали попросить у Али прощения.

*

Рано утром Рустамбек встретил на улице Гулу и Халила.

Они поздоровались и какое-то время шли молча, затем Гулу, чувствуя нарочитую отстранённость Рустамбека, попрощался, ушёл.

– Рустам, какая кошка меж вами пробежала? – удивлённо спросил Халил.

Халил был душевно чистым человеком. Он не был способен проникнуть в вероломную душу Гулу, поэтому судил о нём только по его внешним проявлениям…

– Халил, – ответил Рустамбек решительно, – мне не по душе линия, которую проводит Гулу в нашем землячестве. Вечно интригует, ловчит, сеет вражду… Все эти его поступки предосудительны. Наше правление избрано общим собранием. Будь мы недостойны, нас бы не избрали. Что за надобность в этих интригах, вражде… Здесь сложилась студенческая традиция: ежегодно переизбирать часть правления за счёт новоприбывших. Опытные люди вводят в курс дела молодёжь. И успехи нашей организации определяются этим. Сегодня наше землячество имеет свои средства, библиотеку, издательский и лекторский отделы, отдел памятников старины, плюс мы открыли тюркские вечерние курсы. Издаём книги на тюркском языке. Скажи, в каком ещё университете России тюркские студенты имеют столь серьёзную организацию?

– Нигде! – решительно ответил Халил.

– И такую прекрасную организацию хотят развалить… – гневно сказал Рустамбек.

Приятели прошли ещё несколько улиц, затем Рустамбек несмело добавил:

– Ищу комнату. Там, где я сейчас живу, слишком шумно, невозможно заниматься.

Рустамбек скрыл истинную причину – он просто хотел отдалиться от Софьи.

Они прошли ещё немного, вдруг Рустамбек приметил справа на стене небольшое объявление о сдаче комнаты.

– Халил, давай посмотрим комнату, – сказал Рустамбек, прочтя объявление.

Они свернули, толкнули ворота, пройдя узким коридором, нажали на копку звонка квартиры справа. В дверях появилась крупная, дородная женщина.

– Какая комната сдаётся? – спросили они.

Хозяйка грубовато пробурчала что-то сквозь зубы, студенты последовали за ней. Прошли затхлую столовую, оказались в небольшом, тёмном коридоре…

…Рустамбек и Халил осмотрели ещё несколько квартир, но комнаты им не нравились: в одних было темно, в других – сыро. Словом, жилья по душе Рустамбеку не нашлось. Решив продолжить поиски позже, они направились в столовую.

Вдруг Халил вспомнил, что не пригласил Рустамбека на свой день рождения.

– Знаешь, Рустам, – сказал он, – хотел сказать тебе, да отчего-то запамятовал… В субботу мой день рождения.

– Нет, ты серьёзно? – весело улыбнулся Рустамбек.

– Ну, конечно, – ответил Халил.

– Хорошо, а деньги у тебя есть?

– Нет, – искренне сказал Халил. – Денег как раз нет. Но ведь каждый что-нибудь принесёт.

– Хорошо, за мной вино. Дай Бог тебе здоровья, Халил. Славно, что ты родился, давно не пил, хочу как следует надраться. Устал я штудировать Библию, быть в поиске пророков, получать проклятия за то, что хочу быть полезным народу. Напьюсь, может, забуду свои горести.

*

В «Политический комитет» вошли Фатьма ханым, Ахмед, а также оправданный студенческим судом Мирджалал. Председателем стал Салман. Приглашения разослали уже после второго заседания, а на пятом была утверждена программа. Были определены темы докладов на съезде и кандидатуры докладчиков: Салман – «Общая политика», Ахмед – «Тюрки и царский режим», Фатьма ханым – «Положение тюркских женщин», Мирджалал – «Связь с левыми партиями в России», Халил – «Царское правительство и пути борьбы с ним». На этом же заседании были рассмотрены и одобрены тезисы докладов.

По предложению Салмана были намечены меры предосторожности: на случай внезапного налёта полиции у дома, где пройдёт съезд, выставить пикеты, иметь под рукой музыкальные инструменты, чтобы представить при надобности происходящее весёлой студенческой пирушкой.

Когда впервые родилась идея проведения съезда, в правлении землячества возникли долгие дискуссии. Поначалу предлагалось, чтобы съезд обсуждал только вопросы просвещения, не затрагивая политики. Салман придерживался иной, чёткой линии: «Проблемы просвещения не могут быть решены без решения вопросов политических». Рустамбек же, напротив, призывал к осторожности: «Студенты могут быть арестованы, организация ликвидирована, в результате, кроме вреда, ничего не получим. Народ, едва вступивший на путь просвещения, не должен до времени заниматься политикой. Реакция усиливается, всякий, кто поднимает голову, ссылается в Сибирь. Какой смысл бросаться на арену борьбы в столь опасное время?»

Халил объяснял позицию Рустамбека трусостью:

– Эх, Рустамбек, – говорил он, – ты боишься собственной тени…

– Душа моя, – пытался объяснить свои опасения Рустамбек. – Я не боюсь. Нашему народу нужны поводыри, вожди, что мы выиграем, если будут арестованы люди, которые в будущем могут стать вождями? Вот что меня страшит! И ещё, если будет арестована целая группа студентов, наши перетрусят и не станут присылать сюда учиться молодёжь.

Мысли Рустамбека не нашли сторонников, ибо хотя революционное движение внешне было подавлено, но брожение росло и ширилось, охватывая массы, и было неприемлемо придерживаться сторонней позиции.

*

Халил вместе с хозяйкой накрывал на стол, когда вошёл Рустамбек с завёрнутыми в бумагу бутылками вина.

– Отнеси их в мою комнату, – сказал Халил.

Рустамбек, пройдя столовую, направился в комнату Халила. На выдвинутом вперёд письменном столе Гуламрза разрезал солёные огурцы. Тут же Парвиз открывал банки с маринованным перцем и баклажанами.

Рустамбек и Гуламрза стали относить в столовую продукты. Расставили на столе бокалы, бутылки с вином и пивом, тарелки с помидорами, огурцами, соленьями, разрезали хлеб, разложили салфетки.

Гости понемногу собирались. Парвиз занимал свою соседку, русскую студентку. Чингиз был увлечён беседой с Фатьмой ханым. Раздался звонок, вошёл Джафар, поздоровался со всеми, с порога глянул на стол, воскликнул:

– Было бы замечательно, если б хоть раз в неделю кто-нибудь из ребят рождался…

– На следующей неделе мой день рождения, – сказал Гуламрза.

– А ещё через неделю ты пригласишь нас на торжества в связи со свадьбой.

Гуламрза улыбнулся, приобнял Джафара.

– Добро пожаловать, Теймурбек! – послышалось в коридоре.

Джафар тут же пошёл встречать его. Войдя в гостиную, Теймурбек пожал ему руку, поздоровался со всеми. Чингиз и Парвиз привстали, приглашая его сесть рядом.

Вслед за Теймурбеком показалась долговязая фигура Гулу. Зачёсанные вперёд редкие волосы закрывали широкий лоб, глазёнки под тонкими бровями излучали хитрость. Длинный нос накрывал толстые усы. В руке он держал бумажный пакет.

– А где новорождённый? – спросил он, деланно улыбаясь, ещё более вытянув вперёд нос.

– Тут я! – Халил шагнул вперёд, Гулу вручил ему кулёк со сладостями.

Халил подпрыгнул, как ребёнок, затем подошёл к Фатьме ханым, опустился перед ней на колени, протягивая ей сласти. Фатьма ханым улыбнулась, покраснела, опустила руку в кулёк.

Халил угостил и собеседницу Парвиза, затем протянул кулёк Гулу. Тот хотел было, сохраняя церемонность и важность, взять конфету, но Халил со смехом отвёл руку. Все засмеялись, а Гулу не смог скрыть досады.

А гости всё прибывали. В столовой появилось ещё несколько девушек и парней. Халил познакомил их со всеми.

За обеденным столом царило особое дружелюбие. Все были веселы, раскованны. Джафар был избран тамадой, он без устали сыпал смешными анекдотами, притчами. Произнеся очередной тост в честь Халила, он сказал:

– Единственное, о чём прошу Аллаха, чтобы не лишал меня студенческой жизни, чтоб она длилась как можно дольше. – Он чуть запнулся и, глядя в лицо Халила, добавил: – Конечно, Халил – человек терпеливый, как и я, шестой год в студентах. Пожелаем Халилу сохранить это постоянство ещё на несколько лет, и мы каждый год станем отмечать дни его рождения.

Бокалы взлетели вверх, студенты чокнулись, желая, чтобы «сбылось их пожелание».

Наступила недолгая тишина, гости были заняты едой, Салман поднял голову, посмотрел на тамаду. Тот перехватил его взгляд, кивнул в знак согласия.

Салман встал, дрожащей от волнения рукой поднял бокал. Несколько секунд он стоял молча, заставив всех погрузиться в глубокое молчание. Затем осторожно опустил бокал на стол и, окинув всех внимательным взглядом, заговорил:

– Была тёмная ночь, весь народ спал, только некий юноша, проснувшись, ждал утра. Он часто вставал с постели, нетерпеливо глядя на восток, искал взглядом рассветную звезду. Не найдя её, огорчённо возвращался в постель, но сон не брал его, утомляла ночь, и он метался в ожидании рассвета… Разве состояние наших просветителей не напоминает состояние того изнывающего от бессонницы юноши? Они метались во мраке, в ожидании, но всё же не теряли надежды, искали её на Востоке. О, просветители, закончилась, наконец, власть тьмы. Вы видите рассветную звезду? (Он протянул руку в сторону Фатьмы ханым). Близок рассвет, взойдёт солнце, и его живительный луч озарит новый мир. О, надежда народа! О, наша любимая сестра! Да будет к добру твоя славная поступь!

Все дружно встали с мест, искренне пожелали Фатьме ханым добра и торжественно, под крики «Ура!», подняли бокалы.

После недолгой паузы застолье продолжилось. Тамада часто просил наполнить бокалы, произносились тосты, юноши, желая рассмешить барышень, рассказывали анекдоты.

Затем встал, попросив слова, Гулу.

Его речь была посвящена всё тому же «положению несчастного народа», он просил не отстраняться от горестей народа, пожурил молодёжь за равнодушие к его бедам, призвал оправдать возлагаемые на неё надежды. Кончил он свой тост словами: «Вся надежда нации на нас, мы должны сделать так, чтоб эти надежды оправдались. Да здравствует народ!»

Снова подняли бокалы, но искренности не было.

Рустамбек снова помрачнел. «Тоже мне, «Радетель нации», – сказал он про себя. – Хотя бы постыдился».

– Вы чем-то расстроены? – почувствовав его настроение, спросила сидевшая рядом с ним девушка.

– Когда уши слышат ложь, невозможно оставаться радостным, ибо тот, кто лжёт кому-то, считает его невеждой. Вот от этого и щемит моё сердце.

Девушка не поняла до конца его слов, но отнесла перемену в его настроении на счёт выпитого.

Снова разливалось вино, пили поименно за каждого присутствующего, некоторые пили на брудершафт. Внимание Рустамбека привлекли Гулу и Чингиз, пьющие на брудершафт, и это окончательно расстроило его. От прежнего радостного состояния не осталось и следа. Он огляделся, ощутил себя крохотным островком посреди моря: волны лжи, двуличия желают смыть и его.

– Тамада, дай мне слово, я хочу кое-то сказать, – Рустамбек поднялся с места. Лицо его было ядовито-бледно, в глазах сверкали молнии.

– Господа, знаете, для чего говорятся речи? – начал он. – Чтобы довести до окружающих мысли и убеждения человека. Благодаря речи мы воспринимаем переживания и волнения выступающего, желающего разделить их с окружающими. Слушающие его ощущают в сердцах тот же огонь, что и оратор. Но в нашей среде речи не преследуют этой цели, наши слова не есть выражение наших убеждений, напротив, это – шторы, скрывающие нашу безыдейность, прикрытие любого предательства и беспринципности. Поэтому оставим в стороне народ, нацию, – нам, чьи слова расходятся с делом, пить за них не стоит. В подобных ситуациях легковесность речей лишь подчёркивает фальшь наших сердец. Лучше возьмём бокалы и выпьем за наше реформирование. Если мы, как личности, не преобразимся, то никогда не осознаем реальности, не сможем служить народу. Да здравствуют преображённые личности! Пусть здравствуют те, в чьих сердцах горит пламя истины! Да сгинут фальсификаторы!

Тост Рустамбека произвёл тягостное впечатление.

Все стали поражённо переглядываться. Тамада знаком дал понять Рустамбеку, насколько были неуместны его слова. Обиделся Гулу. Всем было ясно, что Рустамбек имел в виду его и Теймурбека. Но нашлись и те, кто поддержал Рустамбека: Салман, Парвиз, Халил, Искендер, Каспар и соседка – русская студентка, потянулись к нему с бокалами. Рустамбек сел, девушка пожала ему руку.

– Товарищ, – сказала она. – Я полностью разделяю вашу мысль, будьте здоровы! Основа любой реформации – преображённая личность.

Слова девушки бальзамом пролились на его душу. Начисто забыв о присутствующих, он увлёкся горячей беседой с ней.

– Видите ли, – говорил он, – произнося речи, они выдают себя за защитников человечества. Все они лгуны, как только завершат учёбу, они станут рядиться в совсем иные одеяния. Ради благосостояния станут танцевать под хозяйскую музыку.

Рустамбек опустил голову и не произнёс больше ни слова. Все вставали, постепенно переходили в гостиную. Скоро столовая совершенно опустела. Рустамбек осторожно поднял голову. Окинул мрачным взглядом комнату, поднялся, приблизился к двери гостиной. Там чарующе звучал тар, хлопали в ладоши. Парвиз танцевал «Терекеме». Все были радостны и беззаботны.

Какое-то время Рустамбек глядел на это веселье, затем спросил себя: «Отчего я не могу быть весёлым?» Сжалось сердце, охватило чувство одиночества. «Все бегут от меня, никто меня не понимает!.. Я одинок! Я несчастен…»

Ему хотелось плакать. Вдруг он резко повернулся, направился к выходу. Молча, ни с кем не попрощавшись, взял пальто, вышел.

*

Рустамбек вытащил ключ, хотел вставить его в скважину замка, но это ему не удалось. Задумчиво постоял, снова безуспешно попытался отпереть входную дверь. Тогда он постучал ключом в дверь, прислушался, нажать на кнопку звонка ему не приходило в голову

– Кто там? – раздался за дверью приглушённый голос.

– Это я, – бессмысленно улыбаясь, надтреснутым голосом сказал Рустамбек. Дверь отворилась. Покачиваясь, словно после тяжёлого, изнуряющего труда, Рустамбек ввалился в коридор. Софья Сергеевна вошла в свою спальню, прикрыла за собой дверь.

– Заприте входную дверь, потушите свет в коридоре, – донёсся из спальни её голос.

Рустамбек подошёл к спальне, нажал на ручку – дверь была заперта.

– Софья Сергеевна! Софья Сергеевна!

Ответа не последовало.

– Софья Сергеевна! Софья Сергеевна! – уже со стоном в голосе позвал он.

– Слушаю вас.

– Прошу вас, вы только откройте на минуту дверь.

– Сейчас из клуба вернётся мой муж, идите спать.

Рустамбек прислонился к двери. Его мутило, кружилась голова.

– Прошу вас, – с мольбой в голосе попросил он. – Откройте, я скажу вам только два слова.

– Ради Бога, идите спать! Из-за вас я попаду в беду! – настойчиво и чуть сердито повторила она.

– Откройте на минутку, потом я сразу уйду.

– Не входите, я ещё не одета, – видимо, убедившись, что он не уйдёт, она отворила дверь, затем быстро юркнула в постель, накрывшись с головой одеялом.

Подождав немного, Рустамбек вошёл в комнату. Лампада, горящая перед иконой, едва освещала всё вокруг. Тишина и полумрак придавали комнате схожесть с кельей. Оскорблённое достоинство Рустамбека забылось в тишине этого полумрака. Со слезами на глазах Рустамбек опустился на колени у кровати, будто кающийся грешник перед святыней.

– Я всегда ощущал своё одиночество, – в его голосе звучали стон и жалоба. – В этот вечер я понял, что оно правит нами. Все отвернулись от меня, я остался на арене жизни один. – От жалости к самому себе он всхлипнул. – И нет ни одного истинного друга, кто протянул бы мне руку… Вся моя надежда на вас, открывая вам душу, я чувствую облегчение.

– Что вы хотите сказать?.. – рассерженно прервала его Софья. – Вы пьяны, причём очень. Богом прошу, вставайте, идите спать.

Рустамбек, прижавшись головой к кровати, погрузился в молчание. Его глаза снова налились слезами, он поднял голову.

– Вы видите мои слёзы? – проговорил он.

– Вижу!.. Идите спать, завтра поговорим! Скорее, муж вот-вот вернётся.

Рустамбек приподнялся.

– Прощайте, – сказал он, – я не знал о вашем непостоянстве. В эту ночь довелось узнать и это.

Он с горечью покинул комнату. В душе он ждал от Софьи ласки и утешения. Взамен ему досталось унижение. Что-то надломилось в его отношении к ней. Теперь ему не на что было надеяться. Опечаленный и опустошённый, он прошёл в свою комнату. Сказал сам себе: «Я ненавижу всех, ибо все ненавидят меня. Лучше отстраниться ото всех…»

*

У входа в театр Дворянского собрания, где продавались билеты на Мусульманский благотворительный вечер, толпился народ. Красочные афиши, объявления в газетах и воспоминания о прошлогоднем вечере привлекли сюда множество киевлян. Бахрам, нарядившийся в лезгина, помогал Теймурбеку продавать билеты.

Рустамбек, Софья Сергеевна и её супруг, пробившись сквозь толпу, сдали в гардероб верхнюю одежду. Софья Сергеевна окинула Рустамбека удовлетворённым взглядом. Он был одет на манер анатолийских турок. Красная феска, красный шёлковый кушак, расшитый арахалук очень шли ему.

Восторг Софьи Сергеевны вызвало украшенное в восточном стиле фойе. В центре его был разбит небольшой, сделанный на арабский манер, шатёр, за ним раскинулся восточный базар. У входа на базар сидел, напевая касыду, длинноволосый дервиш. Тюркские студенты в различных национальных нарядах выглядели особенно живописно на фоне европейски одетых зрителей.

Рустамбек, слившись с толпой, отошёл от Софьи….

Обойдя фойе, Софья Сергеевна решила осмотреть объявленный в программе гарем. Она обратилась к Ахмеду, облачённому в узбекский халат:

– Простите, вы можете показать нам гарем?

Ахмед, часто закатывая на ходу рукава халата, проводил их к гарему.

В специально отведённой комнате, на обитом шёлком троне, откинувшись на атласные подушки, покуривая кальян, восседал паша – Джафар, в огромном тюрбане и шёлковой мантии, перехваченной широким кушаком. Перед троном, на шёлковом матрасе, откинувшись на разноцветные подушечки, возлежала Катя. Она была одета в красные шёлковые шальвары. Тонкий, с бахромой кушак стягивал её гибкий стан. Белая чалма приятно оттеняла чёрные кудри. Рядом сидело ещё несколько девушек в восточных нарядах. Оджагверди в качестве смотрителя гарема разносил кофе.

Как только зрители заполняли комнату, по знаку паши звучала музыка, и одна из девушек пускалась в пляс.

Софья Сергеевна восхитилась танцем Кати, исполнявшей «Джейраны», и хотела дождаться следующего номера. Но вышедший к зрителям служитель, Гуламрза, сказал:

– Господа, ввиду того, что комната небольшая, просим дать возможность посетить гарем и другим гостям. Убедительно просим вас освободить гарем! Таково повеление нашего паши.

Софья Сергеевна и её муж вышли из гарема.

– Что ещё в программе? – спросил Софью супруг, когда они покинули гарем.

– Концерт. Затем на сцене покажут восточную свадьбу и представление «Восточный сон». В конце – танцы.

Софья Сергеевна и её муж вошли в зал, заняли свои места…

А на сцене разыгрывалось театрализованное представление «Восточный сон».

…Закат окрасил край неба в густо красный, почти барбарисовый цвет, на фоне кипарисов вонзалась в небо стрела минарета. У прохладного фонтана, опираясь на шёлковую подушку, полулежал погружённый в раздумья паша. Вдруг из-за кипарисов появилась девушка. Истинно восточная красавица! Ожившая мечта! Она настолько нежна и изящна, что может, подобно кашмирскому платку, проскользнуть сквозь колечко! Паша медленно приподнялся и сказал проникновенным голосом: «Подойди, подойди, моя красавица…» И тут же упал, теряя сознание.

Занавес опустился. Аплодисменты потрясли зал. Воспользовавшись антрактом, всё ещё стоящий у входа Рустамбек, быстро прошёл в партер, вручил Софье цветы.

*

Со стуком закрылась входная дверь. Рустамбек заинтересованно вышел в коридор. Софья Сергеевна была ещё там.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, Рустамбек! – сказала Софья Сергеевна.

– Кто-то ушёл?

– Мой муж.

– А почему столь рано?

– У него какие-то дела на рынке.

Рустамбек замялся.

– Вы чем-то заняты? – спросила Софья.

В ответ Рустамбек распахнул дверь своей комнаты, показал в сторону письменного стола. Хозяйка, не поняв, вошла в комнату, направилась к столу. Желая объяснить, что собирается заниматься, Рустамбек показал на книгу.

– Ах!.. А я-то думала, вы на что-то намекаете.

Рустамбек засмеялся.

Наступило молчание. Рустамбек хотел сказать ещё что-то, но биение сердца не дало ему это сделать. Наконец он собрался с духом.

– Софья Сергеевна! Я должен сообщить вам… Я переезжаю.

Софья Сергеевна оторопело посмотрела на него, так, будто по её венам пропустили электрический ток.

– Переезжаете? Очень хорошо, – произнесла она.

Софья не сразу осознала остроту услышанного. Ноющая боль разлилась по сердцу.

– Куда вы переезжаете? – спросила она дрожащим голосом. За этим вопросом, разумеется, скрывалось множество других вопросов: «Отчего вы переезжаете? Обиделись ли на меня?» Но она не осмелилась их задать.

Рустамбек ощутил её состояние, ему стало жаль её.

– Софья Сергеевна, – сказал он, стараясь не выдать собственного смятения. – Когда я переехал к вам, я испытывал к вашей молодой семье безграничное уважение. Видя вас рядом с вашим супругом, я питал к вам самые чистые чувства. Однако это длилось недолго. Вместо них в мою душу проникли чёрные мысли, и чистота была утеряна. К счастью, я быстро взял себя в руки. Меня мучила совесть. Она не давала мне покоя ни днём, ни ночью. Я вступил в борьбу со своей страстью и, казалось, одержал победу. Но, встречаясь с вами лицом к лицу, ощущал, что вновь запутываюсь в сетях страстей. Покой был нарушен, дух мой подавлен. Ничто не вывело меня на путь спасения, я назвал вас сестрой, но не смог глядеть на вас глазами брата… В конце концов я просто устал от борьбы. У меня остался единственный выход, на днях я воспользуюсь им – перееду…

С замиранием сердца Софья слушала юношу. Вдруг её душу охватила нежданная радость, казалось, наконец, её тело освободилась от тяжкого груза. Мягкая улыбка осветила её алые губы. Софья хотела шагнуть вперёд, обнять Рустамбека, поцеловать его, но робость удержала её. Закрыв руками влажные глаза, она выскользнула из комнаты…

…Фаэтон уже был у ворот. Рустамбек передал чемоданы горничной.

– Отнеси в фаэтон. Затем возьми корзину с книгами, пусть фаэтонщик поставит её под ноги.

Горничная ушла. Осталось попрощаться с Софьей. Он постучался в дверь гостиной.

– Софья Сергеевна! Можно войти?

– Пожалуйста, – тотчас ответила Софья Сергеевна.

Рустамбек вошёл в гостиную.

Щёки Софьи Сергеевны были влажными, в глазах залегла глубокая печаль.

– Видимо, переезжаете? – спросила она.

– Да.

– Счастливо вам! – сказала Софья, опустив голову.

– Прощайте! – решительным голосом произнёс Рустамбек, протягивая руку.

Не поднимая глаз, Софья Сергеевна подала ему руку.

Садясь в фаэтон, Рустамбек посмотрел наверх: прижавшись к окну, Софья плакала.

Конец первой книги

Фируза – Ашкабад 1914

Баку – 1935

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

ПОРТРЕТ В ПОЗИТИВЕ

К юбилею Азера Мустафазаде

Азеру Мустафазаде – 80! Честно говоря, не верится. Он по-прежнему отличается завидной работоспособностью, из-под его пера по-прежнему выходят книги замечательных переводов, он по-прежнему успешно возглавляет старейшее государственное издательство нашей страны «Азернешр», коллектив которого под его руководством осуществляет очень важные и нужные проекты.

Счастлива, что мой старший друг и коллега в добром здравии, и я могу посвятить его юбилею несколько теплых строк. Для тех, кто, может быть, не знаком с его биографией (хотя в мире литературы такие вряд ли найдутся), коротко расскажу: в конце 50-х годов прошлого века Азер поступил в Литинститут имени М.Горького в Москве, двадцатилетним пареньком связал свою судьбу с литературой и с тех пор не изменял ей никогда. Служил ей верно и достойно, в самых различных ипостасях – собкора знаменитой «Литературки», полпреда азербайджанских писателей в Союзе писателей СССР, зампредседателя Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, наконец, бессменного, с 1990 года, руководителя Государственного издательства «Азернешр». Однако, несмотря на все внешние регалии и престижные должности, главным для себя всегда считал творчество – публицистику и, конечно же, художественный перевод. Азера Мустафазаде вполне справедливо называют классиком этого литературного жанра. В его переводах на русский язык увидели свет произведения Юсифа Везира Чеменземинли, Сулеймана Рагимова, Мирзы Ибрагимова, Сабира Ахмедова, Алтая Мамедова, Фармана Керимзаде, Эльчина и др.

Азер Мустафазаде никогда не ограничивался только лишь переводом понравившегося ему произведения. Он стремился к тому, чтобы оно было непременно напечатано в одном из литературно-художественных журналов, в изобилии издававшихся в республиках бывшего СССР, чтобы книга того или иного азербайджанского писателя была издана в московском издательстве, а пьеса азербайджанского драматурга поставлена на столичной сцене. Именно благодаря усилиям и деятельности Азера Мустафазаде творческая элита СССР, «ближнего» и «дальнего» зарубежья в 70-е – начале 80-х годов смогла познакомиться с лучшими представителями отечественной культуры и их произведениями.

Азер Мустафазаде был «своим» в кабинетах литературных боссов Москвы, мог помочь собратьям по перу пристроить рассказ или поэму в столичный журнал, «протолкнуть» в план издательства «Советский писатель» ту или иную книгу, замолвить словечко перед членами иностранной комиссии Союза писателей, которые решали вопрос выезда литераторов за границу в составе делегаций. Руководство в огромной стране было централизованным, и также централизованно вершились дела литературные. Поэтому ответственный секретарь Совета по азербайджанской литературе при СП СССР (именно так называлась должность Азера Мустафазаде) обладал в то

время большим влиянием и полномочиями. И надо отметить, что Азер муаллим пользовался этими полномочиями исключительно во благо азербайджанской литературы и своих коллег по писательскому цеху.

Более 11 лет провел Азер муаллим в старинном особняке на улице Воровского, где размещалось правление Союза писателей СССР, и эти годы (1972-1983) явились, пожалуй, самыми бурными и плодотворными с точки зрения развития литературных связей, утверждения и признания азербайджанской литературы и искусства на карте страны. Дни литературы РСФСР и СССР в Азербайджане, Всесоюзная творческая конференция в Баку, многочисленные юбилеи классиков азербайджанской литературы в Москве – в организации всех этих масштабных акций, умело и со вкусом проводимых в 70-е годы тогдашним партийным руководителем республики Гейдаром Алиевым, самое активное участие принимал Азер Мустафазаде. И, наверное, символично, что уже в период обретения независимости именно Азеру Мустафазаде Президент Азербайджана доверил издание многотомника «Наша независимость – вечна», куда вошли все речи, выступления и доклады Гейдара Алиева. А начиная с 2003 года «Азернешр» выпускает фундаментальные книги выступлений, интервью, докладов Президента Ильхама Алиева под общим названием «Наша цель – развитие» (издано уже 74 тома под неизменной редакцией академика Р.Э.Мехтиева). Эти книги, представленные в том числе в электронном варианте, являются незаменимым кладезем информации, благодаря которой историки, политологи, исследователи процессов, происходящих на постсоветском пространстве, могут скрупулезно проследить за развитием общественно-политической, социально-экономической и гуманитарной ситуации в Азербайджане. Эти книги – живая история, которая творится на наших глазах и которая сохранится для будущих поколений. И за это большое спасибо коллективу «Азернешра».

Несмотря на ограниченность финансовых возможностей и трудности, переживаемые нынче издательским рынком, Азер Мустафазаде и его небольшой профессиональный коллектив всегда высоко держат планку и не поддаются конъюнктуре. Азер муаллим никогда не позволит себе издать отдающее дурным вкусом произведение дилетанта-графомана, даже если тот обладает тугим кошельком. Зато с удовольствием печатает книги профессиональных друзей-литераторов.

А не так давно издательство «Азернешр» выпустило уникальную серию из 16 книг, посвященных драматическим событиям, которые произошли во время первой мировой войны в Османской Турции, и которые наши ушлые соседи окрестили «геноцидом армян».

Армянской пропаганде за минувшее столетие удалось сделать многое. Во всяком случае, в сознание политизированной элиты Запада прочно вошел образ народа-жертвы, который жестоко пострадал от варварства нецивилизованных тюрков. 16 книг, изданных Азером Мустафазаде, напрочь разбивают этот миф. Тем более, что среди авторов этих книг нет ни одного турецкого или азербайджанского имени. Ряд книг, такие, как «Армяне против тюрков», «Армянский вопрос» и др., основаны на документах, хранящихся в различных российских архивах; другие принадлежат перу армянских, русских, зарубежных авторов. При этом ряд томов издан на французском, английском и немецком языках. Значение этого проекта, осуществленного командой Азера Мустафазаде при содействии Фонда Гейдара Алиева, трудно переоценить. Представленные в серии исторические документы и объективные свидетельства со-

временников тех событий, научные труды стремящихся докопаться до истины ученых убедительно опровергают ложь и фальсификации армянской пропаганды о пресловутом «геноциде армян».

… Помимо дел издательских, Азер Мустафазаде продолжает трудиться на ниве переводческого дела, которому он предан беззаветно. Некоторое время назад я с удовольствием прочитала и отрецензировала исторический роман нашего видного прозаика Эльчина «Голова», который блестяще перевел Азер Мустафазаде, что было мной отмечено в статье. А от главного редактора журнала «Литературный Азербайджан» Солмаз Ибрагимовой я узнала, что недавно Азер муаллим завершил поистине эпохальный труд – перевод романа одного из своих самых любимых писателей Юсифа Везира Чеменземенли «Студенты» (40 печатных листов). Так что в скором времени литературные гурманы смогут с удовольствием прочитать этот роман на русском языке.

Азер Мустафазаде – человек негромкий и абсолютно непубличный: избегает давать интервью, редко засвечивается на экране, не показывается на светских тусовках. Он предпочитает делать свое дело и жить в тщательно оберегаемом от бестактного взгляда мире, в котором главное место занимает семья – дети, внуки и, конечно, милые сердцу друзья, коих немало среди самых знаменитых писателей, деятелей культуры, политиков. Они очень уважают и ценят Азера Мустафазаде за его открытый, немного ироничный взгляд на мир и окружающую действительность, за то, что тот не научился ловчить и угождать, за то, что обладает роскошью говорить все, что думает, и друзьям, и недругам. За прожитую им достаточно долгую и достойную жизнь.

Поздравляя своего друга и коллегу с юбилеем, хочу пожелать ему здоровья, благополучия и долгих лет жизни. Чтобы он продолжал и далее осуществлять свою миссию Хранителя одного из главных духовных очагов нашей культуры. Хочется чаще видеть подпись Азера Мустафазаде под переводами произведений азербайджанских писателей. И повторю свое пожелание десятилетней давности: надеюсь когда-нибудь прочитать мемуары Азера муаллима, ибо по долгу службы и по роду профессии ему довелось общаться со множеством знаменитых и талантливых людей, чьи имена стали знаковыми для национальных культур. Таким же знаковым для современной азербайджанской литературы стало имя Азера Мустафазаде – писателя, публициста, переводчика, издателя. Хранителя Слова.

БАСИРА САРАЕВА

Как-то вот так
или
Кредитная сделка

Рассказ

Вместо того, чтобы открыть дверь машины, Сульхия стояла неподвижно, не в силах оторвать взгляд от упиравшихся в облака крыш нового жилищного комплекса. Ей предстояло вернуться домой в старый квартал с извилистыми улочками, застроенными одно-и двухэтажными хибарками. Никто не ждал ее и не потребовал бы отчета за поздний приход. Ученики прибудут на ее частные уроки только к середине сентября. Пока же медленно занимались июльские сумерки.

Решив еще немножко подышать свежим воздухом, Суля направилась к скамье и села рядом с молодой супружеской парой, перед которой резвились двое очаровательных малышей лет трех и пяти.

– А ведь на их месте могли быть мы с ним и наши дети.

При этой мысли у нее защемило сердце, и, чтобы не привлечь внимание отдыхающих в скверике, она ускорила шаг в сторону своей иномарки.

Бессонной ночью, машинально перескакивая с сайтов купли-продажи на сайты знакомств, Сульхия с горечью вспоминала мгновения своего трехмесячного брака, если этот, всё же счастливый, кусочек жизни можно было назвать браком вообще.

Она обручилась за несколько дней до защиты диплома. Однокурсницы искренне радовались долгожданному превращению ученого кота в женщину. Ликовала и сама невеста, даже раздала беднякам милостыню, почти равную стипендии отличника. Решение о женитьбе Тарлана на Сульхие приняли старшие, а инициатива принадлежала бабушке, пожелавшей перед уходом в мир иной поплясать на свадьбе любимых внуков.

Видя подружек с женихами или парнями, Суля ждала только двоюродного брата и считала, что небезразлична ему. Она влюбилась в Тарлана во втором классе, когда он выполнил за нее задание учителя художественного кружка.

И вот зажигается вожделенная звезда счастья. Правда, некоторые церемонии и помпезности помолвки ожидают сокращения из-за прогрессирования бабушкиной болезни.

Капризный жених уже несколько лет жил отдельно, снимал квартиру, которую собирался выкупить в кредит, зато купил БМВ за наличные. Семья невесты проживала в трущобах в «режиме ожидания» – вот-вот наведаются строители. Тем не менее, сноровистая мама за короткий срок, завоевав доверие ростовщика, заказала для дочери мебель и накупила ультрасовременную бытовую технику.

Тарлан часами гулял с Сульхиёй по городу, возил ее на концерты и кино, но за пару дней до свадьбы решился на откровенность:

– Я это так, для няняшки[1]. Так, в общем-то…

[1] Няняшка – бабуля.

Суля замерла, а он виновато продолжал:

– Женщины совсем не притягивают меня.

– Шутишь?!

– Отнюдь! Теперь только от тебя зависит, быть или не быть клоунаде.

Потрясенная невеста рухнула бы на мрамор, если б жених не подхватил ее. Он целовал ее в щеки и голову, гладил, как перепуганного ребенка.

– Бывает, секс без любви не получается. Не знаю, как эта болезнь называется. Вот увидишь, в брачную ночь всё наладится, – лепетала девушка, не теряя оптимизма.

– Если свадьба и будет, то после похорон подам на развод. Я не однолюб-гетеро, – продолжал её разочаровывать «парень».

Кларнетист Тарлан выступал в группе популярной звезды. Никто из родных и друзей не замечал его отклонения. Одежда экстравагантная, но мужская. Усатый, отращивал волосы, выщипывал густые брови. Ну и что! И на собственной свадьбе радовался больше всех.

– Можно танго с невестой? – многозначительно обратился к жениху гитарист Омар.

Под звуки аккордеона, на глазах у сотен гостей и полдюжины видеокамер, он на полном серьезе шепнул ей на ухо:

– Понимаю: менталитет. Но – до поры до времени. Ясно?

Она рассеянно кивнула, хотя отлично поняла, что находится в ловушке охотника на мужа. Ни внешность, ни манеры Омара тоже не говорили о его принадлежности к «третьему» полу. Поэтому у бедной Сульхии зародилась надежда на окончание кошмарного сна, когда сопернику подберут нормальную жену.

Шли дни и недели. «Благополучное» развитие событий вернуло к жизни ни о чём не подозревавшую старушку. Ее терпеливая внучка верила, что скоро станет женой любимого в полном смысле этого слова. Он всегда говорил ласково, целовал ее перед сном, но не иначе, как сестренку. Привыкшая к нечеткому режиму мужа-музыканта, хозяйка убиралась только в его отсутствие, ела вместе с ним, хотя он нередко возвращался сытым и навеселе.

Зато Омар разбил чашу терпения и начал шантажировать Сульхию по телефону. Его угрозы нарастали и с каждой неделей становились жестче. Сульхия хотела дать послушать мужу кое-какие диктофонные записи, сделанные ею, – не успела. После очередной тусовки ансамбля в глубинке страны тело кларнетиста со множеством ножевых ран обнаружили в машине его друга гитариста, а через пару дней тело самого гитариста извлекли из реки на просторах того же района.

– Тарлан проиграл Омару крупную сумму, – твердила вдова правоохранительным органам, журналистам и родне.

– Истина ведь ничего не изменит, – оправдывалась она перед самой собой и психологом.

Унаследовав иномарку и продав большую часть приданого, девушка вернулась в захудалые самостройки – к матери, которую через год забрала скоротечная болезнь.

Безутешной Сульхие не осталось ничего, кроме как снова превратиться в ученого кота. Поступила в магистратуру. Магистерская диссертация, вдвое превысившая требуемый объем, с незначительными правками преобразилась в кандидатскую. Зачислили лаборантом на кафедру. Защитилась…

Скромная зарплата и гонорары от нескольких учеников не могли устранить бездну проблем старого дома. Лучше уж продать и целиться на новое жилье. Однако комнату площадью в четырнадцать квадратных метров с кухней еще меньших размеров хозяюшка считала общей с замужней сестрой собственностью, пусть сестра и не претендовала на половину суммы от продажи. Если все деньги достались бы Суле, то всё равно мало для первоначального взноса за новую квартиру. Прощаться с машиной по ряду причин не хотелось.

К тому времени начали выдавать льготный ипотечный кредит, доступный доходу лаборанта. Увы, в законе нет поблажек холостякам и вдовам. Непременно нужен живой, трудоспособный муж. Ни в коем случае не альфонс, чтобы при обговоренном распаде ячейки общества не положил глаз на имущество жены.

– Где взять такого? – пожаловалась Сульхия подруге, работавшей экспертом в банке.

– Околдуй бутылками немолодого алкаша и распишись. За пару месяцев успеешь, надеюсь.

– У меня же де-юре четыре года в запасе.

– Пока правила нашего банка таковы, чтобы дебитору было до тридцати пяти. К личности супруга жестких требований нет. Действуй, а то придется молодого подцепить. Потом отвязаться, сама понимаешь, будет непросто.

В конце августа двоюродный брат Мубариз пригласил Сульхию на нишан[1] своей дочери на загородной вилле.

Все тридцать три километра за рулем Суля провела с думами о собственном счастье, которое наметила обрести на той же даче. Охранник-садовник Яшар! Пенсионер по инвалидности, получает официальный оклад от Мубариза, покладистый дядька, вдовец и законченный бражник. Лучшего кандидата в «ипотечные женихи» и не сыщешь!

Ближе к концу пиршества одна из гостьей поинтересовалась, где Яшка. Это не вызвало никакого удивления, потому что к садовнику относились, как к члену семьи.

– Двенадцатого числа умер от цирроза печени, – с сожалением ответил хозяин.

Наступила тишина, как минута молчания в память о покойном. Сульхия, потерявшая было землю под ногами, расхрабрившись, озвучила свое погребенное желание.

– Раз наша монашка грезит о мирских благах, мой долг – помочь по полной программе, – заявила сестра Мубариза Нигяр, хватая Сулю под руку.

Они спустились в сад, оглядели созревший аг-шаны[2], как последнее детище садовника, и прочли салават[3] за его душу.

Через минуту-другую кузины подошли к сторожке, где на кресле раскачивался обнаженный до пояса сутуловатый мужчина лет пятидесяти. Одетый в выцветшую дырявую пижаму, в руках он держал иголку с ниткой, на коленях лежали разодранные штаны, а под ногами валялась тряпка, которая час назад называлась сорочкой. Бритва не касалась лица мужчины недели три, покрасневшие глаза рвались к ушам. Излишне говорить, запах перегара выбирался за дверь.

– Это что за вид, Шамиль? – всполошилась Нигяр. – А мы думали, ты еще не вернулся.

[1]Нишан – обручение.

[2]Аг-шаны – местный сорт белого винограда.

[3]Салават – благословение Пророка Мухаммеда, в награду за которое умершему записывается единица добра (*сааб*).

Отобедав с мужчинами за праздничным столом, Шамиль ушел в подсобное хозяйство по соседству, потому что его позвали сбить температуру корове.

Во время работы он вдруг почувствовал за спиной огненное дыхание. Обернулся – в полуметре от него племенной бык, закипающий от ревности. Не тратя драгоценных мгновений на раздумья о том, каким образом крупнорогатый рыцарь попал к больной избраннице, мужчина проворно вылез наружу, успев закрыть дверь на замок. Однако споткнулся и упал, заработав шишку на лбу, которую Нигяр и Сульхия не сразу заметили.

– Когда поднялся, – рассказывал Шамиль, – гляжу: рядом – гигантский волкодав. Если бы не мусорщики, то ваш нишан точно стал бы ясом[1].

Нигяр подошла поближе и вздрогнула, увидев царапины на его плечах и животе.

– Пустяки! Не переживай, – сказал он и взял рюмку с виски.

– Зато настоящий подарок преподношу я, – произнесла женщина, указывая на стоящую в дверном проеме кузину. – Суля хочет познакомиться с тобой для серьезных отношений.

Посмотрев на суетящуюся красавицу-гостью, мужчина подумал, что видит сон, и протер глаза.

– Ладненько. Сами договаривайтесь. Шамиль очень чуткий и понимающий человек. Кстати, он сын сестры Яшки. Удачи, ребята! – затараторила Нигяр, оставляя их наедине.

– Где похоронили твоего дядю? – сочувственно спросила Сульхия, когда кузина удалилась.

– В Баладжарах, рядом с дедушкой, – ответил Шамиль, продолжая чинить брюки.

«Очень удачную замену нашли садовнику», – молча заключила девушка.

Никогда не видевшая Яшара трезвым, она не стала ждать у моря погоды и как можно доступнее рассказала его племяннику о своей жилищной программе:

– Мне ни копейки от тебя не нужно. И даже сделаю хормет[2] в пределах разумного.

Он рассерчал:

– Приехали! Я уже не горазд на расходы загса и замену своего шахсията[3]?

«Невеста», потупив взгляд, решила, что провалилась, как на госэкзамене.

– А то и раскиснешь, сеньорита, – засмеялся «жених». – Можешь запросто взять мою фамилию. Султанова лучше Дадашевой, если ты Дадашева, как они.

Она кивнула в знак того, что он не ошибся с ее фамилией, а вслух выдала:

– Сульхия Султанова – звенит и блестит!

Шамиль оказался на десять лет моложе, чем выглядел; был отцом двоих детей, оставшихся с матерью после развода.

Обменявшись с женихом номерами мобильных телефонов, «монашка» вернулась к родным, быстренько попрощалась и укатила, вполне довольная поездкой.

Когда Сульхия пошла в загс подавать заявление, оказалось, что Шамиль только что ушел, сделав всё, что от него требовалось.

За недели ожидания они перекинулись всего тремя эсэмэсками с его грубыми, но обнадеживающими ответами.

[1] Яс – похороны, поминки.

[1] Хормет – благодарность, здесь: денежный презент.

[3]Шахсият (весигеси) – удостоверение личности.

Бракосочетание было назначено на вторую половину дня.

На этот раз невеста пришла на час раньше. Жениха с обещанными свидетелями ждали еще час. Его мобильник настойчиво оповещал о недосягаемости абонента. Раздосадованная Суля ожидала его в опустевшем к концу рабочего дня фойе.

Когда сотрудница загса собралась сообщить об аннулировании дела, в кабинет нетвердой поступью вошли двое мужчин. Один из них вручил ожившей Сульхие дешевый букет и сонным голосом пожелал долгих лет счастья. Другим вошедшим был сам Шамиль. Он сбрил бороду, оделся прилично и был чрезвычайно скуп на слова. Положив конвертик и шоколадную плитку на стол перед чиновницей, лишившей его холостячества, он сухо пожал руку новоиспеченной супруге и первым покинул кабинет. И для Сульхии не было причин задерживаться в кабинете. В коридоре она подошла к окну, чтобы посмотреть, куда пойдут мужчины. Зигзагообразной походкой те приблизились к ожидавшему их такси и скрылись в потоке машин.

Мечта о собственном уголке в высотке реализовывалась по намеченному плану. Ипотека будет в руках после получения нового удостоверения личности.

Наутро после свадьбы Шамиль написал, что уже сдал шахсият.

Сульхия помчалась на Новоразинскую дорогу, где осмотрела готовые и строящиеся многоэтажки. Свободных однокомнатных квартир почти не осталось, но желающих продать уже заселенные хватало.

Чувство неописуемой радости переполняло опустевшее много лет назад сердце молодой женщины. Ни отдаленность жилмассива от места работы, ни пессимистичный прогноз случайной прохожей цыганки, ни болтавшаяся под ногами черная кошка не убавили восторга – наоборот, Суля с удовольствием нырнула в магазин за сосисками для голодной четвероногой твари.

– Я позанимаюсь с вами до конца декабря. Переезжаю, – предупреждала Сульхия Керимовна любимых учеников.

И тут она решила ускорить воплощение в жизнь другой мечты – родить ребенка. До переселения максимум три месяца. Если зачать прямо сейчас, то махаллинские гагаши[1] с обветшалыми мозгами не успеют поиздеваться над ее выпирающим животом.

Она взялась перебирать в голове потенциальных папочек малыша.

Два двоюродных брата, один с маминой, другой с папиной стороны – отличная партия. Оба верующие, не курят, не пьют, женаты, произвели на свет здоровое потомство. Договориться о временном браке перед Богом с любым из них проще, чем о заключенном светском браке. Кого же предпочесть?

Она сразу спустилась на землю: в первую же ночь с родственником всплывет правда о Тарлане. Любовь к нему постепенно улетучилась, и вообще последние годы она любила только будущего ребенка, которого не хотела делить даже с его отцом. Своего отца, погибшего при взрыве на заводе, Суля не помнила. Мамины слёзы высохли, когда дочери еще не умели отличить добро от зла, воспоминания о нём были противоречивыми. Тем не менее, вдова Керима не вышла замуж во второй раз.

Замарать покойного мужа, сознательно не сделавшего ее матерью, Сульхия не хотела, потому что не желала нанести неизгладимые раны на сердца его родителей. Бабушка же скончалась вскоре после трагической гибели внука.

Идея стать матерью как можно раньше снова захватила Сульхию. Она прекратила поиски партнера в среде родных, коллег и виртуальных друзей. Послала гене-

[1] Махаллинские гагаши – крутые парни старого квартала.

тику к чертям – рогатым и безрогим. У всех выпивох, коих она знала, были здоровые дети. Дочь того же Яшара – известный мастер красоты.

– А что, если затащу муженька в постель прямо здесь? Суну под нос бандюганам свидетельство о браке! Я порядочная дама! Какой вам хрен, что живем врозь и он спился? – рассуждала она со смартфоном в руках.

– Как поживаешь, женушка моя ненаглядная, – раздался его голос, явно приправленный алкоголем. – Это банк заставил вспомнить о благоверном?

– Я же обещала не покушаться на твои доходы.

– Тогда тоска по мужу, а?

– Как же иначе, милый мой?

Шамиль искренне обрадовался, что так быстро и без его стараний оттаяло Сулино заледенелое сердце:

– Какая честь для пьянчуги снова стать отцом!

Как бы там ни было, он однозначно отказался лечь на диван покойного тестя. Выбор места для зарождения новой жизни непременно за ним! Ради заветной цели она переспала бы с ним даже в подвале аварийной хрущевки. Они договорились встретиться в шесть вечера в ближайшую субботу у Украинского круга. Перед тем, как дать отбой, будущая мама предупредительно спросила:

– У тебя хватит терпения не перебрать в эти дни?

В ответ услышала веселый хохот и слова:

– Коне-е-ечно, хва-атит. А у тебя, надеюсь, хватит ума не пихать меня в свою тачку.

Чтобы не ударить по самолюбию мужа, Сульхия приехала на метро. Вышла из подземного перехода, ища наблюдавшего за ней Шамиля, как мать ищет потерявшегося слабоумного сыночка. Наконец он по-хозяйски просунул руку ей под локоть и увлек к стоявшему у обочины арендованному седану. Она вроде узнала его и была поражена. Внешне это был человек, расписавшийся с ней перед законом. От оборванца-садовника не осталось и следа. Исчез даже горб со спины. Шамиль был абсолютно трезв. Большие ясные глаза горели храбростью, твердостью духа и состраданием.

– У алкоголиков бывает ремиссия? И сколько она длится? – улыбнулась Сульхия.

– Безусловно, бывает. Детали уточни у нарколога. Я ветеринар с кандидатской по орнитологии.

– Ш-ш-што?!

– По-моему, я внятно разговариваю. И ты понимала мою хмельную речь.

– Когда защитился?

– Тринадцать лет назад.

– О-о-о! За девять лет до меня.

– Я старше тебя на девять лет, – напомнил он. – Мозги не сдали, рука не жалась – уложился в срок.

Эти слова он произносил, когда тормозил на автостоянке. Потом они зашли в ресторан отеля. Шамиль заказал плотный ужин и попросил принести завтрак в десять утра в такой-то номер.

Все усилия морфея умерить пыл осчастливленной пары потерпели крах.

– За одну ночь ты компенсировал мне упущенное за все эти годы, – благодарно призналась Суля, когда они ждали лифт.

– Польщен и всегда рад услужить.

– Если сегодня не залетела, то прошу в следующий раз не раскошеливаться.

– Красивые женщины – моя слабость, – он прижал ее к себе. – Так было и будет всегда.

Но не это и не страсть к спиртному стали настоящей причиной его недавнего развода, о чём Сульхия узнала во время их ночной беседы. Жена постоянно говорила об эмиграции за океан, о перспективах, если не для них, то для детей. Туда, в Штаты, уехали ее родители, их одноклассники и друзья. Почему не похлопотать о грин-карте им самим? По мнению Шамиля, жена не имела права скулить. Жили в центре города, дети учились в лучшем лицее, у каждого из супругов имелись свой бизнес и автомобиль, он мог содержать любовницу, но не делал этого, несмотря на частые загулы. Он и сегодня очень тяжело переживал разлуку с сыном и дочерью.

Шамиль отвез Сульхию домой и, вопреки ее ожиданию, согласился выпить чаю. Когда он встал и надел пиджак, она со слезами бросилась ему на шею:

– Не покидай меня.

Он обнял ее, сказав, что должен вернуть казенную машину.

– Прошу тебя, брось гордыню, – всхлипывала она. – Моё авто гурбанды сене[1], и скоро у нас будет просторное жилье. Без тебя я бы…

Усмехнувшись, он перебил ее:

– Ты согласна жить со мной в каморке Яшара до покупки жилья?

– Хоть в погребе с мышами. Мы вместе начнем новую жизнь.

– Окей. У тебя часик-полтора. Собери вещи и жди меня.

И каково было изумление Шамиля, когда по возвращении он застал Сулю загружающей в машину матрас, подушки и одеяло. Она с ребяческим азартом показывала ему ящики, набитые кухонной утварью и заготовками на зиму. Он повелел запереть всё это добро в гараже, почти на руках отнес ее к джипу и усадил на переднее сиденье.

– Зачем арендовал новую машину? – недоумевала она.

– Какая аренда? Сломалась позавчера. Только что забрал. Это не ремиссия алкоголика, сокровище мое, – сказал мужчина, осыпая поцелуями руки и щеки жены

Он пил не больше всех нормальных людей. Просто сложилось так, что невеста видела его всего дважды и оба раза мертвецки пьяным. В первый раз, после застолья, новая порция алкоголя развеивала напряжение от случившегося на ферме; в день свадьбы же Шамиль просто не мог отказать друзьям, отмечавшим удачную деловую сделку. А когда она звонила насчет малыша, он подыгрывал ее возбуждённому воображению.

И в следующую ночь морфей ушел, не добившись успеха. Молодожены долго любовались мирно дремлющим морем, и не с балкона виллы Мубариза, а с балкона купленной в июне квартиры Шамиля. С противоположной стороны этой новостройки родной университет Сульхии был как на ладони.

Через три недели она избавилась от раздражающей мужа стареющей тачки гея и все деньги до последней копейки отдала бывшим свекру и свекрови. Обычный, без льгот, ипотечный кредит Султановы взяли на имя главы семьи, чтобы купить большой дачный участок для будущей птицефермы.

---

[1] Гурбанды сене – да будет твоей жертвой.

ИНЕССА ЛОВКОВА

Глазами пришлого

Питер и узнаваем, и нов,
Занимая погодой пришельца,
За покровом сменяя покров –
Солнце-хмарь – со сноровкой умельца.

Он, как будто лениво кадря
Всех, открытых безумию ветра,
Подкупает теплом октября,
Повзрослевшего бабьего лета.

Мы по Невскому трусим трусцой,
Выбрав целью Дворцовую площадь,
Ветер с Балтики хлещет в лицо
Неотрывно так и заполошно.

Но господствует музыка тут –
Молодёжь веселит, зажигает,
Вечер до помраченья раздут –
Вот откуда картинка живая.

От величия правильных форм,
Что навеяны гением зодчих,
Восхищённый замылился взор
И уже восторгаться не хочет.

В исполинской фигуре коня
Замерла покорённая сила,
Это как укрощенье огня –
Да, опасно! но очень красиво!

Не растрачена та красота,
Что веками, как сказка, слагалась,
Расстаюсь с ней, но не навсегда...
Ну а в чём же тогда горько каюсь?

****

Кто-то танцем вызывает дождь,
Ну, а тот никак не хочет литься –
Небеса скупятся на водицу,
Силясь подорвать земную мощь,
Им бы озабоченные лица
Научить без умысла молиться,
И тогда расправит высота
Крылья, выше и прозрачней став.

Зима – незима

Зима – не зима,
А недоразумение,
Но не хочу замены ей,
Хотя кутерьма
С крутыми заносами
Влечёт иногда;
Как есть города
С холодами пёсьими,
Так есть
И – с зимними вёснами,
Временами дождит,
Бьётся шквальная тьма
В пустоту, ворожит
Зима – незима.
Мир весь
Делит зримо межа
На северян и южан,
К зиме – незиме
Прикипели южане,
Шубу выгулять могут
Между прочим, внаброс,
Тут неважен размер,
Что, неважно, в кармане,
Не судите их строго –
Подморозит, авось...

Придётся поверить

Лунный свет рассекретил деревья,
Серебристый рассеянный свет
Не несёт человеку прозренья,
Но в траве может выхватить след.

А, подумать, природе не легШе –
Ей же многое ставят в строку,
Раскидав по срединам навершья,
Забурились деревья в тоску.

Их – природы разумный придаток –
Всколыхнул свежий ветер едва:
Мол, живите пока, боль утраты
Обернётся в спасенья слова.

Ночь глядит свысока, одиноко,
Ей и звёзды не в силах помочь...
Что ж, поверить в развязку истока
Мне придётся в бессонную ночь.

Раскисший пейзаж

Наглядно пейзаж раскис
С небом из сонма пробоин,
Сквозь дождь катилось такси
Без пассажира, пустое.

Свет полуокружный фар
Скучно скользил по асфальту,
Пока полуночный кар
Сверял дорожную карту.

Он вышел в ночной дозор –
Авось, случится попутчик,
Призывно урчал мотор,
Приблизив тот самый случай.

Вот поглотило авто
Из тьмы силуэт девичий,
Дождь, зарядив лет на сто,
Частил по садам столичным.

С пользой для пышных кустов
В теме природных явлений,
Сквозь дождь катило авто
В статусе скромном мишени.

Его куда-то несло
В раздумьях салонной песни,
Оно кого-то спасло
От тьмы и хлябей небесных.

****

И как же повезло,
Что можется смеяться,
Разлуке вопреки,
Себе наперекор,
И то – не ремесло,
Не выплеск профанации,
Что в заводи тоски
Не знала до сих пор.

Усвоила игру
С участником единым,
Где сам с собой – игрок,
Расклад совсем не прост,
А рано поутру
Размытую картину
Круженья лет сберёг,
Едва проснувшись, мозг.

Земля

Земля зелёно-голубая
Вокруг оси своей крутилась
Легко, ритмично, без труда,
Мелькали точки-города,
Извилистые ленты-реки,
И с ними впадина любая
Неслась, движенью не противясь,
На дне меридианной сетки.

Две трети мира – суть вода,
Порой на вид – одна тоска,
Но океаны профпригодны –
Сковать способны что угодно,
Течёт-не вытечет Гольфстрим,
Опасный спрятан Треугольник
В зелёной толще на века,
А рукотворные костры
На суше морем не залить,
не затушить...

Бесхвостый тигр, любя Европу,
Не вздумал похищать её,
Давно на севере прижился,
Она живёт по-европейски,
В сапог обута итальянский,
Не видит мир как катастрофу,
Не рвёт, не напрягает жилы,
Утратив первенство своё.

Есть разобщённость двух Америк –
Географически и кроме –
Есть и Панамский перешеек
В голубоводном окоёме,
Он – вроде слабенькой зацепки,
Что, может, в будущем когда
Соединятся половинки;
У будущего есть мечта,
Практично названная целью
Или химерой – по старинке.

Скольжу неравнодушным взглядом
По ледниковым Заполярьям,
Но лёд глаза не обжигает,
Земля зелёно-голубая –
Шарообразная поляна –
Крутилась тут, со мною рядом...
И мне как будто давалась власть
Земле позволить вращаться всласть.

***

Вокруг всё может замереть...
И только река
продолжит свободно
нести свои воды
через края, пределы,
рубежи и границы.
И только человек
способен преграды
чинить свободной реке.

До встречи

Скажу «до встречи» – не «прощайте»...
Лукавлю или же надеюсь
На то, что никуда не денусь,
Не растворюсь, не улетучусь?
Я буду жить не где-то в чате,
А в жизни, радуясь и мучась,
Как предназначено всем смертным,
До даты этой, до упора,
Не присылаются в конверте
Ни блиц-прогнозы, ни повторы.
Грешит душа смешком коротким,
Смирилась жить бесповоротно
И потому икру не мечет,
Нацелясь на живую встречу,
Которой вместе ждёт и тело,
Оно её кой-как одело,
Совсем, конечно, не в броню,
За что порой его браню,
Но знаю распорядок вышний,
На землю спущенный затем,
Чтоб мы ценили выбор тем,
Не называя правду лишней...
Что ж, встретимся, поговорим,
Но не о том о сём – о главном,
И этот разговор исправный
Мне явит истины свои...
Скажу «до встречи» – не «прощайте»
В надежде жить не где-то в чате,
А в жизни...

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

М И Н И А Т Ю Р Ы

БЕГИ, КОТИК, БЕГИ...

Кошки – опасные животные.

Они опасные уже тем, что к ним быстро привязываешься. Заходит к тебе в дом такая киська-мурыська и начинает тереться о твои ноги... а спустя пару минут уже сидит у тебя на коленях и требует мягкого ложа и, как минимума, паштета из гусиной печенки. И тут ты понимаешь, что половину твоей суетливой, бессмысленной, никому не нужной жизни занимает именно эта бессловесная тварь, которая разделяет с тобой серые будни и придает твоему существованию хоть какой-то смысл. А порой даже поднимает тебе настроение. Вот только проблемы твои не особенно заботят кошачью головку. И содержимое твоего кошелька им тоже до лампочки. И ты даже не в состоянии отшлепать это существо, не то что прогнать прочь. В глазах у киски такая непритворная любовь, такая невинность!

Ты просто-напросто становишься рабом собственной зверушки, не задумываясь при этом, правильно ли это вообще...

Но есть люди, которые думают совершенно иначе. Они свободны от подобного рода жалости и покорности и абсолютно безразличны к тем, кто скребется в двери и жалобно мяучит, взывая о помощи. Порой таких людишек оскорбляет само соседство с другим существом, которое ходит на четырех лапах и имеет хвост. Такие людишки считают себя главней всех на свете, а всех прочих – вредителями, чем-то вроде колорадских жуков или платяной моли...

Ну да Бог им судья.

...Когда мои родители были молоды и энергичны, я обожала путешествовать с ними в автомобиле «Жигули». Чаще всего мы навещали одних наших знакомых, супружескую чету пенсионеров, у которых имелся свой дом с садом и огородом. Оба они были ветеранами Великой Отечественной; муж был летчиком-истребителем, жена – радисткой. Вместе они прошли всю войну, имели боевые награды, но ни разу не были серьезно ранены. Всегда веселые и гостеприимные... Муж вел в школе уроки труда, жена – кружок макраме. Только вот боевые товарищи редко их навещали. А собственные дети навещали их и того реже.

Где и при каких обстоятельствах мои родители познакомились с этой супружеской парой – для меня до сих пор остается загадкой. Но навещали мы их, повторяю, часто. Поначалу мне даже нравилось бывать у них: собственный загородный дом с камином, садик с цветником... чистый воздух... как ни приедешь – всегда тебя ожидает стол, накрытый накрахмаленной скатертью, а на нем – булочки собственной выпечки, с заварным кремом, посыпанные маком... И камин так сладко и таинственно гудит...

А по телевизору поет Клавдия Шульженко...

И не дай Бог, если это будет Леонтьев Валерий!!! Он, по единодушному мнению хозяев, был гадом, каких еще не видывал белый свет. Хуже него был только какой-

нибудь зарубежный поп- или рок-певец, чудом оказавшийся в советском телевизионном эфире; такого они с наслаждением морально втаптывали в грязь, а то и заочно расстреливали из маузера… А ты вынуждена при этом сидеть, хлопая глазами и неестественно улыбаясь, и не знаешь, кого слушать – то ли концерт, то ли хозяев. Вроде неловко и некультурно перебивать стариков и спорить, даже если в твоем присутствии твоего любимого певца поливают дерьмом, громко издеваясь над его внешним видом, манерой поведения и манерой исполнения… Порой прямо-таки режут без ножа, попадая по сердцу и тебе.

Кроме того, во всей этой уютной стерильности чего-то не хватало. При гудящем камине, чистеньких половичках и накрахмаленной скатерке. Не хватало чего-то… вернее, кого-то. Киски, вальяжно раскинувшейся на подушке. Или щеночка, треплющего помпоны на твоих тапочках…Но не все же любят домашних животных.

Однообразные споры о всеобщем падении нравов вообще и на телевидении в частности быстро надоедают. Меня вообще воротит от ханжества. Остается лишь накинуть куртку и выйти в сад.

И вот ты бродишь по саду одна-одинешенька, поглаживая побеленные известью стволы фруктовых деревьев. Где-то лает собака. Кукарекает петух. Но это все – в чужих дворах. В этом же дворе – тихо. Он пуст. Похоже, на него даже пичужка опасается сесть лишний раз, как на неприятельский аэродром.

И тут, как назло соседский кот – осторожно крадется по крыше беседки, увитой виноградом. Видать, в другой двор переправляется, транзитом.

Мне захотелось затопать ногами и засвистеть Соловьем-разбойником: мол, уноси ноги, дурень, увидят хозяева – мало не покажется!..

Увы, кот глух к предостережениям. Ему, бедолаге, невдомек, что его могут принять за вражеского диверсанта. Хозяин уже узрел вражину в окно. У него наготове ружье, заряженное дробью… Беги, котик, беги!!!

…Как-то раз по приезде мы обнаружили, к изумлению своему, во дворе тощую, посаженную на короткую цепь собачонку.

– Это ваш?! – хором спросили мы.

– Наш, – неохотно буркнул хозяин. – Пусть сад охраняет. Только вот беда – эта падла гавкать ни в какую не желает. Даром только хлеб жрет.

Мы вначале восприняли слово «хлеб» в переносном смысле, но, заглянув в ржавую собачью миску, увидели там заплесневелые корки. Не мудрено, что при подобной кормежке у кабысдоха не было сил даже пискнуть, не то что гавкнуть. Он даже имя себе не заслужил.

Может, следовало вступиться за несчастную животину. Но уж больно нравился нам домик с камином, сад и булочки с заварным кремом…

…И все же порой наши домашние питомцы как бы невзначай мстили зловредной супружеской чете, когда она являлась к нам с ответным визитом.

Петр Михайлович (да, я забыла сказать, – бывшего летчика-истребителя звали Петр Михайлович), войдя в комнату, непременно выбирал любимый стул нашего беспородного кота Тишки. Тишка был чрезвычайно чистоплотен, к тому же мы регулярно купали его в ванне. Но вот беда – линял, зараза, невыносимо, никакие расчески не помогали, а всякие там электрочесалки с витаминами для котов тогда еще в моду не вошли. Чуя недобрый дух гостей, Тишка уносил лапы в другую комнату. А Петр Михалыч всякий раз не глядя плюхался на освободившееся место. После чего зад гостя, обтянутый темными штанами, приходилось чистить всем нам при помощи щеток. Во

время этой процедуры Петр Михайлович крыл отборным матом не только нашего Тишку, но и всех котов и кошек вообще («*И зачем только этих тварей держат в доме? От них одна только пакость!*»).

И вот однажды случилось та-акое!

Кроме кота Тишки дома у нас жила рыжая толстозадая хомячиха Соня, до невероятности ласковая. Вечно просилась ко всем на руки. А уж пожрать любила – больше, чем поспать. И вот как-то на Восьмое марта за наш стол собралось на званый пир множество гостей. Родители любили, когда было много гостей; ради них родители отдувались по полной – чистили и блистили, жарили и парили, варили и солили… замешивали тесто для пирогов! Все для того, чтобы не ударить в грязь лицом перед приглашенными. И, надо сказать, гости высоко ценили наш дом и наш стол. Исключение составляли лишь Петр Михайлович с супругой: на столе всегда оказывалось как минимум три блюда, вызывающих у этой четы неприятие, и все им было либо излишне калорийно, либо пересолено, либо, наоборот, недосолено…

В тот вечер, помню, по телевизору шел какой-то румынский детектив (голливудских боевиков тогда еще не показывали, да и слава Богу). Гости с аппетитом уминали все, что есть на столе, и поглядывали на экран, на котором один из героев, собираясь на свидание, стоял перед зеркалом и путался в собственном галстуке. И тут Петр Михайлович презрительно кхекнул и во всеуслышание назвал героя «лопухом». И последующие десять минут гости вынуждены были выслушивать лекцию по завязыванию галстуков, которую им прочитал Петр Михайлович. Гости проявили крайнюю деликатность и недюжинное терпение. Терпения не хватило лишь хомячихе Соне, а деликатностью она вообще не страдала отродясь.

Соню кто-то выпустил из клетки, и она пустилась гулять по дому, счастливая и беспечная, никем не презираемая и не ненавидимая, не познавшая людской злобы и коварства. Хомячиха заглянула под стол, нашла ворсистую штанину Петра Михайловича (Его Величество Случай!) и неуклюже, с учетом веса своей задницы, начала взбираться по штанине вверх, цепляясь за шерсть коготками. Почувствовав, что по его ноге под столом кто-то ползет, Петр Михайлович сильно побледнел и выронил вилку. А когда Соня по скатерти вскарабкалась на стол и уселась перед Петром Михайловичем, тот аж позеленел. Если б только Соня не была нашей ручной хомячихой, зловредный пенсионер как пить дать швырнул бы ее об стену со всего размаха. Но тут он сдержался.

Тем временем Соня присела возле блюда с наполовину съеденным пловом и принялась нежными розовыми лапками ловко выковыривать из риса сухофрукты и запихивать их за обе щеки. Набив защечные мешки, она пошла дальше, забавно переваливаясь на ходу, – проверять тарелки гостей. Гости кто прыснул, кто засмеялся, кто вовсе захохотал; послышались веселые комментарии. Но Петр Михайлович и его супруга изменились в лице. Побросали вилки, брезгливо выплюнули еду в бумажные (дефицитные в ту пору) салфетки, вскочили и, толкаясь плечами, кинулись в прихожую – обуваться.

– А вы что, уже уходите? – выскочили за ними следом мои родители. На кухне уже гудел огромный медный самовар, была вскрыта пачка изумительного индийского чая. – А мы думали, что вы с ночевкой!

– Мы бы вам котика под бочок положили, – без всякой задней мысли брякнула я. – Он у нас любит греть гостей…

…Помаши, Соня, лапкой вслед дяде с тетей!

БЫТЬ МОЖЕТ, ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

…Я говорю с ними давно, но говорим мы на разных языках. Язык жестов тут даже не в счет. Но в основном я помалкиваю. Ведь молчание – золото, как-никак.

Чуть посветлела занавеска на окне. Значит, грядет рассвет. В это время всем особенно хочется спать. Поэтому надо действовать крайне осторожно, чтобы не получить тапком. Я медленно-медленно спускаюсь с ложа, прокрадываюсь в прихожую. Останавливаюсь перед наружной дверью, которая, как и ожидалось, крепко-накрепко заперта.

Неужели я не увижу первых лучиков солнца, пролившихся на узкую асфальтовую дорожку?! Не увижу роскошного пестрого петуха, и то, как он взмахнет крыльями и начнет голосить, грациозно изогнув шею?! Не увижу жирного полосатого шмеля, басовито жужжащего над влажными от росы головками хризантем и флоксов в саду?! В утреннем свете они особенные, тяжелые, маслянистые, и пахнут так вкусно, что хочется коснуться их кончиком носа, а потом потереться о них всем телом…

Но дверь безнадежно заперта. А ключ, большой, тяжелый, облитый белой краской, лежит на узком подоконнике, в углах которого виднеются треугольнички серой пыльной паутины. Нужно лишь вставить бородку ключа в замочную скважину и повернуть… но дверь от этого все равно не откроется. Тут дело еще в железной щеколде.

… – *Прогуляться решила? Ну-ну*.

Он возникает неожиданно за моей спиной, зевая, потягиваясь и почесываясь. Как и я, он бос; его огромные ступни смешно и неуклюже шлепают по доскам пола, задевают за ведра с водой и походя наступают мне на хвост («*О, черт!!!*» – восклицает он). Похоже, что и он не хочет никого будить. И хорошо, что он не произносит той глупейшей фразы. Которая всегда меня раздражает: «*Ты тварь домашняя, и не пристало тебе шляться по чужим дворам*».

Дверь, наконец, распахивается, выпуская меня на свободу.

Я бреду по тропе, которая ведет со двора прямо в поле.

Со шмелем я уже поздоровалась. Он сонно гукнул мне в ушную раковину и исчез. Наверняка тоже ощущает опасность. Продолговатые лепестки белой хризантемы защекотали мне ноздри. Я дотронулась до нее лапой и нечаянно сломала цветок. И испытала горечь от того, что сломала чужую жизнь из-за моей любви ко всему живому. Но хотя бы из-за любви – какое-то утешение…

Мне осталось перемахнуть через проволочную изгородь, что я и делаю.

…Иду дальше, ощущая подушечками своих шерстяных лап колкие соломинки. Осторожно ступаю по еще не нагретой как следует солнцем каменистой почве. Тут мне попадаются лужицы с водой, которая выплеснулась из ведер не очень аккуратных старушек. Ее можно пить без опаски, она пока что чистая.

…Я умею думать. Не знаю, откуда у меня эта способность. Да и знать это мне необязательно. Просто думать мне так же необходимо, как есть, спать, умываться.

И я думаю о завтрашнем дне. Хотя это не тот день, который наступит после сегодняшнего; завтрашний день – это такой, который может вообще не наступить, если о нем не думать и не бояться. Он может надолго затеряться в веках. Будто утонуть в море. Хотя моря я никогда не видела. И, возможно, никогда не увижу.

Оно, наверное, похоже на огромную миску с коровьим молоком, которое уже вовсе не такое вкусное, как то, которое пили мои предки. Откуда я это знаю? Вкус **того** молока хранится в моей генетической памяти. Но что поделать? Люди пьют нынешнее молоко и не понимают, что все вокруг меняется. Движется по кругу. И, вполне возможно, через тысячи веков все вернется на свое место.

Но пока это случится – сменится множество поколений разных живых существ. Больших и маленьких, долговечных и быстроживущих. Однако люди – большинство из них, во всяком случае – этого не понимают, и потому паникуют, впадая в уныние или насыщая пространство вокруг себя злобой и агрессией. А коровы от этого дают горькое молоко...

Человек перестал думать о судьбах тех, кто живет рядом с ним. Человек разучился сопереживать чужим бедам и ранам. В ответ природа отняла у человека способность тонко обонять, осязать, чувствовать опасность. А также бережно относиться не только к чужой жизни, но и к своей собственной. Есть люди, боящиеся покидать свои дома. Они не умеют носить их повсюду с собой, как это делают, например, улитки. Люди заключают себя в домах и запираются на крепкие засовы. Смешно… Вряд ли **это** их спасет.

…В беседке я замечаю старика, соседа. Он, как и я, любит раннее утро. Но совершенно не умеет им наслаждаться. Старик просто не замечает утра, а сидит, уткнувшись в несвежий журнал и время от времени что-то черкает в нем карандашом.

Появляется его жена.

– *Быстрый темп…* – бормочет старик.

– *Пиши «аллегро»*, – размягченно отзывается жена. – *Через два «л»*.

Женщина входит в беседку и садится рядом со стариком. Начинает протирать тряпкой и без того чистый и совершенно пустой садовый стол.

Ах, если б они только знали, что может произойти с ними через считанные часы!

Но когда же на этом огромном бестолковом столе появится хоть что-то – хотя бы то же самое молоко? Я ведь не рассчитываю на что-то большее – на отварную куриную ножку или на хороший кусок говядины…

Она тупа и ленива, эта женщина, его жена. Да и старикан хорош.

…– *Смотри, смотри, соседская кошка который уже круг делает вокруг нашей беседки, как заведенная. Этак у нее головка закружится, и она плюхнется на землю…*

Старик отрывается от журнала, бросает на меня взгляд.

– *Это перс*, – глубокомысленно говорит он. – *Они все замысловатые*.

…Я умею различать цвета. Я вижу небо – оно ярко-голубое, с плывущими по нему облаками. Оно пока что мирное, безобидное. Но придет час, и небо подернется сероватой пленкой, словно паутиной; из самой середины неба брызнут во все стороны гигантские перламутрового цвета стрелы, потом в небе разверзнется огромная черная дыра, словно ненасытная глотка… И подует сильный, ужасный ветер…

…– *Это не перс, деда, а самый натуральный вислоухий скотиш…*

На пороге дома появляется юная леди в шортах и майке.

Ох, до чего же эти люди любят бестолковую болтовню…

Моя задача – выманить их всех из-под крыши, собрать в одну кучу, и тогда… Я не знаю, что будет тогда. И не хочу думать, будто я кем-то или чем-то управляема. Я хочу лишь одного: миски молока. Быть может, это приведет в порядок мой организм, и я так и не выполню возложенной на меня миссии камикадзе. Я хочу быть обыкновенной кошкой – беспородной, бесхозной, да-да, я не хочу иметь хозяина, в которого я влюблена словно… словно кошка.

– …*Что эта тварь так мяучит? Молока, наверное, хочет. Пойду принесу блюдечко*, – жена старика мимоходом смотрит на наручные часы и поднимается.

…Как странно ведут себя эти люди. Имея часы, они совершенно не умеют чувствовать Время, а лишь глядят на стрелки… Иди, женщина, иди. И смотри, не опоздай. В твоем распоряжении – не так уж много времени. И в вашем, остальные люди, тоже. Ведь ничего из того, что вы сейчас видите, не останется.

– …*Кис-кис-кис*… – рука внучки касается моей шерсти. – *Какая киса… Какой на этой твари ошейник необычный!*

– *И что в нем необычного?*

– *На нем странная гравировка… Щас… «КоАп = 1 – стрелка – ноль»*…

– *И что это значит? Чушь какая-то*…

– *Кодовое наименование секретной военной базы, ха-ха*…

– *А может, так зовут эту кошку? Ну, «коап»… Чушь, правда что*…

– *Код сейфа, в котором лежат миллионы, ха-ха*…

– *Нет, шифр места, где зарыт клад*...

– *Смотри, у нее на боку какая-то кнопка!*

– *Кнопка? Какая еще кнопка?*

– *Может, бородавка? Или опухоль? Не трогай!*

– *Да нет же, какая еще опухоль – кнопка! Самая настоящая. Щас нажму, посмотрим, что получится*…

– *Смотри не сделай ей больно*…

– *Не трогай*…

Внучка, не трогай! Не тро…

...Брызнули перламутровые стрелы.

* * *

…Какой ужасный сон!!! Аж вся шерсть дыбом, и сердцебиение…

Фффу, как хорошо, что это был всего лишь сон…

Как хорошо, что я все еще лежу на своей роскошной подушке. И рассвет только-только пробрался своими яркими золотыми лучиками в дом…

Не надо было мне смотреть на ночь всякую человеческую мерзость по «ящику». Хорошо все-таки, что я всего лишь обыкновенная мурка с хвостом и шерстью, намазанной противоблошиной мазью, а не Кошка Апокалипсиса…

Я иду к вам, хризантемы в саду. Я иду к тебе, шмель. Я иду к тебе, миска с молоком.

Доброе утро, люди, которые еще не окончательно сошли с ума.

«ДЕТИ»

…Ее все время донимали: «У вас есть дети? А где же ваши дети? Вот бы посмотреть!»

Сейчас я вам покажу! – решила она пошутить, наконец.

…Как то раз, проходя мимо двоих уличных фотографов, сграбастала у них обоих по обезьянке. Обезьянки были легкими, почти невесомыми, словно тряпичные куклы. Одна одета была в тельняшку, другая – в розовый сарафан, хотя на поверку обе оказались самцами. Прямо на ее руках обезьянки подрались, решая, видимо, кто из них главнее. Ее прическа приказала долго жить, яркий браслет слетел с руки и валялся где-то на асфальте. Фотографы прыгали рядом, добиваясь, чтобы обе звериные мордочки непременно смотрели в объектив.

– Да снимайте уже как есть! – заорала она, потеряв терпение. В то же самое время она ощущала себя чуть ли не фотомоделью: надо же, какое к ней внимание! (вокруг собралась толпа зевак).

Дома она вставила снимок в рамку и всем донимающим охотно объясняла:

– Вот это Элизабет, она у меня от инопланетянина. А это – Майкл, его отец сейчас где-то в Гаривасе…

Оправившись от шока, одни донимающие вежливо смеялись, другие возмущались, третьи молча крутили пальцем у виска.

…А она с тех пор уже не могла равнодушно пройти мимо обезьянок. Каждый раз пыталась всучить им то банан, то морковку, то еще что-нибудь вкусненькое. Недовольные фотографы буквально выдирали из звериных пальчиков непрошеное угощение.

– Что за женщина! – возмущались фотографы. – Ведь нельзя же, поймите, нельзя!

Она не унималась, все просила: «Дайте понянчить!». Ну, просто так понянчить мартышек ей не давали, приходилось всякий раз фотографироваться. И пришло время, когда фотографии перестали помещаться на ее полках и на стенах, «детей», рожденных от инопланетян, гаривасцев, «снежных людей», леших, сатиров, хоббитов стало немеряное число…

– Ух ты! – воскликнул парень.

– М-да, вот такое странное хобби у моей подруги. Она выручает целую армию мартышек и их хозяев, уличных фотографов, которым, видимо, нечем больше заняться, кроме как зарабатывать на несчастных животных…

– А по-моему, наоборот, – возразил парень. – Разве этим мартышкам лучше было бы сидеть полуголодными за решеткой в зоопарке? Тут они, по крайней мере, чистенькие, стильно одетые, каждая имеет своего личного хозяина…

– Ты философ, мой дружок, – засмеялась гостья. – На эту тему можно спорить до бесконечности.

– Хватит вам меня обсуждать, – оборвала она гостей, расставляя по столу чашки и блюдца. – Лучше чайком побалуемся.

И все равно гости продолжали спорить, разглядывая ее многочисленные фотографии с обезьянками.

А она тем временем тайно прошмыгнула в другую комнату, неся тарелку рисовой каши с кусочками банана…

ПЕС

До того, как его вынули из коробки, он прижимался всем телом к своему брату; а может, это была и сестра, он так и не узнал. Но понял спустя некоторое время, когда его вынули из-за теплой пазухи и поставили на пол, что остался один. Он расставил неуклюжие лапы и надундолил большую лужу. После чего проковылял под стол и оттуда стал наблюдать, как эту лужу тщательно промокают тряпками. Вот тогда он осознал, что больше не к кому прижаться, и громко залаял. Да-да, не заскулил, а именно залаял.

– Ого, да такой, когда вырастет, непременно кого-нибудь из нас растерзает, – полушутя-полусерьезно сказала молоденькая женщина, выжимая тряпку.

– Не говори глупости, – сердито отозвался ее муж. – Это всего лишь лабрадор, правда, помесь с дворняжкой. Мне его буквально за полцены уступили.

…Когда твоя шерсть густая и белоснежная, то незачем опасаться за свое будущее. Ты можешь сколько угодно носиться по всем трем комнатам и с разбега вспрыгивать на мягкую кровать, зарываясь носом в подушки. Тебя любят. Правда, каждый по-своему. Хозяин, к примеру, так и норовит время от времени хлестнуть тебя ремешком по заднице. Не больно, а так – символически, с целью воспитания. Хозяйка наоборот – защищает и кормит, часто дружески треплет по загривку, за ушами чешет. Хозяин купает в ванне, вычесывает блох. Что еще надо для счастья? А утром хозяйка пристегивает поводок, и они идут на прогулку. Хозяйка еще и толкает перед собой коляску. Она – молодая мама. Порой она сидит на парковой скамейке и читает книгу. А он, молодой пес, носится вокруг как угорелый. Но при этом не забывает поглядывать в сторону малыша, внимательно следит, чтобы никто не подходил к коляске ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Ведь хозяйка такая молодая, ей впору в куклы играть. И он всегда следит за двоих. Голоса и запахи людей он научился распознавать быстро. Одни так и манили к себе, хотелось подойти и положить этому человеку голову на колени, сунуть в его руку свою огромную лапу. Другие – отпугивали, распространяя вокруг себя флюиды раздражительности, недружелюбия, немотивированного страха. А он терпеть не мог, когда его боялись, и очень удивлялся этому. Когда такой, боящийся человек подходил к нему на улице, пес тихонько рычал. А когда такой человек появлялся в доме, хотелось убежать в другую комнату. Или, в крайнем случае, если другие комнаты были закрыты, залечь под стол, под которым пес уже едва помещался. Иногда его выдавал пушистый хвост бубликом.

– Ффу… Зачем ты позволяешь моему внуку прикасаться к собаке?! У нее могут быть паразиты. Ребенок может наглотаться собачьих волос.

– Но мама! Пес чистый, домашний.

– Чистых собак не бывает. И вообще, такая собака должна жить на даче.

(*Этот голос он возненавидел с первых дней своей жизни; голос принадлежал пожилой грузной даме. Грузной настолько, что она едва умещалась на стуле и даже к столу не могла придвинуться вплотную*).

– Ты же знаешь, у нас нет дачи.

– И не будет, до тех пор, пока твой муж не возьмется за ум.

– Вы так про своего сына?

– А про кого еще? Разве у тебя имеется кто-то другой? Ты запомни главное, моя дорогая: все в доме зависит от женщины. Вот ты не могла забеременеть целых три года…

– Два с половиной.

– Не перебивай меня, я старше. И все из-за этой проклятой собаки…

– Обычно забеременеть не могут из-за кошек.

– Так ты бы еще и кота завела, если б мой сын позволил. А я внуков хочу. Много внуков. Ты на себя посмотри – худая, как жердь. Синяки под глазами. А если ребенок тоже начнет болеть, что тогда?..

…– Смотри-ка, снова бедолага тут торчит. Уже и лапа перебита. А вчера еще казался чистеньким да беленьким. Видно, из дома выгнали. Или сам потерялся.

– Гони его отсюда! Умные собаки хозяев не теряют.

– Я ж думала, может, кто спохватится…

Две тетки в желтых рабочих комбинезонах сгребали в кучу сухие листья. Косились на хромого пса с грязно-белой шерстью. Одна тетка замахнулась метлой:

– А ну вон пошел!

– Да не гони ты его понапрасну, – заступилась другая. – Сам уйдет, когда поймет, что еды для него тут нет.

Пес никак не мог понять, вернее, уловить настроения этих теток. С одной стороны, они его жалели. А с другой стороны – гнали прочь. Он им мешал. Из-за этого непонимания он не уходил далеко, только отбегал на некоторое расстояние и вновь возвращался. Приглядывался к теткам. Ведь неплохие женщины, думал он, наверняка у них есть внучата... Он встряхнулся, вспомнив, как детские ручонки хватали и тянули его за белоснежную шерсть, наезжали игрушечными машинками на хвост, тормошили его, спящего, требуя поиграть… Похолодало. Скверы понемногу пустели. Скамейки сделались сырыми. И только на остановках еще толпились люди, и все куда-то спешили, не обращая внимания на бесхозного пса. Потом не стало и спешащих. И остались только те самые тетки с метлами, которые все гадали, кто мог потерять или выгнать такого еще недавно роскошного кобеля.

Подъехала маршрутка. Из нее стремительно выскочила женщина и со слезами на глазах бросилась к псу, обхватила его шею. Глотая слезы, заговорила сбивчиво: «*Все кончено, слышишь?.. Ты уж прости нас… Так бывает… Она наказана… Получила сполна…*» Метельщицы замерли, прислушиваясь. Одна не выдержала, полюбопытствовала:

– Кто она-то, милая? Про кого ты так?

– Я про свекровь свою. В больнице она. Инфаркт, – ответила женщина, не оборачиваясь.

Тетки пожелали незнакомой свекрови выздоровления.

– Ну вот, я же говорила тебе. Рука у меня легкая, – сказала одна тетка другой. – А ты все «брошенный», «брошенный». Вот как бы она своего пса нашла, если бы мы его прогнали?

Пес встал на задние лапы и попытался лизнуть хозяйку в лицо. Но та отстранилась. Немного еще постояла, словно в нерешительности. Прижала ладонь к округлому животику, выпирающему из-под распахнутого пальто. Потом вдруг резко повернулась и нырнула в салон подъехавшей маршрутки.

Метельщицы остолбенели.

– Не рука у тебя легкая, Сакина, – сказала, наконец, напарница. – Метла у меня тяжелая.

Обе тетки невесело засмеялись и поволокли огромные черные мешки, набитые павшей листвой.

Пес тоскливо огляделся, понюхал воздух. Потом захромал в сторону ближайшей шашлычной, откуда тянуло легким дымком.

Больше его на остановке никогда не видели.

ФИЛИМОН

Его руки медленно скользят по **моей** шерсти. Надавливают на лимфатические узлы. Мнут живот.

– А чем, собственно, вы недовольны? – звучит женоподобный голос. – Никаких отклонений я пока не замечаю.

– Понимаете, все дело в хвосте. Он хвост держит как-то странно, крючком. Даже не крючком, а бубликом, поджав под себя.

Ее голос дрожит. Она явно волнуется. Неужели этот голубок нравится ей больше, чем собственный муж?

– Фантомные боли.

– Котик давно уже кастрирован, а хвост держит так, будто лишь вчера лишился своего хозяйства…

– Я отлучусь, с вашего позволения, – говорит он, убрав, наконец, с меня свои пальцы, пахнущие одеколоном.

– Да-да, конечно, – поспешно говорит она, выходит вместе с ним и принимается ходить по коридору туда-сюда.

Пока этот тип пребывает в туалете, она явно готовит речь – что-то типа того: «*может, встретимся на нейтральной территории, выпьем по чашке кофе с ликером, помурлыкаем о делах наших…*» Мне снова жаль ее. Ей всегда недостает уверенности в себе. Минуты через три я слышу шум спускаемой воды. Она так и не успела подготовить речь. Вот если бы он не вылезал из туалета час…

– До свидания, – говорит она с плохо скрытым разочарованием.

Неужели она не замечает, что этот тип не любит кошек? Он и работу свою терпеть не может. Не хватало еще, чтобы он поселился в нашем доме и по утрам швырял в меня тапками.

Она вообще очень странная. Должно быть, ей жутко одиноко в этом мире. Я ее понимаю.

Она ищет общения на стороне, всякий раз выбирая не те стороны…

На днях, например, в нашем доме побывал компьютерщик.

Она раскрыла перед ним свой ноутбук и давай жаловаться на его неисправности и заодно на свою жизнь. Он слушал и слушал ее, бедный парень, не понимая вначале, чего от него хотят. Наконец его осенило, и он принялся целовать ее. Оба они повалились на диван, едва не отдавив мне хвост. И в тот момент, когда ширинка его готова была вот-вот взорваться, она вдруг вскакивает с дивана, оправляя подол, и вспоминает о наличии у нее мужа.

– Психопатка, – бросает компьютерщик, унося свои ноги в грязных кроссовках.

Тут я с ним полностью согласен. Действительно, психопатка.

Но дело даже не в этом. Никто не знает, отчего мой хвост почти всегда изогнут странной петлей. Это мой секрет. Дело в том, что на моем хвосте сидит единственная, не вытравленная никакими средствами блоха и печатает свои опусы на микроскопической пишущей машинке.

Шутка, считаете? Я люблю пошутить. Как и мои чокнутые хозяева.

…Сейчас она с особенной тоской ляжет на кровать поверх покрывала и начнет всю себя ощупывать, и находить на своем теле всякие пупырышки, прыщики и родинки. И в каждой родинке ей будет мерещиться опухоль. И она станет воображать, как не пойдет к врачу. Не пойдет день, не пойдет три, не пойдет месяц… и год не пойдет. Пока опухоль не примется за нее саму.

…Вот дура! Она думает, что умрет сразу. Незаметно для всех, и для себя незаметно. Да и с чего ей умирать, спрашивается? На небесах давно уже все расписано – кому когда и кого куда. И вряд ли на том свете выдаются пряники и применяются кнуты. Ничего, кроме могильных червей. Я это уже наблюдал, еще до того, как стал домашним и лишился своих бубенчиков. И «спасибо» не скажут.

…Ей все кажется, что раз уж она нацепила на нос очки ввиду ослабления зрения и забыла, когда у нее последний раз были месячные – то уже пора прощаться с жизнью. Да и что она собирается доказать своей смертью? И кому – себе? Ему? Всем нам?.. Чушь собачья. Или даже кошачья. Я должен немедленно вмешаться. Иначе ее депрессия скажется и на мне – весь день буду получать шлепки и подзатыльники.

И я запускаю ей когти в лодыжку и легонько покусываю большой палец ее ноги.

Она хохочет и отдергивает ногу. То-то же. Иглоукалывание и небольшая порция адреналина еще никому не мешали.

Она меня гладит. Ей нравятся моя шелковистая шерстка и мой теплый, мягкий живот. Она стискивает пальцами подушечки моих лап. Мысли в ее голове мало-помалу приходят в порядок, очищаются от всяких глупостей.

Она идет пить на кухню свой кофе. А я тем временем внимательно читаю текст на мониторе ее ноутбука. Фу, какая пошлятина! Фу, какая глупость! Ее героиня живет с леопардом. Интересно, кто может появиться на свет в результате такого союза? Этакий ЛЕОПАЛЮДЕНЫШ… И пойдут гулять по свету эти – ЛЕОПАЛЮДЕНЫШИ… Бр-р-р-р! Аж шерсть дыбом встала от ее беспочвенных фантазий на почве сексуальной неудовлетворенности.

…– А ну-ка немедленно слазь оттуда! Я кому сказала?

Это она мне, появившись в дверях с кофейной чашкой в руке. Я спрыгиваю с компьютерного кресла. Она управилась так быстро, потому что обходится одним лишь кофе. Хоть бы яичницу себе пожарила, что ли. Какая нелепость – морить себя голодом в глупой надежде, что в один день все чудесным образом переменится и ее тонкую талию обовьет рука арабского нефтяного шейха…

ХА-ХА… МЯУ-МЯУ… МУР-МУР…

Вся беда в том, что она никого не любит, а только влюбляется…

Отправляюсь на веранду и принимаюсь следить за голубями, копошащимися в непозволительной близости.

Она действительно больна… но болезнь ее – в голове, тело же совершенно здоровое. Это я вам как кот, разбирающийся в человеческой психологии, заявляю.

Вскакиваю на перила веранды. Голуби шарахаются, хлопая крыльями.

– Паразит! Дрянь такая! Сейчас же слезай с перил! Если ты еще раз свернешь шею голубю, придушу тебя собственными руками!

С достоинством спрыгиваю. Как же, придушит она. Она от вида любой дохлой мухи визжит, при виде нескольких капель крови на паркете ее наизнанку выворачивает. Как вообще можно жить с таким организмом?! И вряд ли ей действительно жалко этих сизокрылых обормотов в перьях. Ишь, расплодились… Проходу от вас нет. А гадят-то, гадят!..

Но вот что интересно: в своих бездарных опусах она вовсе не стремится избегать кровавых сцен. Наоборот, она ими в какой-то мере даже наслаждается. Возможно, в ее воображении это все как-то иначе выглядит. Гораздо красивей, что ли. Если ей надо кого-то замочить в своем романе, она старается в поте лица. По три чашки кофе зараз в себя опрокидывает. Не исключено, что при этом рисует в уме образ своего возлюбленного!.. Ей просто необходимо время от времени с кем-то расправляться.

Дай кусочек сардельки… Ну дай кусочек сардельки…

– Прекрати орать! – гаркает она. Лезет в холодильник, достает банку с обветрившимся паштетом из гусиной печенки и кидает в мою чашку неаппетитный шматок.

Я продолжаю смотреть ей в глаза.

Она нервно накладывает паштет из банки на ломтик хлеба и откусывает. Жует.

– На, смотри, чистоплюй несчастный. Как видишь, ничего со мной не случилось. Нормальный паштет. Небось терзать живьем голубей не брезгуешь…

Глянув на часы, она бросается к ноутбуку. Поздно. На пороге – он, ее благоверный и по совместительству беспощадный литературный критик. Пришкандыбал весь взмокший, будто только что в лифте имел бурный секс сразу с четырьмя своими студентками. Выкладывает на стол пакеты, среди которых и «Рояль с кониной».

– Принес? – осведомляется она, разглядывая покупки.

– Принес, – отзывается он и машинально перечисляет: – Булку с сосиской, булку с кишмишом, горчицу, кошачий корм…

– «Экспрессию» принес? – перебивает она.

– Принес. Только тебя там на этот раз нет, моя дорогая.

– Что значит «тебя там на этот раз нет, моя дорогая»? – ее раздражает, как он произнес «моя дорогая»; ей слышится грубоватая ирония вместо нежных слов.

– А то и значит.

– Зачем же ты тогда потратился на этот мерзкий журнал?

– Потому что в этом, как ты выразилась, мерзком журнале есть я. Поняла? Там – есть – я! – он торжественно поднимает к потолку указательный палец.

– Да плевать я хотела на твоих первобытных обезьян и летающие посудины!

– А может, ты и на меня плевать хотела? – спокойно говорит он, легонько похлопав ее при этом по бедру.

– Убери лапы. Я без трусов.

– Да-а?! А почему ты, детка, без трусов?

– Потому что жарко.

– У-у… А я-то думал…

– Мне наплевать, что ты там себе думал!

Он нагибается и гладит меня по спине:

– Котик, милый, я тебе жрать насыплю. Пусть хоть у кого-то будет радостное настроение под конец дня…

– Сначала руки вымой, идиот. У вас с котом одно на уме. И кто тебе испортил настроение? Я испортила тебе настроение?

У-у-у-у-у!!! Мы с ним оба улепетываем. Тут уж не до деликатесов. Шкуру бы спасти. Неудачный контакт с ветеринарным врачом, как и ожидалось, даром не прошел – породил в ней волну агрессии.

– Ты, гениальный пришелец из Космоса, страдающий одышкой, испортил мне лучшую половину моей жизни!

– Опять кофе перепила… У тебя богатая фантазия, детка.

– Не называй меня «деткой»!

Я смотрю на него. Господи, но не будь же таким дураком. Будь мужиком. Неужели так трудно не ввязываться в эту бессмысленную свару? Лучше поинтересуйся, что она там накалякала сегодня на своем древнем, многострадальном ноутбуке. Похвали и сразу же займись с ней любовью. В крайнем случае, просто поимей ее на худой свой конец.

– Господи, как я устала от всех вас, – продолжает она, бродя по комнатам, собирая шмотки и запихивая их в стиральную машину.

Интересно, кого это она имеет в виду?..

– Я надеюсь, суп в этом доме имеется? Или снова будем жевать бутерброды?

Нет, его хладнокровие меня самого может вывести из душевного равновесия!..

– Извини. Целый день писала. Вдохновение нашло.

– Похвально. После обеда почитаем.

(Наконец-то хоть что-то сдвинулось с мертвой точки!).

Он сноровисто надевает фартук, ставит на огонь кастрюлю, полную воды. Потом бросает в закипевшую воду раскрошенные бульонные кубики, за ними следуют замороженные пельмени. Не муж – золото.

…– Дорогая, это же чистой воды фэнтэзи, – говорит он спустя час, прочитав ее текст. – Да и тема, прямо скажем, не нова.

– Ты же был доволен началом, – огрызается она.

– Началом – да. А вот серединой – не очень… И героиня твоя какая-то кислая бабенка, без шарма.

– Сам ты кислый. Сам ты без шарма.

– И дикий зверь твой какой-то жалкий. Даже не может ее как следует… Впрочем, тебе виднее.

– Сам ты жалкий. Намекаешь на мою фригидность? А сам-то ты…

…Кажется, я рано вылез из-под кровати…

…Она любуется Путиным на небольшом цветном плакате, прикрепленном к стене. Российский президент там обнажен по пояс, стоит на берегу реки с удочкой в одной руке и с громадной рыбиной – в другой.

Он – терпеть не может Путина.

А она терпеть не может, когда ее благоверный расхаживает в майке с портретом Че Гевары. При этом рожа Че до того растянута на мужнином пузе, что кажется, будто она вот-вот лопнет…

Она сама в слове «Че Гевара» делает как минимум три ошибки. И вообще понятия не имеет, кто это был такой.

Вот так они друг другу нервы и портят по всяким пустякам.

…– Ну ладно, приводи, если тебе так уж приперло, – бурчит она в трубку. Этим заканчивается ее почти часовой разговор по телефону с двоюродной сестрой.

Двоюродная сестра работает… не скажу кем. Но с такими не рискуют портить отношения. Хотя она терпеть не может малолетнего сына своей двоюродной сестры. Больше, чем даже растерзанную тушку голубя.

Сыну одиннадцатый год, и он чересчур умен, как ей кажется. И невыносимо любопытен. Иногда его оставляют его у нас, чтобы не болтался без присмотра.

Она терпеть не может детей вообще, я это давно понял. Чужие дети напоминают ей о собственной бездетности.

Кстати, я тоже недолюбливаю этого отпрыска двоюродной сестры. Но я намного более терпелив.

…Отпрыск деловито вваливается в наш дом. Под мышкой у него планшет. Он походя дергает меня за усы, потом тупо утыкается в монитор и с головой уходит в свои стрелялки (какой тут еще нужен присмотр? Компьютер надежней любой няньки!). Пацан давно просек, что не следует приставать к своей милой тетушке и донимать ее вопросами, если не хочет получить вместо ответа подзатыльник.

Вопрос «почему у тетушки нет своих детей» мальчишку, слава Богу, не интересует. Но она уже заранее готовит своему племяннику подзатыльники – мысленно. Как ответы на возможные вопросы, способные нанести ей психологический дискомфорт. («А по шее не хочешь?..» «Много будешь знать – скоро состаришься», «Любопытной Варваре…» и т. д.)

Словом, она воспитывает мальца в меру своих способностей. Но втайне – я это чувствую – ее гложет обида, что малец не может привязаться к ней по-настоящему. И придет такой день, когда племянник вообще перестанет реагировать на свою тетю, она станет для него пустым местом.

Бедняжка, а ведь когда-то она всерьез штудировала книги по психологии подросткового возраста. Сейчас они валяются на балконе жалкой промокшей и слипшейся стопкой, на которую не приляжет ни один уважающий себя кот.

…Ей так нужно, чтобы ее кто-нибудь любил. Кто-то еще, помимо меня. Меня, готового все простить ей, терпеливо сносить на своей шкуре все ее выходки, готового, если понадобится, бросить все ради нее.

Но для этого надо уметь любить самой. А это ей не удается. И ведь ей уже почти пятьдесят лет. Ах, если бы коты столько жили!.. А с другой стороны – много ли радости в ТАКОЙ жизни? Бр-р-р…

Ей всего под пятьдесят, а она уже подумывает о том, чтобы свести счеты с жизнью.

…– Я знаю, почему этот мальчишка ко мне равнодушен, – жалуется она мне. – Потому что его мать называет меня «больной» и «истеричкой», прямо при собственном сыне. Она прямо так и говорит ему: «Не обращай внимания, у нее не все дома».

«Так докажи им всем обратное, – мурлычу я в ответ. – *Докажи, что у тебя все дома. Включая МЕНЯ. Ты ведь не хочешь лишиться ТАКОГО кота, единственного на свете?»*

Но она меня не слышит. Вообще, воспринимает ли она меня всерьез? Ну, не только как бессловесного слушателя, которому можно при случае поплакаться в мохнатую жилетку? Или видит во мне лишь оболочку – упругий ком мягкой серой шерсти, который можно приласкать, прижать к себе сильно-сильно, так, что этот ком издаст не кошачий, а уже какой-то человеческий вопль? Когтистый шерстяной клубок, который все время голоден и просит жрать?..

Ей невдомек, что еда когда-нибудь кончится, как и все на этом свете.

Что-то я расфилософствовался не в меру.

Спрашивается, какое мне дело до ее межродственных отношений? До ее супруга, бедного, вечно голодного? До ее сестры и ее отпрыска? В конце концов, до нее самой – тоже вечно голодной, алчущей непонятно чего? Просто ее жизненный путь гораздо длиннее, по сравнению с моим. Вот она и не знает, куда себя деть. Где обрести смысл такой длинной жизни. А по-моему, когда не знаешь, куда себя девать, есть очень простой вариант!

Спать. Спать и еще раз спать, предварительно нажравшись до отвала. Во сне решаются все проблемы. Ну, или почти все.

…– Вам кого? – она открывает дверь, не посмотрев, как всегда, в глазок.

На пороге – какой-то незнакомый мужик с папкой. Судя по виду, настроенный весьма решительно. За ним – какая-то тетка, тоже незнакомая.

– У вас долг, – без предисловий, даже не поздоровавшись, заявляет мужик. Тетка кивает.

– Но мой муж все оплатил… – растерянно лепечет она, отступая в комнату. – Что вам нужно? Ведите себя прилично… Я протестую! Я не позволяю вам тут рыться! Оставьте мои вещи в покое! Это не тот ящик… Вы что, судебный пристав?

– Мы знаем, что делаем! И имеем полное право… За квартиру не выплачен кредит. Все сроки вышли…

– Я позову на помощь!..

– Зовите. Любопытно, где он?

– Кто?

– Муж. Вы ведь его собираетесь звать на помощь?

– …

– Это ваш кот?

– Что вы собираетесь делать? Зачем вам домашнее животное?

– Мы забираем его в качестве залога. Когда выплатите кредит – тогда вернем.

– Это ужасно. Вы подонки!

…Рука, больно схватившая меня за шкирку, не сулит мне ничего хорошего. Еще немного – и меня засунут в прочный брезентовый мешок, из которого уже не выбраться. Но мне удается вырваться, пустив в ход зубы и когти. Потом я стремглав сбегаю по парадной лестнице. Никогда я еще не бегал с такой скоростью, руля хвостом на поворотах…

Вот и асфальт. Вот и спасительные кусты. А за ними – шоссе, по которому носятся туда-сюда машины.

– Подонки! Вы подонки! – доносится до меня откуда-то сзади.

Притормозив, оглядываюсь через плечо. Она бежит за мной, ее преследуют мужик с папкой и тетка. Но между мною и ними – приличное расстояние.

– Филимон! Филимон! ФИЛИМО-О-О-ОН!!!!!!

Боже, как она кричит!.. Я впервые слышу такой крик. Он полон ужаса. Он полон безнадежности. В нем такая тоска, что душу вынимает.

Щас, отсижусь под деревом.

Удалось перебежать шоссе и не попасть при этом под колеса. Меня спасет только этот клочок земли – теплый, покрытый сухими листьями. Остальное все – асфальт. Грязный. В плевках. Загаженный голубями…

Так вот ты какая, свобода! Ты никому не нужен; ты предоставлен самому себе; твоя судьба предоставлена слепому случаю; ты бродишь где попало и что попало ешь… И что теперь?

…Пожалуй, я все ей прощу. Ведь она меня любит так, как никто еще не любил.

Я вернусь к своей хозяйке, пусть она истеричка и полная психопатка.

Вернусь.

Но не сразу…

ИРИНА ПЕРЕСАДА

Третий пол

Рассказ

1

В трубке раздался взволнованный голос подруги. Я чувствовала, что Сара старается казаться спокойной, однако это ей плохо удавалось.

– Что-то случилось, дорогая?

– Нет-нет, я просто хотела увидеться с тобой. Я здесь, рядом с твоим домом. Ты свободна?

– Для тебя отложу все дела. Заходи, я жду.

– Давай увидимся в кафе. Я в «Мадо», сижу на втором этаже. Что тебе заказать?

– Я сейчас подойду, там и решим.

Я дала отбой, натянула джинсы, блузку, накинула плащ и быстрым шагом направилась к кафе. Оно действительно находилось рядом с моим домом – только перейти площадь. Уже минут через семь я подходила к её столику, уютно спрятавшемуся за большим цветочным кустом. Сара сидела, напряженно вглядывалась в панорамное окно кафе, и курила.

– Привет, давно ты курить начала? Что-то я и не припомню тебя с сигаретой.

Сара резко повернулась на мои слова и облегчённо вздохнула.

– Ты уже здесь? А я тебя на улице высматриваю. Пропустила, наверное. А это, – она повертела в руке сигарету, – так, для успокоения нервов. Ты права, я не курю. Уже лет тридцать в руки не брала.

– И что, помогает? Успокаивает нервы?

– Нет, но мне надо было вертеть что-то в руке. А этот дружок, – она кивнула на телефон, – тоже не помогает. Только раздражает.

Она затушила сигарету, потом отключила телефон. Потом снова включила его, отключила, прикурила новую сигарету и вновь потянулась к телефону. Я наблюдала за её манипуляциями, пытаясь понять, что же случилось – такой взволнованной я её никогда не видела.

– Послушай, дорогая, – сказала я, отбирая у неё телефон, – давай закажем мятного чаю. Он чудесно успокаивает. Лучше этой вонючей сигаретной дряни.

Сара кивнула и попыталась улыбнуться. Уже через несколько минут на нашем столике ароматно пыхтел чайник, под которым горела плоская свеча.

– Что у тебя случилось? Ты здорова?

– Слава Богу, здорова. Настолько, что в танцевальном конкурсе собираюсь принять участие – в номинации «кому за 60».

– Супер! И что, подходящего партнёра в этой категории найти не можешь?

– Могу, для танцев давно нашла – ты же знаешь его – Макс, отставной полковник.

– Как это я забыла! Слушай, а танцы – это такое контактное хобби, у вас телесных контактов не было?

– Да каждый день, только это не то, что ты имеешь в виду.

– Жаль, он такой интересный мужчина, ну, настоящий полковник, – процитировала я Аллу Пугачёву и решила переменить тему, чтобы немного отвлечь подругу: – Ты знаешь, что учудил мой канадский внук? Приходит со школы, из своего первого класса, и спрашивает мать, почему так бывает – у него есть мама и папа, а вот у одной девочки из их класса – два папы и ни одной мамы, а у другого мальчика – две мамы и нет папы.

– И что ответила твоя невестка?

– Она сказала, что бывает по-разному, кому как нравится. На что мальчишка ответил, что у собак щенки рождаются только от мамы и папы. Вспомнил, как они искали девочку своему Джеку, как тот обрадовался, когда нашли. Вспомнил, как пёс играл с ней, и как потом у собачки-девочки родились щенята. И – главное наблюдение ребёнка: ведь люди такие же, как и собаки, и у двух женщин или у двух мужчин детей быть не может. Ну, что ответить на это? Мальчик прав, а у них там толерантное отношение к геям и ни в коем случае нельзя говорить вещи, хоть в чём-то ущемляющие их гомосексуальные проявления.

– Да чтоб им всем пусто было! – с горечью воскликнула Сара и вдруг разрыдалась.

Я растерялась. Подошла к ней, прижала её голову к своему животу и стала тихонько поглаживать.

– Ну-ну, не надо, пройдёт и это… Перестань, моя хорошая, разберёмся… В чём только мы не разбирались… Давай, вытри слёзы, чаю попьём и расскажешь…

Подруга горько плакала – ясно было, что у неё давно уже накипело на сердце, а сейчас прорвало. Я ещё что-то ворковала, мысленно благодаря огромный куст, закрывавший нас от остального зала. Вскоре поток слёз стал иссякать. Сара тихонько высморкалась, несколько раз вздохнула-всхлипнула, вытерла салфеткой глаза, смазывая остатки макияжа, и потянулась к чашке чая. Я поняла, что ядро урагана рассосалось, и отошла к своему стулу.

– Ты же знаешь, я не истеричка, – начала она. – Но с этой ситуацией я даже не представляла, что могу столкнуться.

– И в чём дело?

– Да в них, этих геях проклятых!

– В ком? А ты здесь при чём? С какого боку? Сара, это же не с сыном связано?

– Слава Богу, не с ним. С Анаром.

– С внуком? Он что, из этих?

Сара помолчала, а потом решительно произнесла:

– Давай я тебе с самого начала всё расскажу. Издалека.

2

Джамиля уже несколько дней, как заметила, что с её сыном Мурадом происходит что-то неладное. Он перестал смотреть ей в глаза, вздрагивал от сообщений, которые приходили ему на телефон, отклонял звонки, и уж самое странное – стал подолгу заниматься уроками. Если раньше он мастерски изображал, что внимательно читает учебник, играя в это время с телефоном, то сейчас происходило всё наоборот. Он действительно читал учебники, что-то писал в тетрадях, решал какие-то задачи,

при этом старательно избегая общения по телефону. Джамиля несколько раз пыталась поговорить с сыном, но Мурад отвечал односложно:

– Мама, у меня всё в порядке. Уроков много.

С каждым днём, а Джамиля это ощущала почти физически, напряжение в ребёнке возрастало. Она почувствовала, что Мурка – так дома они называли своего одиннадцатилетнего сына, чего-то сильно боится. Она поделилась с мужем своими опасениями, но он лишь посмеялся:

– Ты ненормальная мамаша! Волнуешься, что ребёнок вдруг стал заниматься!

Однако гнетущее чувство тревоги за сына не оставляло молодую женщину, и однажды ночью она не выдержала – из-под подушки сына вытащила его телефон. Следуя своей неожиданно обострившейся интуиции, она сразу разгадала пароль и открыла его переписку. Переписка с одноклассником Гасаном была самой обширной, и Джамиля начала с неё. Прочитав несколько сообщений, женщина почувствовала, что у неё слабеют ноги, и мягко опустилась на ковёр. В первых сообщениях Гасан приглашал Мурада к себе домой, завлекая какой-то новой игрой. Джамиля вспомнила, как несколько недель назад Мурад действительно просился в гости к Гасану. Семья этого мальчика казалась очень приличной, в доме всегда был кто-то из взрослых, и она разрешила, справедливо полагая, что детям нужно общаться и вне школы. В тот день Мурад сам вскоре позвонил от Гасана и попросил забрать его, потому что нужно было готовиться к контрольной. Это не вызвало у матери никаких подозрений, так как в школе действительно задавали много уроков. Однако на следующий же день в переписке появились фразы:

… ты понял, что такое настоящий мужчина?...

… приходи ещё, я тебе ещё лучше сделаю…

… ты молодец, не раскололся, я уважаю тебя…

… завтра после обеда я жду тебя в туалете на втором этаже…

… слабак, чего испугался? тебе же понравилось…

… чего боишься? приходи, куда сказал…

… кто узнает, если сам не скажешь…

А дальше начинались непристойности и ужасные подробности полового общения подростков. Джамилю поразило, что её сын сопротивлялся вяло и нерешительно, словно чувствуя свою вину и боясь разоблачения. Дочитав переписку до конца, женщина с трудом поднялась на ноги и медленно направилась в спальню, держа телефон в вытянутой руке, будто опасаясь испачкаться об него. Она растолкала спящего мужа и протянула ему телефон, не в силах вымолвить ни слова. Мужчина долго протирал глаза, а когда прочитал, растеряно спросил:

– Что это?

– Наш сын в беде, – пролепетала женщина.

– В беде? Я убью его, засранца! Весь наш род позорить вздумал!

– Погоди! Ты разве что-то рассказывал ему по этому поводу? Нет? И я нет. А откуда мог он знать, что хорошо, что плохо? Из интернета? От друзей? Вот они и объяснили ему… И теоретически, и практически…

Мужчина немного оправился от первого шока.

– И что нам делать сейчас? Я не знаю…

– И я не знаю. Давай дождёмся утра и поговорим с Муркой. С Мурадом, – поправилась женщина, понимая, что ласковое домашнее имя звучит сейчас двусмысленно.

Заснуть они так и не смогли. Искали и не могли найти правильное направление предстоящего разговора с сыном, опасаясь этого разговора и желая его оттянуть. Утром после завтрака Джамиля позвала Мурада в гостиную, где его уже ждал отец. Любопытную младшую дочку отправили в школу с соседской старшеклассницей. Мальчик, не найдя утром телефона под подушкой, догадался, о чём может быть разговор, но надеялся, что родители не смогли определить пароль. Однако, увидев светящийся экран своего мобильника в руках у отца, он сразу резко побледнел и сник.

– Мурад, – начал отец, – расскажи нам, что у тебя происходит с Гасаном.

Тон его был ровный, мужчина смог взять себя в руки и спокойно вести разговор. Однако сын удивил его. Глядя прямо в глаза отцу, мальчик сказал:

– Пусть мама выйдет. Я буду говорить только с тобой.

– У меня нет от мамы секретов, рассказывай.

– Этот разговор не для женщин, – строго, по-мужски, сказал мальчик, – пусть она выйдет.

Джамиля посмотрела на мужа, взглядом умоляя его сдерживаться, и медленно пошла на кухню.

Через полчаса в кухню вошли Мурад с отцом. Мальчик был спокоен, казалось, что он сбросил с плеч тяжёлый груз, а отец, наоборот, как-то согнулся, осунулся, словно этот же груз взвалил на себя, и тот оказался для него во много раз тяжелее.

– Я сейчас отвезу его в школу, как раз ко второму уроку успеем, и сразу же вернусь, – ответил муж на безмолвный вопрос жены.

Джамиля выпила третью порцию валерьянки с начала ночи, села на стул и безысходно сложила руки. Она не пошевелилась, когда вернулся муж, только подняла вопросительно глаза:

– Что?

– Пока ничего. Давай вместе решать, что делать.

– А что рассказал Мурад?

– Этот гад Гасан полкласса на крючке держит. Лишь один мальчик надавал ему по морде за его предложение. Гасан оставил его в покое, жаловаться на него не пошёл, но резко расширил круг деятельности. Остальные мальчишки боятся разоблачения, Гасан их шантажирует.

– Учителя знают?

– Думаю, что нет. Хотя, это же западная школа, – муж выругался, – и кто нас дернул туда ребёнка отдавать!

– Там в анкете даже третья клетка есть, помнишь?

– Какая третья клетка? – удивился мужчина.

– В графе пол. Мужской, женский и третье – ещё не определился.

– Ты это серьёзно? Почему я не знал?

– Знал, мы же вместе заполняли анкету. Ты не обратил внимания.

– Да уж… Думаю, надо идти к родителям Гасана. Немедленно, пока он в школе.

– Хорошо, только давай тётю Сару возьмём с собой. Мне всегда спокойно, когда она рядом.

– Ты что? Лишние свидетели не нужны, – мужчина даже повысил голос. – Что она подумает?

– Знаешь, Мурад тоже боялся, что мы подумаем, и молчал. И остальные молчат, а этот гадёныш безнаказанно действует. А с кем нам сейчас советоваться? С родителями? С твоими? С моими? Ладно, иду звонить…

– Погоди, – муж мягко остановил Джамилю. – Звони тёте Саре.

Через час они втроём вылезали из машины рядом с домом Гасана.

Родители мальчишки ждали их. Отцу Гасана было лет под шестьдесят, мать – много моложе. Это была его вторая жена, на ней он женился после смерти первой. Гасан был их единственным общим сыном, дети от первого брака уже были взрослыми и жили отдельно.

– Добрый день, уважаемые, – хозяин гостеприимно распахнул дверь, с улыбкой приглашая гостей войти. Однако, увидев их озабоченные лица, испуганно воскликнул: – Что-то случилось с моим мальчиком?

– Жив-здоров ваш мальчик, только сволочь он, – резко ответил отец Мурада. – Вот, прочтите переписку.

Он протянул раскрытый телефон, а потом без приглашения прошёл в гостиную и сел в кресло. Реакция отца Гасана походила на реакцию Джамили – он, начав читать, нащупал кресло, тяжело опустился в него, левой рукой закрыл рот, наверное, чтобы не закричать или не выругаться. Закончив читать, он закрыл глаза и откинулся в кресле, тяжело дыша.

– Это точно писал мой сын?

– Ваш, и это только одна история. Он так весь класс шантажирует. Прочитайте всю переписку в его телефоне, найдёте, думаю, много интересного. А в нашей семье из-за него – два нервных срыва и испорченное детство ребёнка.

В этот момент из школы вернулся Гасан. Он что-то весело прокричал из передней и, смеясь, вбежал в комнату – высокий, красивый мальчик: миндалевидный разрез чёрных глаз под изящной дугой густых бровей, восточный нос с лёгкой горбинкой и яркие, словно нарисованные, чувственные губы. Увидев гостей, он резко остановился и развернулся, чтобы выйти.

– Телефон! – без предисловий потребовал отец.

– Ну, па…

– Телефон!!! – мужчина выхватил из рук сына телефон и глухо произнёс, – пароль!

Гасан хотел сам набрать пароль, но отец резко отстранил его:

– Пароль! – потом, ещё не глядя на экран, приказал: – Иди к себе и жди.

Гасан вышел из комнаты. Его отец оглядел гостей тяжёлым, туманным взором.

– Я думал, что в жизни мне осталась только радость – любимая жена, сын, старшие дети, внуки… Я должен вас ненавидеть – вы сломали мой рай. Но сейчас я ненавижу себя и моего младшего сына, а вы пострадавшие, – мужчина усмехнулся. – Я не задерживаю вас. Завтра утром сообщу о своём решении. А пока – успокойтесь сами и успокойте своего мальчика. И ничего не предпринимайте.

Муж Джамили жестко сжал кулаки и двинулся на хозяина, но тётя Сара и Джамиля повисли на нём с обеих сторон, стараясь сдержать его.

– До завтрашнего утра, – прощаясь, сказала Джамиля, и они направились к своему автомобилю. У машины отец Мурада гневно заговорил:

– Негодяй! Ничего не предпринимайте! Я убью его вместе с его отродьем!

– Послушай, мой хороший, – мягко заговорила тётя Сара, – ты же видел, что он потрясён не меньше нашего. Давай дождёмся утра, этот мужчина, похоже, человек слова.

– Да плевать я хотел на его слово, пусть лучше своим сыном займётся, сын подонок, и отец такой же!!!

– А ты много занимался половым воспитанием своего сына? Что рассказывал ему об этих… об этих отношениях? Конечно, ничего! На жену всё переложил? А сейчас во всех фильмах этих геев показывают! Прямо необходимый элемент. Что, твой сын слепой? Для него, возможно, это уже нормально! Что рычишь? – отреагировала Сара на клокочущие звуки, вырвавшиеся из горла мужчины. – Думаешь, деньги домой принёс и всё? Отцовские обязанности закончились? А с мальчиком должен разговаривать мужчина! Хоть иногда!

Тётя Сара распалялась всё больше. Она понимала, что добавляет масла в огонь, но сдерживаться не захотела. Джамиля в изумлении смотрела на неё. Она знала эту женщину с детства, но никогда не видела её в таком гневе.

– Это что, теперь, значит, я виноват?

– Никто не виноват. Есть задача, значит, есть и решение. Нужно его найти, – внезапно успокоившись, произнесла тётя Сара. – Подождём до утра, потом будем думать дальше.

Вечером Джамиля, закрыв глаза,сидела в кресле, когда подошёл сын и остановился рядом.

– Мама, спасибо вам с папой, – мальчик говорил, волнуясь и медленно подбирая слова. – Я думал, что моя жизнь закончилась, что вы никогда не простите меня. Я чувствовал себя каким-то грязным мусором, от которого надо избавиться. Сам я не смог бы, а что делать дальше, не понимал. А вы, – в голосе Мурада зазвучали слёзы, – вы простили меня и даже поддержали. Я понял, что нужен вам. Возможно, вы ещё любите меня… А я вас очень-очень люблю…

Джамиля представила, какое страшное одиночество мучило её сына, представила, что могло бы случиться, если бы он смог избавиться от себя… Она порывисто обняла мальчика, прижала к себе и сквозь слёзы заговорила:

– Родной мой, да как мы можем не любить тебя? Это ты прости нас, что не смогли дать тебе почувствовать нашу любовь… Ошибки бывают у каждого человека, это нормально, это не главное… Главное – мы есть друг у друга, мы любим друг друга. Ты знай это, никогда не сомневайся, что мы будем всегда рядом, мы никогда не оставим тебя. И всегда, слышишь, всегда поймём и поддержим тебя. Только ты не прячься от нас и ничего не скрывай…

Она почувствовала сильные руки мужа, который обнял их и прижал к себе, ощутила его горячую слезу, скатившуюся на её щёку, и вдруг поняла, что счастлива в этот момент.

– Мама, папа, я и не знал, что может быть так хорошо, – прошептал ребёнок. «Вот уж точно – нет худа без добра, – промелькнуло в голове Джамили, – но всё же лучше только добро без худа».

На следующее утро позвонил отец Гасана. Он сказал, что отправляет сына с матерью в другой город. Сам в течение недели уладит все дела и присоединится к ним.

– А как остальные дети, которым твой подонок жизнь попортил? – заорал возмущенный отец Мурада.

– Я сегодня иду в школу. Поговорю с директором. Потом хочу собрать всех пострадавших ребят, поговорить с ними и извиниться.

– Просить прощения должен твой гомик, а не ты!

В этот момент Джамиля ловко поймала телефонную трубку, которую её муж в сердцах бросил в стену.

– Здравствуйте, это мать Мурада, – начала она, – я думаю, вам нужно посове-

товаться с директором и со школьным психологом, как вести этот непростой разговор с детьми. Ребята травмированы, наш сын сегодня ночью заснуть не мог. Я не хочу раздувать скандал до уровня всей школы и министерства, но учителя и директор должны знать об этом, чтобы отслеживать ситуацию впредь…

– Я учту ваши пожелания, – сухо ответил мужчина и дал отбой.

Джамиля молча наблюдала за мужем, который метался по комнате, ругаясь и натыкаясь на мебель. Потом он остановился и бросил:

– Мне надо на работу, держи меня в курсе дела.

Через несколько минут после его ухода пришла тётя Сара и с порога начала:

– Я всю ночь в интернете сидела, всё читала про этих… про это… Оказывается, раньше это считали болезнью и лечили. Потом перестали считать, потом объявили нормой. А сейчас их законом охраняют от посягательств натуралов.

– У нас?

– Нет, пока в Европе и в Штатах. У них там даже в школах, в анкетах в пункте про пол, есть графа такая …

– Я знаю. Мурад же учится в западной школе. Мы заполняли такую анкету, – перебила Джамиля и увидела, как в ужасе расширяются глаза тёти Сары.

– Ты заполняла такую анкету? И отдала ребёнка в эту школу? Так почему же сейчас ты удивляешься, что он столкнулся с этой грязью?

– Мне и в голову это не могло прийти, думала, просто формальность… – стала оправдываться Джамиля. – И потом, в западных школах образование лучше.

– Половое образование, – съязвила тётя Сара и прикусила язык, – прости меня, тебе сейчас несладко.

– Да уж. Недавно звонил отец Гасана, – и Джамиля рассказала об утреннем разговоре. – Не представляю, как он с детьми беседовать будет.

– Джама, а может, лучше сначала с вами, с родителями? И с вами посоветоваться, как и о чём с вашими детьми говорить? А то как бы не стало хуже.

– Точно! Тётя Сара, я еду в школу.

3

Я внимательно слушала подругу, которая рассказывала историю своих соседей. Я понимала, что эта ситуация болезненна для неё самой, только не понимала, почему.

– И чем дело закончилось?

– Подключили уйму народа – директора, учителей, юриста. Старались не распространяться на эту тему, у многих мальчиков травма была тяжелой – с ними занимался психолог. Семья Гасана переехала куда-то в провинцию. Санкций против мальчишки школа не применила. Санкциями занялся отец.

– Сара, а тебя каким боком это задело? Ведь ты сказала, что в чём-то замешан твой внук Анар.

– Я рассказываю. Только ты не перебивай. Эта история с Мурадом случилась около года назад. Она потрясла меня, я нелегко перенесла её. Одно дело, когда ты читаешь об этом в журналах или смотришь по ТВ, другое дело, когда мальчишка, которого ты вместе с его папашей везла из роддома, вдруг оказывается жертвой такой мрази. Я в ту пору боялась представить, что подобное может коснуться и моей семьи, гнала эти мысли. Но моё сердце заболело тогда о своём единственном внуке. Ты зна-

ешь, дочь с мужем давно работают в Штатах, и Анар там учился в обычной американской школе, – Сара в сердцах сплюнула. – На лето они приехали сюда. Анар возмужал, стал красавчиком. Ты помнишь, он и в детстве был симпатягой, но теперь вообще стал неотразим. И это я тебе говорю не как бабушка, а как женщина.

– Твой женский вкус всегда был безупречен, – улыбнулась я, но Сара не поддержала шутку.

– Мне всё это лето казалось, что он постоянно чем-то подавлен – стал неразговорчив, никуда не выходил. Всё сидел, уставившись в одну точку. На мои расспросы отвечал нехотя и скупо. Я поделилась этим с дочкой, однако она рассмеялась и всё свалила на переходный возраст – парню уже шестнадцать лет, задумывается о жизни! В конце августа они снова засобирались в Штаты, но Анар вдруг категорически отказался ехать. Хочу, мол, учиться на родине и всё тут! А когда родители согласились, я думаю, по принципу – баба с возу, кобыле легче, парень наотрез отказался идти в местную американскую школу. Он поставил условие – или самая обычная школа, или он не учится вообще. Ну, ты понимаешь, мой зять считает, что у его семьи на родине должно быть всё самое лучшее, и школа в том числе. В общем, устроили парня в «обычную», самую престижную школу в городе. Параллельно он записался в секции карате, айкидо и бокса. Я его спрашиваю: «Ты нападать или обороняться собираешься?» А он: «Жизнь, бабулечка, такая штука – в ней всё пригодится. Тем более, я в Америке тоже единоборствами увлекался». Ну, зажили мы с ним вдвоём. И мне веселее, и ему, чувствую, тоже неплохо. Улыбаться начал, шутить. Со мной по-английски стал говорить, обещал, что через год я болтать буду почище его родителей. И вот эта мирная жизнь разрушилась вчера. – Сара помолчала, сосредоточиваясь. Потом, овладев эмоциями, продолжила. – В школе им задали написать эссе на тему «Если бы меня не стало…».

– Что? – изумилась я, – ведь это невообразимо сложно! Я бы не смогла. Хотя они совсем в другом возрасте, им, наверное, легче.

Сара не среагировала на моё замечание, глубоко вздохнула и продолжила.

– Вчера ко мне позвонила учительница, которая задала им это сочинение, и предложила встретиться. Место назначила в кафе на другом конце города. Я уже потом поняла почему – чтобы нас Анар не смог увидеть. Она мне понравилась: хоть и молодая, но из тех учителей, которые любят учеников, а не только в карман родителям смотрят. Сначала она рассказывала о классе, в котором учится Анар, потом заговорила об этой теме – «Если бы меня не стало…». Я тоже, как и ты, удивилась и спросила – зачем? А вот такой она эксперимент решила провести... Вызвать детей на откровенность. И вызвала. Подростки писали настолько откровенно, что она сама ужаснулась результату. И теперь не знает, что с этим делать. Но обо всех распространяться не стала, а заговорила об Анаре. Сначала ходила вокруг и около, современные дети, мол, совсем другие, и опыт у них другой, отличный от нашего. При слове «опыт» у меня задрожали руки, и я попросила её не томить меня. Тогда она молча вынула из сумочки листок и протянула мне. Это была ксерокопия сочинения Анара. Оригинал она должна была возвратить. Вот это эссе. Читай.

Сара протянула мне измятый листок – видно было, что его читали и перечитывали. Я осторожно взяла, надела очки и начала читать.

Если бы меня не стало...

Если бы меня не стало, тогда некому бы было бояться

позора. Тогда меня бы не волновало, что в прошлом году, когда я ещё учился в Америке, на вечеринке меня напоили до смерти и изнасиловали. Насиловали все мои друзья, по крайней мере, я считал их друзьями до того страшного вечера. А я валялся как овощ, и что-то мычал. Они в спиртное подмешали наркотическую дурь, от которой человек отключается.

Если бы меня не стало, мне бы не пришлось смотреть эту мерзость на видео, которое засняли эти подонки и демонстрировали мне в присутствии девушек, среди них была и та, которую я любил. Если бы меня не стало до того вечера, Элен плакала бы обо мне, а не презрительно отворачивалась при встрече.

Если бы меня не стало, я бы не носил в себе эту тяжесть и ненависть к самому себе, от которой у меня уже болит всё тело. Если бы меня не стало, то, наверное, на том свете Бог вылечил бы мою душу и наполнил её покоем.

Если бы меня не стало, я оставил бы на земле свои мысли о том, что у меня не хватило духа и сил врезать этим гадам по морде и заставить их проглотить свои поганые члены.

Если бы меня не стало, родители повздыхали бы обо мне недельку, а потом снова занялись бы своим бизнесом и всё забыли.

Если бы меня не стало, только бабушка горевала бы обо мне, потому что только она одна любит меня на этом свете.

Если бы меня не стало, я не писал бы это сочинение в надежде, что кто-то сможет мне помочь, или же окончательно потопит меня в моей же грязи...

Даже видя взбудораженное состояние подруги, я не ожидала столкнуться с подобным. Страшный холод сжимал моё сердце, пока я читала, а дойдя до конца, я поняла, что вытираю слёзы. Сара с ожиданием и надеждой смотрела на меня. Я закрыла глаза, пытаясь осмыслить прочитанное, хотя при попытке только представить ситуацию у меня начиналась тошнота. Парень столкнулся с настоящим преступлением. Но...

– Сара, вижу здесь две вещи – хорошую и плохую. Начну с плохой. Над твоим внуком жестоко надругались. Более того, по отношению к нему совершено преступление. Циничное преступление, людьми, которых он считал своими друзьями. У него

не хватило духу обратиться в полицию или рассказать родителям. Он счёл себя виновным в том, что случилось. Он изначально признал себя плохим, жалким, недостойным и грязным. Поэтому преступники, а иначе их никак не назовешь, остались безнаказанными. Самое страшное в этом – больше всего пострадала его душа, а не тело. Коварство, вероломство, предательство, крушение любви, презрение к себе – это сложно и для взрослого человека, а не только для мальчишки шестнадцати лет.

Сара снова всхлипнула:

– Бедный мой мальчик, мой Анар!

– Стоп, Сара! Есть ещё и хорошая новость.

– Где ты нашла её в этом письме? – подруга потрясла измятым листком.

– Сара, он попросил помощи. *Если бы меня не стало, я не писал бы это сочинение в надежде, что кто-то сможет мне помочь.* Он не замкнулся, у него есть надежда, что он сможет выбраться из своего ада. Он просит о помощи. А это уже решаемо.

– Как? Ведь учительница не может рассказать ему, что я в курсе.

– Дай подумать. А что, если мы сделаем вот так…

4

Анару нужен психолог, но психолог-мужчина, желательно харизматичный, сильный и добрый. Психолог, владеющий современными методами работы с пациентом. Я перебирала в уме своих коллег и вспомнила. Юсиф Азизов подходил идеально. Я позвонила ему прямо из кафе и рассказала обо всём.

– Юсиф, но как мы сможем вас познакомить? Парень не должен знать, что цепочка к тебе тянется через бабушку.

– Это не сложно. Школы могут обращаться к клиническим психологам в особо сложных случаях. Можно представить это так, что учительница и посчитала эту ситуацию таким случаем.

– Но ведь нужно какое-то обращение, наверное, письменное, а его должен подписывать директор…

– Слушай, ты думаешь, парню будет важно знать всю эту бюрократическую кухню? По-моему, будет достаточно, если учительница просто представит нас друг другу. Ведь на самом деле я буду работать как частный психолог, а не как специалист, привлечённый школой.

– А где вы будете встречаться? В общей клинике нежелательно.

– Обижаешь. У меня есть чудесный уютный кабинет.

– Ты там один?

– Специально для этого случая вызову секретаршу. Она так выглядит, что если ему и не захочется приходить ко мне, то на неё поглядеть он обязательно прибежит снова.

– Я и забыла, что ты старый ловелас.

– Опять обижаешь. Я – ценитель женской красоты. Кстати, кто будет платить?

Сара, слышавшая этот разговор, жестами стала показывать, что она не пожалеет никаких денег, главное, чтобы был результат. Я озвучила это Юсифу, он улыбнулся:

– Результат сделаем, – потом серьёзно произнёс. – Ты знаешь, это не единичный случай. Что-то подобное участилось за последнее время.

– А я не сталкивалась.

– К тебе обращаются в основном женщины, а ко мне – парни или родители мальчиков, над которыми надругались.

– Правда? И как часто?

– Конечно, не повально, но в месяц раз сталкиваюсь, хотя ещё два года назад читал об этой проблеме только в специальной литературе.

Мы обсудили с Юсифом Азизовым детали встречи и договорились о времени. Затем Сара позвонила учительнице. Та очень обрадовалась и сразу приняла все условия, чувствовалось, что у неё с души будто свалился груз.

– Вы не волнуйтесь, я смогу объяснить Анару про психолога, он согласится, я уверена. Только вы сами возьмите себя в руки, а то мальчик догадается, что его тайна раскрыта.

– Не беспокойтесь, моя хорошая! – ответила Сара повеселевшим голосом. – Я вчера так держалась, так держалась, что никакой артист так бы не сыграл.

– Прекрасно, – в голосе учительницы звучало сомнение, она, вероятно, помнила вчерашнюю реакцию Сары. – Я сейчас созвонюсь с психологом и обязательно буду держать вас в курсе. Будьте здоровы!

Сара положила телефон на столик, сделала несколько глотков остывшего чаю, опустила голову на руки и тихонько заплакала. Но теперь это были слёзы облегчения, и я замерла, давая подруге возможность освободиться от мучительной тяжести. Наконец она подняла голову, и в глазах её была решимость.

– Я организую комитет по защите детей.

– Ага, по защите от геев и лесбиянок.

– Не шути. Ты сама видишь, насколько это серьёзно. Это будет комитет по защите детей от сексуального насилия. И никакого третьего пола! Никогда! В комитет точно войдём я и родители Мурада, а ты? – я кивнула, и Сара продолжила: – Нас уже четверо, плюс родители мальчиков из школы Мурада. О, да это сила! Первое и главное, с чего надо начать – это просвещение, как детей, так и родителей. Я бы обратилась ко всем родителям и бабушкам с дедушками – любите своих детей, будьте внимательны к ним, дети не должны бояться родителей, а всегда чувствовать их поддержку! Разговаривайте с детьми, не избегайте неудобных тем и будьте бдительны!

И Сара начала чётко излагать программу действий ещё не созданного комитета. Я слушала подругу и удивлялась, как за несколько минут у неё смог сложиться такой ясный и стройный план. Воистину, стресс не только разрушает, но и мобилизует, и делает человека сильнее. За истекший час в Саре произошла огромная метаморфоза – из растерянной и потерянной женщины родилась воительница, готовая бороться и защищать будущее – наших детей. А ещё я поняла, что это станет и моим делом, и ещё многих и многих людей, чистых и честных.

СОЛМАЗ СУЛЕЙМАНЛЫ

***

Бывают такие дни, от которых никуда не денешься.
В эти дни только маешься-не перемаешься:
То по-зимнему укутаешься, потом разденешься...
Потом – раскаешься...

Бывают такие ночи, в которые не шевельнуться,
Когда все кошки мира приходят к тебе, кусаются.
А ты напрягаешься, очень хочешь проснуться...
Но – не получается.

Бывают такие грехи, которые совершаются
От ноющей, мающей, душащей, сушащей жажды.
Они, видимо, очень легко прощаются
И их совершают дважды.

Бывают такие слова – мокрые, словно слизни.
От них пахнет концом света, плодом внематочным...
Они произносятся только один раз в жизни.
Этого бывает достаточно.

А бывают такие души, разбросанные по городам,
Которые не живут –
перемучиваются, переистощаются.
Вот они после смерти просят Бога остаться там
И – не возвращаются.

Стёб

У него на дворе – март.
У меня на душе – черт.
У меня позиция «старт»,
У него – незачет.

У него на лице вина,
У меня на плите чай.
У меня для него – «на!..»
У него только – «дай».

У меня для него стихи,
Накаляканные в бреду.
У меня на плечах грехи,
У него – тату.

У меня на небе звезда,
Но ее, увы, не достать.
Я хочу, чтобы – навсегда,
Он хочет спать.

Я выбрасываю негатив,
Он выбрасывает бычки.
У меня на носу –
нервный срыв,
У него – очки.

У меня под ногтями кровь,
У него – от ногтей след...
В общем, так: у меня – любовь.
А у него – нет...

Переписка в мессенджере

«Подними меня!.. Не мне валяться у
чьих-то ног. Прощать любую подлость,
а потом красиво рассыпаться...
Прекрати.Опомнись...»
Подпись: Гордость.

«Хватит, хватит, мы переругались,
Мы бесшумно в воздухе повисли.
Мы устали, мы перемешались...
Прекрати нас думать».
Подпись: Мысли.

«Ты давно со мною не делилась.
Ты меня забыла – я в миноре.
Жаль, ты в прошлый раз не утопилась.
Зря я отпустило...»
Подпись: Море.

«В чьих бы ты глазах ни утонула,
В Фейсбуке, в просторах инстаграмма,
Главное, чтоб вовремя уснула...
Не уснешь – я рядом».
Подпись: Мама.

«Приходи, когда совсем устала
И уже не можешь верить слепо.
Приходи, во что бы то ни стало.
Я дождусь. До встречи».
Подпись: Небо.

Памяти выдающегося азербайджанского гроссмейстера Вугара Гашимова

А земля – она не остановится,
Она вращается.
Но концы всё-таки не сходятся.
Январь кончается.
Хочется не рассыпаться,
Как-то собраться,
Но не получается.

И хоть жизнь движется,
Вряд ли уже получится.
Говорят, такое случается...
Мы не знаем, как это пишется,
Как это читается,

Но сердце этому не научится
И даже не попытается.
Не забыть, если след оставило –
Такое не забывается.
У сердца другие правила,
Даже если Богу не нравится.

Он был тем, кого – днем с огнем,
Которых по пальцем счесть...
Сердце шепчет: «Приём, приём...»
А давай говорить о нем,
Как будто он еще здесь.

Хоть он высоко –
выше не подняться...
Все было достойно и пышно –
Охапки черных цветов...
Но теперь приходится наклоняться,
Чтобы ему было лучше нас слышно...

И не знаешь, куда податься,
Во что одеться, как не сломаться,
К кому прильнуть,
Куда уйти и когда вернуться,
Кому отдаться,
Когда уснуть и когда проснуться...
(И стоит ли просыпаться...)

И кто что скажет – не в счет.
Я, кажется, знаю ответ,
Который меня спасет.
Бог теряет авторитет...
27 с половиной лет...
Чёрт.

****

Усталым блуждая взглядом,
О чем ты сейчас мечтаешь?
Я буду все время рядом...
Когда ты меня оставишь.

Нам что-то стало стеною,
Чего-то уже не исправишь.
Что будет дальше со мною,
Когда ты меня оставишь?

Твой голос и не узнаешь...
Теперь он все тише... тише...
Когда ты меня оставишь,
Ты будешь гораздо ближе.

****

Теперь можешь спокойно спать, не поможет и Бог...
(А ведь знала заранее, что будет именно так!..)
Тот, кого звала, не услышал и не помог,
Эта жизнь – бумеранг, моя девочка, бумеранг.

Всё, расслабились, дальше не побежишь,
И не пошагаешь, разве что, поползешь.
Не дрожи, моя девочка,
что ты теперь дрожишь?
Или не узнаёшь?..

Выбор твой: хочешь, крепко сожми в горсти,
А хочешь, в стотысячный раз прости.
А потом посиди, подумай и отпусти.
Мне тебя не спасти, моя девочка, не спасти.

Смело теперь говори, что ты знаешь ад,
Ибо ты его часть (и поэтому меньше жжёт).
И любой, кто появится после, будет уже слабоват,
И ничего страшнее с тобой не произойдет.

Хоть танцуй теперь на самом острие ножа.
«Многобожие – тяжкий грех»
говорить не спеши.
Как у каждого тела есть и своя душа,
Так у каждого есть свой Бог, моя девочка...
Запиши.

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

В поисках Силы и Красоты

Обращение к сыну

Сын мой, помни:
Мир держится на Любви, Силе и Красоте.
Сила необходима, чтобы быть Живым,
Красота – чтобы быть Человеком,
а Любовь – чтобы Быть.
Отыщи в нём Силу и Красоту.
Любовь отыщет тебя сама.

Лишь тот поймёт мои слова,
В чьём сердце Истина жива.

*

Я верю в Любовь, но не в то, чем её считают.
Я верю в Бога, но не в того, которого придумали люди.
Я верю в Себя, но не в ту, которую я знаю.

*

К слабым Сила не приходит: она выбирает сильных.

*

Не выставляй напоказ своё счастье, чтобы потом не пришлось прятать его осколки.

*

Человек! Благодари Небо за каждый приходящий день, а Землю – за каждый ушедший. Ведь каждый восход дарит тебе новые возможности, а каждый закат приближает тебя к Вечности.

*

Человек! Почему тебе непременно требуется разрешение на счастье? Не требуется? Тогда почему ты не чувствуешь себя счастливым?

*

Самое трудное – не обрести бессмертие. Самое трудное – признать, что ты уже бессмертен.

*

Есть люди, рассчитанные на одну жизнь, есть – на множество жизней. А есть люди, рассчитанные на Вечность. Они обладают душой и наполнены Светом. Наличие души – не данность, а привилегия.

Человек! А на сколько жизней рассчитан ты?

*

Человек! Какой их двух миров ты готов завоевать: внешний – ограниченный мир одушевлённых и неодушевлённых предметов, или внутренний – безграничный мир твоей души? Они оба принадлежат тебе, но один временный, а другой – вечный.

*

Человек! Взгляни в глаза собственному страху – и ты увидишь в них лишь своё отражение.

*

В этом мире заученных чувств,
В этом мире заученных мыслей,
В этом мире заученных слов,
В этом мире заученных действий,
В этом мире заученных людей
Я учусь скрывать свои чувства,
Я учусь скрывать свои мысли,
Я учусь убедительно лгать,
Я учусь умело притворяться,
Чтобы выдать себя за свою.

*

Истинная суть человека, как и общества в целом, определяется не его отношением к себе подобным, а его отношением к равным себе – животным, птицам, цветам и деревьям.

*

Один приходит в этот мир, чтобы научиться лгать. Другой – чтобы говорить правду. Третий – чтобы научиться отличать первое от второго. Четвёртый – чтобы понять, что нет ни лжи, ни правды: есть только Истина. А пятый – чтобы её отыскать.

*

Вера рождает фанатиков и аскетов. Мудрость рождает отшельников и пророков. Сила рождает бунтарей и злодеев. Любовь рождает поэтов и святых. Красота рождает мечтателей и волшебников.

Теперь ты понимаешь, почему мир спасёт Красота? Все остальные уже пытались. И что из этого вышло?

*

Сказано: «Один в поле не воин».

А я говорю: «Всё самое значительное на Земле сделано одиночками. Вместе мы лишь уничтожаем планету, на которой живём».

*

Слова – кандалы наших мыслей, тела – кандалы наших душ.
Мы невольники, прикованные к миру и страшащиеся свободы.

*

Разум: мир – моё отражение.
Сердце: мир – моё выражение.
Тело: мир – моё продолжение.
Душа: мир – моё воображение.

*

Умершие хоронят тела и маски и отправляются на кладбище душ. Про таких говорят: «Жили и умерли».

Но были ли живы?

Ожившие возвращают Земле тела, а маски оставляют людям – и улетают на собственный Свет. Про таких сказано: «Были мертвы, но воскресли для Жизни».

Они преодолели смерть.

Смерть может быть концом, а может стать переходом.

*

Человек! Отправляйся в Путь на поиски Самого Себя! Рискни! Что ты теряешь? Только то, что тебе не принадлежит. Что обретёшь? Всё остальное.

*

Человек! Ты много больше и сильнее всех своих несчастий и бед! Почему же они так страшат тебя? И почему ты всегда оказываешься побеждённым ими?

*

Жизнь – это поединок со смертью, но не за тело, а за дух. Увы! Ты всегда оказываешься побеждённым, теряя и то, и другое.

*

Муза прилетает ко всем. Ведь жизнь – это Творчество, а значит, требует вдохновения. Но не с каждым Муза остаётся. Оттого-то жизнь людей так скучна, пуста и бездарна.

*

Сказано: «Миром правит любовь».

А я говорю: «Миром правят похоть, власть и деньги. Любовь не правит, не царствует – она царит, наполняя мир Светом и Красотой».

*

Человек! Никто не может помешать тебе быть счастливым, кроме тебя самого.

*

Люди перестали быть животными, когда мужчина понял, что женщина – богиня. Если он этого не понял, то так и остался животным.

*

Когда мы жертвуем настоящим ради будущего, мы лишаемся и того, и другого.

*

Человек – это Тайна. И если её нет, то нет и человека – есть только тело, наделённое разумом и инстинктами.

*

За каждым великим мужчиной скрывается великая женщина, которая его породила, но предпочла остаться в тени его величия, сознательно или неосознанно пожертвовав собственным.

*

Человек! Ты питаешь либо свою силу, либо свой страх. Если попробуешь насытить и взрастить обоих, то от этого зловещего союза родится чудовище, которое пожрёт тебя самого.

*

Сказано: «Мой дом – моя крепость».

А я говорю: «Сколько же крепостей мы понастроили снаружи и внутри, обнеся сердца и страны крепостными стенами! И всё это только для того, чтобы защититься от мира, который мы сами создали своими мыслями, словами и поступками!».

*

Человек! Твои поражения и неудачи нужны, чтобы извлечь из тебя то, чего ты сам о себе не знаешь. Даже самым большим твоим удачам и победам это не под силу.

*

Человек!

Ты нуждаешься в законе? Но ведь ты сам его написал.

Ты нуждаешься в Боге? Но ведь ты сам его придумал.

Ты нуждаешься в любви? Но ведь ты сам есть Любовь.

*

Миром правят мудрые и сильные. Думают, что правят, – богатые и хитрые. Думают, что подчиняются,– умные и глупые. Думают, что веселятся, – счастливые и успешные. Думают, что страдают,– бедные и несчастные. А владеют миром любящие и любимые.

*

Человек! Степень твоего величия определяется твоей способностью творить. Степень твоей ущербности определяется тем же.

*

Человек! У тебя есть всё: земной шар под ногами, звёздное небо над головой, крылья за спиной и Бог в сердце. Все миры пред тобою открыты. Ты свободен и всемогущ!

*

Человек! Жизнь часто загоняет тебя в глубокий колодец, потому что только оттуда ты способен увидеть звёздное небо.

*

Всё, что имею и знаю, всё, что принимаю и отвергаю, всё, что ненавижу и люблю, всё, что достижимо и недоступно, – я прячу в слова. В них облекаю мысли и чувства. Но сама пребываю за пределами слов, потому что сама являюсь Словом.

*

Люди! Вы не сумели использовать во благо себе и миру достоинства и добродетели, которыми Он вас наградил. Может, пороки, которыми вы сами себя наградили, чему-то вас научат?

*

Потерянные деньги и потерянную любовь ещё можно найти и вернуть. Потерянное время и потерянное достоинство возврату не подлежат.

*

Если ты ступил на Путь Духа, забудь о человеческих ценностях, придуманных умом, а не порождённых сердцем.

*

Человек! Неважно, куда приведёт тебя дорога. Важно, чтобы она пролегала через сердце.

*

Как много тех, кто в храмах!
Как много тех, кто в религиях!
Как много тех, кто в аскезах!
Как много тех, кто в ритуалах!
Как много тех, кто в писаниях!
Как мало тех, кто в Боге…

*

Никогда не уподобляйся зверю! Всегда оставайся человеком, но помни, что ты Бог!

*

Люди! Вы семена, брошенные Его рукой. Вас разносит ветер, согревает солнце, поливают дожди и поглощает земля. Но лишь немногие прорастают колосьями, цветами, деревьями и травой.

*

Жизнь щедра и изобильна для живых. Но многие ли из вас живы?..

*

Человек! Утоли сполна жажду жизни, прежде чем придётся утолить собой жажду смерти!

*

Все авторы – подражатели.
Первые подражают жизни.
Вторые – первым.
Третьи – вторым…

*

Мои откровения – это слёзы Вселенной, льющиеся из моих глаз на чистые листы бумаги, лежащие передо мной.

*

Наедине с людьми я выбираю слова и чувства.
Наедине с бумагой слова и чувства выбирают меня.

*

Этот мир – всего лишь дверь в мир иной. Но мы ухитряемся, целую жизнь потоптавшись у порога, так и не переступить его.

*

Многие ли, дожив до старости, достигают зрелости?

*

Человек! Твоя жизнь делится на два временных отрезка. Первый – это время, когда у тебя всё ещё впереди; а второй – когда всё уже позади. Момент здесь и сейчас в твоей жизни так и не наступает.

*

Человек! Ты заперт в этом мире. И существует только два способа выбраться из него: смерть и пробуждение. Люди всегда выбирают смерть.

*

Человек! Ты говоришь, что в твоей жизни нет чудес. А ты позволяешь им войти в твою жизнь?

*

Когда-то давно я выбрала Чудо. Но прежде Чудо выбрало меня.

*

Человек! Помни: у тебя есть выбор только потому, что когда-то тебя выбрала Жизнь!

*

Вселенная бережно держит тебя в своих объятьях, а ты непрестанно жалуешься на вселенское одиночество.

*

Я не лучший. Я не худший. Я не самый… Я уникальный. Я неповторимый. Я особенный. Я единственный в своём роде. Другого такого не существует.

Это может сказать о себе каждый, потому что так оно и есть.

*

Страх перед Богом делает тебя рабом. Любовь к Нему даёт тебе свободу.

*

Человек! Дорога жизни не приведёт тебя к смерти. Она приведёт тебя к Жизни. К смерти приводит дорога смерти.

*

На пути жизни смерть – не пункт назначения, а тупик, запасные пути. Настоящий пункт назначения – Вечность.

*

Человек! Ты обладаешь достаточной силой, чтобы одолеть беды и несчастья, посылаемые тебе судьбой. Но тебе не хватает веры в себя, чтобы справиться с удачами и счастливыми возможностями, встречи с которыми ты страшишься и всячески стараешься избежать.

*

Откровение – вольная птица:
В неволе ей не живётся.
Коснётся крылом страницы
И в Вечность прочь унесётся.

*

Человек! Отправляя в Путь, Он одарил тебя только своей Любовью. Весь груз боли и гнева, который ты тащишь на своих плечах, ты взвалил на себя сам.

*

Человек! Твоя память – бездонный колодец. А колодезная цепь ума слишком коротка. Ты же делаешь вид, будто не замечаешь этого изъяна. Тебя всё устраивает. Ведь страшно даже представить, какие чудовищные тайны скрывает неведомая глубина.

*

Ничто так не обнажает суть человека, как его мечты. Их невозможно утаить: они всегда отражаются в зеркале наших глаз.

*

Порой мы платим жизнью за то, что могло быть оплачено любовью.

*

Время – безжалостный убийца. А секунды – разящие стрелы, от которых не увернуться никому. Единственный способ уцелеть – жить в моменте *здесь и сейчас.*

*

Человек! Защищаясь от мира, ты окружил себя надёжными щитами. Скажи: кто научил тебя защищаться от Любви и Мудрости?

*

Человек! Ты делаешь только то, что способен разрешить себе сам. Не слишком же много ты себе разрешаешь.

*

Человек! Мир стал для тебя тюрьмой. Ты живёшь в тесной клетке своего ума под неусыпным присмотром общества. И единственный способ вырваться на свободу – умереть… или выбраться из клетки, бросив вызов своему многоликому надсмотрщику.

*

Человек! Ты отказываешь в любви даже самому себе. А может, тебе просто нечего дать?

*

Как часто мы теряем своё, а находим чужое!..

*

Богатый – в рабстве у своего богатства. Бедный – в рабстве у своей бедности. Единственный способ обрести свободу – признать, что богатство и бедность – свойства ума и тела, и последовать за душой.

*

Человек! Твой выбор пути – один из трёх возможных. Ты либо двигаешься по уже проложенному кем-то маршруту, либо прокладываешь его сам, либо бредёшь наугад. Четвёртого не дано.

*

Человек! Угрозу своему эго ты чувствуешь всегда, угрозу своему телу – иногда, угрозу своей душе – никогда.

*

Ты в вечном рабстве, человек! Сначала – у жизни, потом – у смерти. Ты давно смирился с этим и даже не помышляешь о свободе.

*

Мелкие людишки способны лишь на мелкие страстишки – мелкое благородство и мелкую подлость. На большие страсти силёнок не хватает.

*

Ты говоришь: «Ничто человеческое мне не чуждо».

А я говорю: «Но ведь ничто божественное и ничто звериное – тоже. И только тебе одному решать, кого в тебе больше: зверя, человека или Бога».

*

Достоинство – единственный щит, спасающий нас от мерзости человеческой.
Терпение – единственный способ сохранить достоинство.
Прощение – единственное средство обрести терпение.
Любовь – единственный источник прощения.

*

Две пары звёзд освещают мой жизненный путь:
Одна мне светит с неба, другая – на земле.
И эти звёзды – глаза двух моих сыновей.

*

Человек! Твоя беда в том, что мнение окружающих о тебе для тебя важнее твоего собственного.

*

Болезнь ума под названием «глупость», увы, неизлечима.

*

Человек! Живи здесь и сейчас – и ты окажешься в Вечности!

*

Не жалейте несчастных и убогих! Именно они – источник всех бед и главное зло планеты. Только сострадание и любовь способны исцелить это зло. Жалость его порождает и наделяет силой.

*

К рукотворным храмам ведёт множество дорог. К Божьему храму – только одна, и она пролегает через сердце человеческое.

*

Мужчина обретает мудрость либо благодаря женщине, либо вопреки ей. В любом случае – это её заслуга. Женщина обретает мудрость либо благодаря детям, либо вопреки им. В любом случае – это их заслуга.

*

Сказано: «Сила женщины – в её слабости».
А я говорю: «Сила мужчины – в силе женщины».

*

Женщина! Кто ты – раба или госпожа? И в ком ты нуждаешься – в рабе или в господине? От твоего решения зависит судьба твоих детей, а значит – судьба планеты.

*

Человек! Как много чужой тьмы ты умудряешься впустить в свой мир по причине собственного невежества или любопытства, которые пытаешься выдать за человеколюбие и благородство.

*

Надёжный страж, стоящий у ворот в мой мир, – Любовь.
Она одна хранит меня от людской зависти и злобы.

*

Человек! Он наделил тебя правом выбора. Ты сам отказался от этого права, предоставив его Судьбе.

*

Мир стал бы иным, не останься я в нём.
Мир стал бы иным, не встреть я тебя.
Мир стал бы иным, не уйди ты так рано.

*

В обмен на земные сокровища мы отдаём свой божественный дар, коим владеем по праву рождения. И этот дар – свобода.

*

Вы говорите, что мир сошёл с ума.
А я спрашиваю вас: «Разве когда-то он был другим? Разве безумие не его естественное состояние и разве оно – не обратная сторона чрезмерной разумности?».

*

Человек! Ты спрашиваешь, в чём смысл жизни? Не в чём, а в ком – в тебе.

*

Моя единственная цель на Земле – быть источником Света.
Мой единственный долг перед миром – быть источником Света.
Мой единственный дар Вселенной – быть источником Света.
Моё единственное обещание Богу – быть источником Света.
Единственный смысл моей жизни – быть источником Света.
Всё остальное – только средство зажечь мой Свет

*

Жизнь слишком прекрасна и загадочна, чтобы искать в ней какой-то иной смысл, кроме Истины и Красоты.

*

Всё, что теряю, – умещается в слове.
Всё, чем владею, – и мир не вместит.

*

Наш мир – театр, а люди – глиняные куклы. Но среди них попадаются живые актёры. Однако они так искусно притворяются, что их трудно отличить от кукол.

*

Сказано: «Смерть забирает лучших».
А я говорю: «Лучших забирает Вечность. Смерть забирает всех».

*

Этот мир всегда будет пребывать в разделении. Но ведь ты можешь выбрать единство в своём собственном мире.

*

Я права, даже если я не права, когда мною движет Любовь.

*

Моя неправота присутствует в уме, а правота рождается и обитает в сердце.

*

Люди делятся на три категории: те, которые работают над собой; те, над которыми работает мир; и те, которые работают над миром.

*

Наши дети – это либо наши достижения и наша гордость, либо наши поражения и наш позор. Но и в том, и в другом случае они – наши учителя и проводники в то будущее, которое мы заслужили.

*

Человек! Обида и злость проникают в твоё сердце только с твоего согласия.

*

Гордыня лечится болью, а боль – любовью.

*

Человек! Если в твоей душе тьма, не вини тьму и не сражайся с ней. Просто зажги Свет, чтобы узнать, кто виноват и что делать.

*

В чём сила? – В Любви. В чём слабость? – Во всём остальном, что пытаешься выдать за Любовь и чем пытаешься её заменить.

*

Вера в чудеса, основанная на вере в Бога, позволяет их замечать. Вера в чудеса, основанная на вере в себя, позволяет их творить.

*

Сердцу не нужно следовать за умом. Оно вольно жить своей собственной жизнью, недоступной и неподвластной уму.

*

Человек! Что заставляет тебя, забыв о вечном, заботиться и скорбеть о тленном и сиюминутном – твоё безумие или твоя слепота?

*

Человек! В этом мире тебе ничто не грозит, кроме судьбы, которую выбрал ты сам, или которой позволил сделать выбор за тебя.

*

Правила существуют для того, чтобы одни их соблюдали, другие – нарушали, а третьи – находили исключения из правил.

*

Хочешь стать счастливым? Начни радоваться неудачам и научись превращать их в подарки судьбы.

*

Человек! Твоя беда не в том, что ты неразборчив в выборе слов и поступков, а в том, что ты неразборчив в выборе мыслей и чувств.

*

Человек! Помни: каждое произнесённое тобой слово навсегда остаётся в твоём мире, став частью тебя самого.

*

Человек приходит в этот мир как Вселенная, живёт в нём как разумный механизм, а покидает его как земляной червь.

*

Увы, человек! Твой Свет мог бы заполнить собою весь мир, но ты позволил тьме поглотить его…

*

В отсутствие ума его место на законных основаниях занимает глупость.

*

Человек! Ты привык всему давать оценку: оценивать, переоценивать, недооценивать, уценивать, обесценивать. Когда ты научишься ценить ценности, которые не имеют цены, оставаясь по всем оценкам неоценимыми и бесценными?

*

Человек! Твоё несовершенство – не следствие несовершенства мира. Напротив: несовершенство мира – следствие твоего несовершенства. А это значит, что ты можешь всё изменить.

*

Добродетель и порок – характеристики сердца. Образованность и невежество – характеристики ума. Свет и тьма – характеристики души.

*

Глупость может прикинуться умом, а ум – выдать себя за мудрость. Но ум и глупость – всего лишь игры разума, в которых мудрость не участвует.

*

Человек! Ты можешь научиться ценить жизнь, только начав ценить каждое проживаемое тобой мгновение.

*

Знаки, посылаемые судьбой, предназначены для сердца – только оно способно их читать. А ты настолько привык доверять уму, что даже смерть замечаешь лишь тогда, когда она уже дышит тебе в лицо.

*

Человек! Твой путь усыпан лишь тем, что ты сам разбросал на нём в своём прошлом.

*

Что ж, довольствуйся воспоминаниями о прошлом, человек! Ведь воспоминания о будущем тебе недоступны.

*

Прошлое – изнанка будущего, а будущее – изнанка настоящего. Не довольствуйся изнанкой: живи здесь и сейчас – и ты окажешься в Вечности!

*

Мы пишем и произносим тысячи мёртвых и бесполезных слов, не способных и песчинку сдвинуть с места, а Он одним живым Словом сотворил мир.

*

Даже смерть – не препятствие на Пути к Нему. Единственное препятствие – это ты сам, человек!

*

Мир сотворён из фантазий. И если твой – уныл, убог и неинтересен, то, видимо, тебе не хватило воображения.

*

Сказано: «На свете счастья нет».
А я говорю: «Счастье – состояние сердца, а человеку свойственно жить умом».

*

Человек! Если ты не пытаешься дорасти до Бога, значит, зерно упало на каменистую почву и его склевали птицы.

*

Две Бездны живут во мне, две Вечности обитают:
Светом сияет одна, Тьмою зияет другая.

*

Человек! Тебе легче спрятаться за кучей мёртвого словесного сора, чем самому стать живым Словом.

*

Я – священная древняя Книга.
Мои страницы листает ветер,
Разнося слова и строки
По лабиринтам Вселенной.

*

Какое слово в тебе посеяно, тем ты и прорастёшь: ветвистым деревом, тяжёлым колосом, недолговечным цветком или сухой колючкой.

*

У твоего зла слишком слабые крылья, чтобы долететь до моего Солнца! А твоё благо даже не умеет летать! Что за дело мне до них, человек?!

*

Судьба либо испытывает тебя, либо забавляется тобой. Есть и третий вариант – ты сам бросаешь вызов судьбе.

*

Человек! Ты стареешь телом, тяжелеешь умом и взрослеешь житейским опытом, но душа твоя так и остаётся вечным эмбрионом.

*

Человек! Преврати свою боль в Любовь – и в мире станет меньше боли и больше Любви.

*

Верь: когда-нибудь в твоей душе непременно проснётся Любовь. Помни: если Любовь не проснётся, в твоём сердце, без сомненья, проснётся Совесть. Если Совесть не проснётся, то в твоём уме проснётся Зверь, который пожрёт и твою Любовь, и твою Совесть.

*

Если бы мне не пришлось родиться,
Я бы прилетела на Землю ветром,
Чтобы смахнуть с лица твои слёзы,
Или упала бы звездой за горизонт,
Чтобы ты успел загадать желание.

*

Я застыла над бездной. Но ошибались те, кто думал, будто я сорвусь камнем вниз. Я не упала – я взлетела птицей: опустилась в бездну и поднялась над ней. Бездна не страшна той, у кого за спиной могучие крылья.

*

Я сложила оружие:
Моя борьба закончилась.
Она закончилась не победой.
Она закончилась не поражением.
Она закончилась Любовью.

*

Много жизней я скиталась в тёмных лабиринтах своего ума, прежде чем увидела свет в конце тоннеля – это был Свет моей души.

*

Человек! Ты дитя Вечности. Но почему ты всегда отвергаешь её дары, предпочитая жалкие подачки этого мира?

*

Тебе есть, кем быть.
Тебе есть, что делать.
Тебе есть, о чём думать.
Тебе есть, во что верить.
Тебе есть, на что надеяться.
Тебе есть, о чём говорить.
Тебе есть, куда спешить.
Тебе есть, кого любить.
Тебе есть, с кем сражаться.
Тебе есть, о ком вспоминать.
А тебе есть, кем стать и куда отправиться,
Когда ты покинешь Землю?

*

Похоже, твоё будущее давно стало твоим прошлым, а ты этого так и не заметил, человек!

*

В отличие от правды, Истина не может быть ни страшной, ни жестокой, ни горькой, ни тяжёлой, ни относительной, ни обидной. Истина вообще не имеет характеристик.

*

Жизнь человека на Земле слишком печальна, чтобы длиться вечно, и слишком бессмысленна, чтобы не продолжиться за её пределами.

*

Человек! Светлое будущее не впереди, а внутри тебя. Впрочем, и мрачное – тоже.

*

Ты приходишь в этот мир, чтобы учиться жить, а на деле – учишься умирать. Но даже этому тебе так и не удаётся научиться.

*

Жизнь никого не обкрадывает, она просто забирает своё – что пожелает, у кого пожелает и когда пожелает. Всё в этом мире принадлежит ей. Даже ты, человек! Но сама Жизнь принадлежит Смерти, а Смерть – Вечности. Там ищи всё, что потерял.

*

Ложь – это тень правды.
Печаль – это тень радости.
Безобразие – это тень красоты.
Жестокость – это тень доброты.
Жадность – это тень щедрости.
Невежество – это тень мудрости.
Ненависть – это тень любви.
Выйди из тени, человек!
Ведь ты дитя Света!

*

Я бреду одна на призрачный свет, окружённая мертвенной тьмой.
Небо – кладбище душ, Земля – кладбище тел. Эй, отзовись, кто живой!

*

Этот мир, такой прочный, несокрушимый,
Сотворён из обломков наших иллюзий,
Создан из осколков наших сердец,
Скреплён нашими мыслями и словами,
Построен на руинах наших надежд
Под погасшими звёздами наших предков.

*

Как я нашла тебя? По стуку твоего сердца.
Как я тебя узнала? По голосу твоей души.
Парные звёзды и на Земле светят вместе.

*

Человек! Твои границы проходят там, куда долетают твои мысли.

*

Человек! Своим словом ты можешь одухотворить Космос, а можешь – превратить себя в земного червя.

*

Человек! Ты носишь маску, чтобы скрыть свой страх от окружающих и свою божественность – от самого себя.

*

Человек! Взгляни правде в глаза: это не ты прошёлся по жизни – это жизнь прошлась по тебе!

*

Жизнь обретает подлинный смысл именно тогда, когда потерян всякий иной.

*

Человек! Ты не в силах отыскать смысл жизни, потому что твои поиски ограничены пределами твоего земного мирка.

*

Природа молчит даже тогда, когда говорит. Человек же продолжает говорить даже тогда, когда умолкает.

*

Человек! Ложь стала твоим естеством. Ты лжёшь даже тогда, когда молчишь!

*

Каждый этап жизни наделяет тебя даром, которым обладает: детство – Чистотой, юность – Любовью, зрелость – Силой, старость – Мудростью. Сумей сохранить их все, не утратив ни одного.

*

Любви заслуживает даже тот, кто её недостоин.

*

Я обрастаю чувствами, как листьями обрастает дерево.
Но лишь мир погрузится в осень – и осыпаются листья.
И я, ею отмеченная, осыпаюсь словами и откровениями,
Чтобы с опустошённым сердцем вновь дожидаться весны.

*

Путник должен помнить пять правил Пути.
Правило первое: Путь – внутри, снаружи всего лишь дорога.
Правило второе: дорога имеет начало и конец, Путь безначален и бесконечен.
Правило третье: любая дорога приведёт тебя к цели, если по ней правильно идти.
Правило четвёртое: с Пути можно сойти, но нельзя повернуть назад.
Правило пятое: дорогу выбираешь ты, но Путь сам выбирает тебя.

*

Три главных правила жизни умещаются в одно предложение: умей отыскать жемчуг среди навоза, но не презирай навоз и не становись одержимым ни поиском, ни жемчугом.

*

Вера – это посох слепца, знание – прозрение.

*

Если ты прожил день, но он ничему тебя не научил и не приблизил тебя к Нему, то ты не прожил день – ты его потерял!

*

Человек! Если ты в разладе с миром – ты в разладе с собой. Если ты в разладе с собой – ты в разладе с Богом.

*

Одна молитва не очистит тебя от скверны, как не очистит горсть воды сосуд полный нечистот.

*

Путеводная звезда – не дорожный указатель, а небесный факел, освещающий твой Путь.

*

Человек! Тебе даётся Всё и Сразу. Но взять ты можешь только то, что способно вместить твоё сердце, а унести с собой – лишь опыт твоей души.

*

Река имеет свойство очищаться, если не превращается в болото.

*

Человек! Если ты не слышишь песню своей души, то либо ты безнадёжно глух, либо твоя душа безнадёжно мертва.

*

Жизнь – игра.
Слеп всякий, кто это отрицает.
Мудр всякий, кто об этом помнит.
Безумен всякий, кто об этом забывает.
Глуп всякий, кто в этом участвует.
Успешен всякий, кто этим пользуется.
Несчастен всякий, кто этого не понимает.
Блажен всякий, кто за этим наблюдает.
Благословен всякий, кто об этом напоминает.

*

Как ты можешь достучаться до Небес, если твоё собственное сердце не в силах достучаться до тебя?

*

Все дороги ведут в Вечность. Мы выбираем дорогу, а не цель.

*

Поиски Бога – как поиски неба: бесполезно взбираться на горы,
Расправь крылья, взлети птицей – и ты обретёшь то, что ищешь.

*

Семя становится ростком, когда мечта превращается в цель.

*

Я вернулась с кладбища с радостным чувством, похоронив со слезами и почестями моё отслужившее и отболевшее прошлое. Отныне я свободна!

*

Звёзды – мои старые позабытые игрушки, разбросанные по небесному ковру.
А я, как дитя, увлечённо играю новой – разноцветным земным шаром,
Подаренным мне Богами в день моего рождения.

*

Пребывание на Земле – не история моей жизни. Это всего лишь маленький эпизод в Звёздной биографии моей души.

*

Сколько ни поливай чахлый репейный куст, из него не вырастет могучий кедр. Так и человек: мелкой душонке никогда не стать великой душой.

*

Есть люди-планеты. Есть люди-молекулы.
Но разве не с молекулы начиналась планета?
Правда, на это ушло много миллионов световых лет.

*

Нашей жизни полагалось бы стать паломничеством в Вечность, но суждено быть дорогой на погост.

*

Рабство – необходимое условие обретения свободы.

*

Настоящее проклятье рода человеческого не в уязвимости и недолговечности тела, а в том, что избавление от тела не освобождает его хозяина от расплаты за свои деяния.

*

Рифма – это словесная тюрьма, но Поэт способен превратить её в храм Слова.

*

Есть глупцы, которые полагают, что религия способна вместить в себя Бога. И есть дураки, которые им верят. А ещё есть мошенники, которые этим пользуются, и негодяи, которые им это позволяют.

*

Живое Слово умирает в то самый час, когда становится священным писанием.

*

Сказано: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры».
А я говорю: « Люди! Вы так долго были статистами в массовке или за сценой, что давно потеряли кураж, позабыв о том, что такое восторг и волшебство вдохновенной игры!».

*

Святой превращается в мёртвого идола, как только становится объектом поклонения.

*

Человеческая жизнь слишком длинная, чтобы не успеть совершить в ней множество ошибок, и слишком короткая, чтобы успеть их исправить.

*

Любая проблема – это источник либо твоей скрытой силы, либо твоей очевидной слабости.

*

Ум называет это препятствием и неудачей. Душа называет это испытанием и уроком. А сердце верит тому, кто окажется настойчивей и убедительней.

*

Сказано: «Жертва ищет своего палача. Палач ждёт свою жертву».

А я говорю: «Никто никого не ищет и не ждёт. Палач и жертва движутся навстречу друг другу по заранее начертанной траектории».

*

Можно ли помочь умному и сильному, если сила и ум готовы полагаться только на себя?

*

Труднее всего отыскать то, что спрятано внутри тебя, особенно если искать снаружи.

*

Мы уходим вовсе не оттого, что запачкали душу о священную земную грязь. Она врачует и исцеляет наши израненные души.

Мы корёжим душу о собственную гордость, калечим её гневом и злобой, уродуем ложью и алчностью, опустошаем завистью и обидой на жизнь, убиваем ненавистью и недовольством собой, предаём своим неверием и забвением.

Души тоже получают смертельные раны.

*

Делая другому, делаешь себе. Делая себе, делаешь всем. Все – суть Одно.

*

Слово, как Огонь, приходит из Ниоткуда и уходит в Никуда. И как некогда Огонь сделал нас людьми, так Слово способно сделать нас Богами.

*

Ум – самое опасное оружие на Земле и поэтому даётся человеку только вместе с совестью. Те, кто сумели избавиться от ненужного им обременительного дополнения, заплатили за это своими душами и чужими жизнями.

*

Просветление не относится к сфере ума, но ум – одна из ступеней, ведущих к Просветлению, через которую никак нельзя перескочить.

*

Я не ищу слова и строки – они находят меня сами. Как? Прилетают на Свет моей души.

*

Важно не то, что твоя вера в себя создаёт успех, а то, что твоя вера в успех создаёт тебя.

*

Все мы приходим сюда одной дорогой, из одного Источника, но приходим такими разными. И дорогами здесь мы ходим разными, но приходим к одному пункту назначения, одинаково заканчивая свой путь.

*

Любовь не вмещается в слово.
Любовь не вмещается в жизнь.
Любовь не вмещается в вечность.
Но Любовь умещается в маленькое человеческое сердце
И порождает Слово, и сотворяет Жизнь, и становится Вечностью.

*

Там, где кончается Земля и начинается Небо, кончается человек и начинается Человек.

Там, где кончается Небо и начинается Космос, кончается Человек и начинается ЧЕЛОВЕК.

Там, где кончается Космос и начинается Бесконечность, кончается ЧЕЛОВЕК и начинается Бог.

*

Тьма и Свет несовместимы. Они существуют порознь.

Человек! Парадокс в том, что в тебе они совмещаются и существуют вместе. Это противоречит Закону, но ты и есть само Противоречие, породившее Закон.

*

Ах, человек! От колыбели до могилы ты играешь в свои земные игрушки: сначала – детские, потом – взрослые, оставаясь такой же забавной и недолговечной игрушкой в руках Богов.

*

Мы упрямо плывём по реке жизни
В надежде доплыть до Океана Счастья.
А плыть всё труднее, и берегов не видать.
Невдомёк нам, глупым, что мы доплыли.
И плыть больше некуда – цель достигнута.
Мы уже в Океане.А что делать дальше?

*

Великий Провидец изрёк: «В начале было Слово».
Великий Поэт возразил: «Слово изречённое есть ложь».
А я напоминаю: «У Бога было Слово, а у людей – слова, слова, слова…».

*

Человек! Для тебя душа – лишь средство для поддержания жизнедеятельности тела или тело – только средство для эволюции души?

*

Родина – это не просто место на Земле, где началась жизнь тела, это сокровенное пространство под небом, где душа знает и помнит о своём предназначении, где она парит, расправив крылья, и слышит звёздные голоса.

*

Я не на службе у искусства.
Я не на службе у общества.
Я не на службе у этого мира.
Я на службе у Жизни.
Я на службе у Вечности.
Я на службе у Света.

*

Если жизнь – игра, то давай сыграем в бессмертие!
Если слово изречённое есть ложь, то давай правдиво молчать!
Если Бог есть Любовь, то давай любить, а не поклоняться!
Если человек создан по образу Божьему, то давай станем Богами!

*

Те, кто причинили тебе боль, тоже любили тебя. Просто они не умели любить по-другому. Прости их, человек! Ведь тот, кто не умеет прощать, не умеет любить.

*

Ты не можешь знать всей правды – тебе доступна только её часть.
Ты не можешь знать всей Истины – тебе доступна только её часть.
Но ты можешь познать Себя, а значит – Бога.
Так часть, познавая Целое, становится Целым.

*

Не считай себя правым и непогрешимым только потому, что ты подчиняешься правилам, которые установили люди, среди которых ты живёшь. Люди могут ошибаться, и их правила могут измениться.

Не считай себя правым и непогрешимым только потому, что подчиняешься правилам, которые установил ты сам. Ты можешь ошибаться, и твои правила могут измениться.

Не живи по правилам – живи по Любви. Любовь всегда права. Она была, есть и будет. По правилам живут обделённые Любовью.

*

Человек! Ты ищешь силу в сражении, а находишь её в смирении и прощении. Тот, кто ещё в поисках, думает иначе, видя в этом не силу, а слабость.

*

Слушая речь другого, ты слушаешь чужую мудрость или чужую глупость. Слушая собственное сердце, ты слушаешь голос Вселенной

*

Важно не то, что ты делаешь.
Важно не то, как ты делаешь.
Важно не то, кому ты делаешь.
Важно не то, зачем ты делаешь.
Важно то, чем ты наполнен, когда ты делаешь.

*

Сказано: «И падут грехи отцов на головы детей их».

А я говорю: «В иных жизнях – их дети сами были отцами, которые грешили, а их отцы – детьми. Так меняются роли, и так настигает расплата. Ибо каждый в ответе за свой собственный грех».

*

Бог многолик, и каждый зрит тот из Его ликов, который способны увидеть его ум и сердце.

*

Никто и ничто не теряется в Вечности. Но бойся потерять саму Вечность!

*

Больше всего нас любит Смерть – она принимает нас любыми.

*

Человек! А способен ли ты принять и постичь, что зло – это скрытое добро?

*

Человек! Ты живёшь воображаемыми потерями и достижениями. Истинная реальность тебе, увы, недоступна.

*

Так уж вы устроены, люди, что даже мрачную земную тюрьму можете принять за райский уголок, добровольное рабство – за любимую работу, братьев и сестёр по Духу – за врагов и соперников, хрустящие цветные бумажки – за источник жизни, а собственное творение – за Творца.

*

И не ты выбираешь веру – Вера выбирает тебя.
И не ты выбираешь мудрость – Мудрость выбирает тебя.
И не ты выбираешь любовь – Любовь выбирает тебя.
И не ты выбираешь судьбу – Судьба выбирает тебя.
Но ты выбираешь Свет или Тьму – и этот выбор решает твою судьбу
И определяет меру твоей любви, мудрости и веры.

*

Между головой и сердцем – путь длиною в Вечность. Мыслью я преодолеваю его жизнь за жизнью, а чувством – за одно мгновенье.

*

Я – звёздное семя, занесённое ветром.
Я – колос, проросший сквозь тело планеты.
Я – слезинка Творца в бескрайней пустыне.
Я – океан, уместившийся в чаше сердца.
Я – искра Света в бесконечности мирозданья.
Я – вселенная, зародившаяся из искры Света.
Я – горсть земли, принадлежащая небу.
Я – небо, ставшее горстью земли.
Я – мгновенье, потерянное в Вечности.
Я – Вечность, упрятанная в мгновенье.

*

Твоя трагедия не в том, что ты не нашёл смысла жизни, а в том, что ты его не искал.

*

Хочешь изменить конец – вернись к началу!

*

Человек! Тебя терзает раскаянье и гложет чувство вины? Но, может, ты пришёл в этот мир только для того, чтобы совершить все свои ошибки, потому что миру было так необходимо именно твоё раскаянье?

*

Люди! Вы думаете, что, преследуя разные цели, движетесь по жизни в разных направлениях. Но тогда почему в конце пути вы всенеизменно оказываетесь у той же самой роковой черты?

*

Состояние счастья,бросая обществу вызов, ко многому обязывает, а значит, требует смелости. Поэтому люди предпочитают быть несчастными. Это безопаснее и к тому жепозволяет имдержаться в стаде.

*

Мы всегда надеемся на лучшее, ждём худшего, а получаем то, что заслужили.

*

Нас приносит сюда Течением Любви, а уносит потоком обид и разочарований, которые мы пережили, пока барахтались в грязных лужах наших жизней.

*

Ты спасаешь и сохраняешь в себе либо божественное, либо человеческое.

*

Человек! Научись Молчать, чтобы научиться – нет, не говорить – Глаголить!

*

Люди! Вы так долго верили, что ваша жизнь начинается с рождения, а заканчивается смертью, что по вере вашей и дано было вам.

*

Человек! Не стыдись своей неправильности – именно она делает тебя живым!

*

Человек! Возвращайся в Вечность хотя бы мысленно. Знай: тебя всегда Там ждут.

*

Человек! Ты можешь справиться с гневом и болью. С горечью и обидой. Со страхом и ненавистью. Но ты никогда не справляешься с обрушившейся на тебя Любовью, превращая её во всё то, с чем ты можешь справиться.

*

Вечность всегда с нами, но мы чувствуем её дыхание, только когда за нами приходит смерть.

*

Мы принадлежим жизни. Поэтому смерти достаётся только то, от чего отказалась жизнь.

*

Жаждущий стать хозяином этого мира обречён стать его рабом.

*

Землю захватили люди-животные, но унаследуют её люди-боги.

*

Мы приходим из будущего и, утратив настоящее, уходим в прошлое, чтобы вновь вернуться в будущее в попытке обрести настоящее.

*

Великое – в малом.
Вечное – в смертном.
Волшебное – в обыденном.
Подлинное – в иллюзорном.
Всё это – ты, человек.

*

Жизнь оставляет шрамы на наших душах. По этим священным отметинам решается наша посмертная судьба.

*

Тот, кто старается опередить остальных, рискует оказаться в одиночестве. Впрочем, это не так уж и плохо.

*

Сеющий Звёзды – пожинает Солнце. Пожинающий Солнце – становится Светом. Ставший Светом – обретает Вечность.

*

Всматривайся в Пустоту.
Вслушивайся в Тишину.
Наполняйся Светом.
Устремляйся в Вечность.
Становись Любовью.

*

Люди говорят со мной на языках Земли, а я с ними – на языке Звёзд. Поэтому мы друг друга не понимаем.

*

Не я потеряна в Вечности – Вечность потеряна во мне. И на её поиски я прихожу в этот мир.

*

Человек! Ты всегда сражаешься с Жизнью на стороне Смерти. И при твоей поддержке Смерть всегда одерживает победу.

*

Мой Путь не от рождения к смерти, а от рождения к Жизни, не во времени, а в Вечности, и не в теле, а в Духе.

*

Единственное препятствие на пути к Нему – это ты сам, человек!

*

Человек!

Если, просыпаясь, ты исполнен благодарностью к Мирозданию за ещё один подаренный тебе день, то, засыпая, ты чувствуешь, что лучшая частица этого дня навсегда осталась с тобой. Из этих частиц складывается твоё Бессмертие.

Если, проснувшись, ты ощущаешь груз опустившегося на тебя дня и пустоту в сердце, то, засыпая, ты чувствуешь, что, уходя в прошлое, этот день унёс с собой навсегда ещё одну частичку тебя самого.Так капля за каплей из тебя утекает Жизнь.

*

Человек! Не мешай своими мыслями исполнению своих желаний!

*

Пьесы наших судеб придуманы, написаны, прожиты и сожжены Временем. Мы только тени тех персонажей, эхо их голосов, фантомы их прошлого, затерянные в памяти Вселенной. Нас уже нет, а мы всё ещё верим, что мы живы.

*

Ты задаёшь вопросы и ждёшь ответов от Жизни. А Жизнь задаёт вопросы и ждёт ответов от тебя.

*

Жизнь – не смена состояний ума и тела. Жизнь – калейдоскоп состояний души.

*

Жизнь – опыт души, а тело, ум и чувства – лишь инструменты познания мира.

*

Каждая женщина втайне надеется, что когда-нибудь придёт он и решит все её проблемы. Он приходит, но становится для неё ещё одной проблемой, которую, как и все остальные, приходится решать ей самой.

*

Странные существа – люди: проливают слёзы по мертвецам и остаются равнодушными к слезам живых, оплакивают смерть тела и не замечают гибели души, заботятся о временном и пренебрегают вечным, радуются приобретению земных безделушек и не печалятся из-за потери сокровищ Духа.

*

Человек! Какой любовью ты любишь жизнь: скупой и усталой любовью старика, взвешенной и осмотрительной любовью зрелого мужа, щедрой и расточительной любовью юнца или полной и безусловной любовью младенца?

А ты её вообще – любишь?

*

Мы теряем себя по мгновеньям, по часам, по дням, по годам,
Чтобы собрать по жизням, по вселенным, по вечностям
И вырасти до Богов или навсегда исчезнуть в Мироздании.

*

Человек! Ты говоришь, что тебе принадлежит весь мир, а сам не в силах распорядиться своим телом, укротить свой ум и справиться со своими чувствами. Ты беспомощная жертва этого мира, покорный раб своего тела, послушный слуга своего ума и пустая игрушка своих чувств.

*

Человек! Ты владеешь миром настолько, насколько владеешь своими мыслями и чувствами.

*

Жизнь человека – это череда упущенных возможностей и бесполезных приобретений.

*

Душа взрослеет ошибками и попытками их исправить.

*

Каждой мыслью и каждым произнесённым словом мы сеем семя добра или зла, которое когда-нибудь непременно прорастёт.

*

Жизнь – это либо дорога к могиле, либо Путь в Вечность.

*

Чтобы сбросить с себя груз знаний и обрести свободу, нужно сначала обременить себя этим грузом. Другого пути нет!

*

Воистину счастливы и беззаботны только дети и мудрецы. Одних – ещё, других – уже не заботят земные ценности.

*

Люди! Ваш страх перед жизнью – главное зло планеты.

*

Люди! Несчастные не нуждаются ни в ваших советах, ни в вашей жалости, ни в вашем понимании, ни в ваших подачках. Они нуждаются в вашей Любви.

*

Цель жизни – бессмертие. Все остальные цели либо помогают её осуществлению, либо мешают. Человек! Научись выбирать правильные цели!

*

Любой посредник между тобой и Богом – твой злейший враг, сразившись с которым, ты либо обретёшь свободу, либо займёшь его место.

*

Цель любого учения – обретение власти над другими.

*

Человек! Готов ли ты получить знание и остаться свободным от него?

*

Сила ума – это жалкая имитация Силы Духа. Но судить об этом может лишь тот, кто в равной мере владеет обеими.

*

Мир не потребует от тебя больше, чем ты способен ему дать, и не даст тебе меньше, чем ты способен от него принять.

*

Человек всю жизнь заботитсяо теле, пренебрегая душой, но в конце концов теряет и то, и другое.

*

Жизнь либо поднимает тебя к самым вершинам, либо опускает на самое дно. Но для души эти взлёты и падения не более, чем перемещения оторванного от ветки сухого листа, оказавшегося во власти ветра.

*

Мы безнадёжно застряли в Петле времён, но наивно думаем, что движемся в Вечность.

*

Человек! Твоё знание ограничено способностями, навыками, памятью. Твоё незнание безгранично. Оно не ограничено ничем.

*

Человек! Если всё, что ты имеешь, находится снаружи, то у тебя ничего нет, как нет и тебя самого.

*

Сколь многое в своей жизни ты бессилен изменить только потому, что не привык трудиться душой!

*

Своё животное начало люди ошибочно принимают за человеческое, а человеческое – за божественное. Божественное же остаётся вне зоны их досягаемости.

*

Все препятствия – в уме. Там же и способы их преодоления. Для души не существует препятствий.

*

Весь мир – это продолжение моего дыхания. И если есть в нём тьма неправды и боли – это моя тьма. И если есть в нём Свет Истины – это мой Свет. И только я одна могу всё изменить или оставить всё как есть.

*

Почему Время Перемен наступило, а никто этого не заметил? Потому что оно наступило внутри, а не снаружи.

*

Имея ангельские крылья, люди держатся за гнилые канаты догм и учений, боясь оторваться от Земли.

*

Мы лжём, потому что в этом мире ложь выглядит убедительнее правды.

*

Есть только две силы, которые способны помешать нам стать богами – страх и лень.

*

Никто так не преумножает зло, как те, кто сражаются с ним снаружи, не победив его внутри.

*

Лишённый способности создать свой собственный мир, человек всю жизнь скитается по чужим.

*

Все мы несём несуществующий груз прошлого, и его мнимая тяжесть не позволяет нам расправить придуманные нами крылья.

*

Ценность каждой прожитой жизни определяется тем количеством любви, которым она смогла наполнить мир.

*

Жизнь вытекает из человека медленно или быстро, образуя либо болото страхов, либо озеро Любви, либо Океан Вечности.

*

Мятежные ветры приносят сюда семена наших душ, чтобы они проросли. Но многие ли из них становятся деревьями?

*

Трудно поверить, что у нас есть крылья, но ещё труднее – что летать можно и без них.

*

Кто-то всю жизнь отращивает крылья. Кто-то учится летать без них. Кто из них прав? Тот, кому удаётся взлететь.

*

Звёздная россыпь слов упала на чистый лист –
И на небесном своде новые звёзды зажглись.

*

Человек! Если ты не знаешь, откуда, куда и зачем ты идёшь, то твоя жизнь – это дорога слепца из ниоткуда в никуда.

*

Смерть не приходит за нами – она просто тянет за поводок, на котором держит нас всю жизнь.

*

Не начав лгать себе, не научишься лгать другим.

*

Я устал притворяться человеком, пряча в себе Бога, сотворившего Небо и Землю, чтобы поиграть в «прятки» с самим собой. Так, бывает, резвый котёнок увлечённо играет с собственным хвостом.

*

Внутренняя гармония – это умение находить компромисс между необходимостью ощущать себя правой и потребностью чувствовать себя счастливой.

*

Смерть – не мгновение перехода от бытия к небытию. Смерть – это процесс временного бытия для тела и состояние временного небытия для души, называемого человеческой жизнью.

*

Только глупец может думать, будто жизнь – это появление и существование белковых тел в пространстве и времени планеты. Беда в том, что этих глупцов – абсолютное большинство. А трагедия немногих остальных в том, что им приходится жить среди глупцов.

*

Ничто так не разрушает человека, как чувство вины за свои ошибки. Ничто так не возвышает человека, как чувство ответственности за свои ошибки.

*

Ты намереваешься отыскать истину, не отыскав прежде Себя.
Ты пытаешься познать мир, не познав прежде Себя.
Ты стараешься полюбить ближнего, не полюбив прежде Себя.
Ты стремишься поверить в Него, не поверив прежде в Себя.

*

Сквозь грохот этого мира мне слышится тихий шелест. Это ветер перемен, ворвавшийся в нашу тусклую и унылую земную жизнь, листает Книгу судеб, чтобы перевернуть последнюю страницу.

*

Я слышу мысли деревьев, шумящих над моей головой. Их листья, сорванные ветром, – слова, обращённые к Мирозданью. Они отчаянно устремляются в небо, но бессильно падают к моим ногам.

*

Мы заслуживаем то количество Любви, которым способны поделиться с другими. Но довольствуемся тем количеством, которое способно вместить наше сердце.

*

Наше величие начинается там, где начинается наше смирение, и заканчивается там, где начинается наша гордость.

*

Как часто трагические последствия собственных ошибок мы принимаем за кару Божью, а его бесценные дары – за собственные достижения!

*

Мы приходим в этот мир, чтобы научиться трём вещам: любить, прощать и благодарить. Все остальные знания нужны нашему телу и уму – для того, чтобы выжить и не умереть со скуки.

*

Человек! Тебе принадлежит лишь то, что ты заберёшь с собою в Вечность. Всё остальное только мешает тебе туда попасть.

*

Нашим детям достаётся от нас не только то, что мы им дали, но и то, что мы от них утаили.

*

У каждого человека своё собственное кладбище невосполнимых потерь, несостоявшихся встреч, несбывшихся надежд, неисполненных желаний. Маленькое или большое, скромное или помпезное, запущенное или ухоженное, посещаемое или заброшенное.

*

Сквозь грохот слов я слышу безмолвие Вечности. Она говорит со мной на языке звёзд, который я выучила, когда сама была одной из них. Многие ли помнят своё звёздное прошлое, довольствуясь земными фантазиями, которые можно облечь в мёртвые слова?

*

Чтобы остаться богом, будучи человеком, ты должен пропитаться этим миром насквозь, но покинуть его так, словно он тебя и не коснулся.

*

Навсегда прощаясь с этим миром, ты можешь, облегчённо вздохнув, бросить ему напоследок: «Хорошо, что весь этот кошмар наконец закончился. Годы душевных мук и телесных страданий позади – я вырвался на свободу!».

А можешь оставить мирозданию вдохновенное послание любви и благодарности, идущее из сАмого сердца твоей вселенной: «Это было благословенное время великих испытаний, полное мятежных и безмятежных чувств, разгаданных и неразгаданных тайн, захватывающих приключений и сражений с собой и с миром. Я сражался, как мог, нанося и отражая удары. Я проиграл миру, но одержал победу над собой и, пройдя через всё, завоевал своё право на свободу. Позади – жизнь, впереди – Вечность!».

Только от тебя одного зависит, что ты скажешь себе и Ему в эту последнюю дарованную тебе минуту Тишины, прежде чем Время потеряет власть над тобой.

*

Мои слова лишь тот прочтёт,
В чьём сердце Истина живёт.

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ

* * *

Я – атом, я – Вселенная,
Я – миг и вечность – я,
Плоть и душа нетленная,
Я – сущность бытия.

* * *

Весенний ветер дует в грудь,
Чтоб душу солнцу распахнуть.
Осенний ветер – в спину,
Чтоб возвратить нас в глину...

* * *

Все мы желаем –
побольше, получше,
Душу свою продавая за власть,
Чтобы – повыше,
послаще,
покруче,
Чтобы упиться тщеславием всласть.

* * *

Блажен, кто чувствовать способен
Чужую боль, как боль свою,
Хоть он блаженному подобен –
В краю своем, чужом краю...

* * *

Сердцем слышит глухой,
Сердцем видит слепой...
Но не видит, не слышит
Убогий душой.

* * *

Чем в жизни ты напористей,
Тем званием погонистей,
Чем больше полон зависти,
Тем людям ты поганистей...

* * *

В стране с кривыми зеркалами
(Но это только между нами)
Уродство красотой зовут,
Красу уродством обзывают...

* * *

Легче недруга простить,
Чем трудиться отомстить,
Утвердив прощеньем благо,
Вновь жизнь сможешь полюбить.

* * *

Несется времени поток.
Мы все имеем жизни срок –
Чтоб утекая прочь в былое,
Оставить памяти песок...

* * *

«Жизнь – только миг», –
сказал глупец, –
«Ее испей скорей!..»
«Жизнь – целый мир», –
сказал мудрец, –
«Ее, смакуя, пей...»

* * *

Две даты на могиле:
Эпиграф – эпилог.
А прочерк между ними –
О жизни монолог.

* * *

Бегу ли, бреду ли, но все ж ухожу
Куда-то, зачем-то...
Все глубже, все дальше...
Чем ближе мой путь к своему рубежу.
Тем ближе мне всё позабытое раньше.

* * *

Живая плоть хоронит неживую,
Которая вчера живой была,
И удобряет ею плоть земную,
Чтоб плоть живая
вновь взрасти могла.

* * *

Пока мечтаю – верю и живу,
Пока я жив – и верю, и мечтаю,
И радуюсь и январю, и маю,
И не в мечтах,
не в снах, а – наяву.

* * *

У каждого из нас
Свой путь и свой Пегас:
Кого свезет в Анталью,
Кого-то – на Парнас...

* * *

Краткость мысли – верх таланта,
Что подвластен лишь атлантам.

* * *

Иногда игривые стихи
В нашем мире все-таки случаются:
Если рифмы женские строки
С рифмами мужскими
повстречаются...

* * *

Коль в жизни хочешь оставлять следы,
Пожалуйста, мой друг, всегда следи,
Чтоб невзначай нигде не наследить...

* * *

В горку тропинка устало бредет,
Под горку спешит торопливо...

* * *

В юные годы грядущее –
вечность,
В годы седые –
заснеженный вечер.

* * *

Захотел бесплатный стресс?
Загляни в родной собес!..

* * *

Чем чернее ночь-невзгода,
Тем светлей надежды своды.

* * *

Не тот никогда не сумеет летать,
Кто крылья себе отрастить не способен,
А тот, кто об этом не хочет мечтать,
Кроту в подземелии душном подобен.

* * *

Тот, кто делом увлечен,
На удачу обречен
И с успехом обручен.

* * *

Не бойся не догнать –
Но бойся не дойти...

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

«ТЕХНАРЬ» ПО ПРОФЕССИИ, ЛИРИК ПО ПРИЗВАНИЮ

Памяти Геннадия Салаева – светлого человека

Около 10 утра мне пришла краткая смс-ка от нашей с ним общей знакомой: «Умер Гена Салаев. Похороны сегодня».

Подобные сообщения зачастую совершенно неожиданны. И этой своей неожиданностью они еще более трагичны – ты оказываешься к ним совсем не готов.

Так было и сейчас – с Геннадием Салаевым мы разговаривали совсем недавно. Он периодически звонил мне. Интервалы между звонками составляли обычно неделю-полторы, иногда меньше, изредка – больше, до месяца. И тогда я невольно начинала беспокоиться – не случилось ли чего, все-таки возраст, проблемы с сердцем… Но он вскоре снова звонил, и беспокойство отступало. Звонил он обычно просто чтобы узнать, как у меня дела, как здоровье, или же для того, чтобы поинтересоваться судьбой своих, отправленных в наш журнал, в котором он уже очень давно, хотя и не так часто печатается, стихов или статей. Вот и дней десять назад он позвонил, чтобы узнать, что с его статьей – будет ли напечатана. Потом сказал: «*Представляешь, мне в этом году исполнится 80. И еще – 50 лет совместной жизни с Тамарой* (супругой). *Никогда не думал, что доживу до 80. а вот же – дожил*»...

Не дожил… Каких-то полгода...

А тогда он еще сказал: «*Как быстро пролетает жизнь… Думал когда-то: мне уже 40, старик, жизнь подходит к концу... Потом так же думал в 50, а в 60 уже думал: оказывается, это – еще не возраст, вот 70 – это да, старость. Теперь вот почти 80, а я себя стариком все еще не ощущаю*»…

У него были проблемы с сердцем – небольшие, как говорил он. Сколько-то лет назад ему делали то ли стентирование, то ли шунтирование – я в этом не очень разбираюсь. У него падало зрение – он видел все хуже. Но на все вопросы о самочувствии отвечал: «*Все нормально*». И держался всегда прямо. Помню его всегда таким – худощавый, высокий, прямой, он совсем не выглядел на свои почти 80. И – продолжал писать: стихи, эссе, афоризмы. И – шутить. Подбадривать, поднимать настроение. Когда звонил, начинал разговор с расспросов о здоровье: «*Как давление, как ноги – не болят?*» Услышав в ответ, что вот, мол, простыла где-то, мягко журил: «*Ах, какая плохая девочка* (девочка! – это в мои-то 60 с приличным уже хвостиком), *плохо себя ведешь, ведь обещала не болеть*». Завершал разговор требованием: «*Не болей! Обещаешь? Честное пионерское? Ну, смотри, ты пообещала, слово надо держать!*»... И этот наш с ним – как оказалось, последний – разговор завершился так же: «*Не болей, обещаешь?*»

С женой Тамарой они прожили вместе полвека. Она – младше него лет, наверное, на десять. Тоже очень моложавая, подтянутая, всегда хорошо выглядящая.

Это была семья бакинских интеллигентов – оба родом из Амираджан, многие годы они прожили в Баку. Вырастили двух прекрасных детей – сына и дочь. Но дети живут далеко: он – в Москве, дочь и вовсе в дальнем зарубежье – во Франции. Оба о родителях не забывают. Вот и этим летом с дочерью они отдыхал в Батуми, Гена очень хвалил этот приморский город, советовал съездить отдохнуть, обещал дать адрес женщины, у которой можно будет снять квартиру.

Он вообще всегда был готов прийти на помощь, делал это охотно и с радостью. Заикнулась как-то, что нужно полы отциклевать – тут же нашел и дал телефон мастера, мы созвонились, и проблема была решена. Потребовался хирург – нашел и хирурга. Не ждал, когда попросят помощи – предлагал сам.

Он все приглашал меня в гости: «*У нас перед домом – чудесный палисадник, с цветами, деревьями, столом и скамьями… и – с кошками*». За всем этим он ухаживал сам – насколько хватало сил. «*Приходи,* – соблазнял, – *будем пить чай, из самовара*»…

Я обещала как-нибудь заглянуть, но… так и не выбралась… жалею теперь. Мы часто жалеем о том, чего уже не исправить…

С Тамарой они были неразлучны, были дружной, любящей парой. «Мы с Тамарой ходим парой» – строчка из детского стишка Агнии Барто была точно про них. Он плохо видел – она вела его под руку, чтоб не споткнулся, но казалось – это он ее ведет, поддерживая за локоть. Она жила его интересами, радовалась его новым публикациям не меньше него.

Оба они были педагогами – она в свое время учительствовала в школе, он преподавал в Политехе – много лет, пока не вышел на пенсию, да и вышел не по возрасту (хоть тот и подошел, мог бы еще работать), а потому, что утратил интерес к преподаванию, говорил:

«*Сейчас студентам знания не нужны, они это всячески демонстрируют, а оценки – их всегда можно купить. Какой тогда во всем смысл? Получать зарплату просто так не хочу*»…

Сейчас таких людей становится все меньше. Данный факт придется признать, как бы это ни было прискорбно. Уходит поколение подлинных интеллигентов. Рыцарей без страха и упрека…

«Технарь» по профессии, лирик по призванию, он был светлым человеком – мне он, во всяком случае, виделся таким. Мы не были близко знакомы, общались больше по телефону, виделись за все время нашего достаточно длительного – протяженностью где-то в два десятка лет – общения раз двадцать, не больше. Но все равно он – хоть, может, и не близко – присутствовал в моей жизни. Теперь в том месте, которое он занимал в моем сердце – пустота… еще одна. С годами таких пустот в сердце становится все больше. Уходят люди – близкие и не очень. Родные, друзья, приятели, просто знакомые – все те, из кого состояла моя жизнь… И каждого – так не хватает. Будет не хватать и его – Гены Салаева. Его редких звонков, его узнаваемого с полуслова голоса в телефонной трубке, его слов: «*Не болей! Обещаешь? Честное пионерское?*»…

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ПАМЯТИ РОВШЭНА КАФАРОВА

Ему б в марте стукнуло б шестьдесят –
Не дожил, не подфартило.
Черные во́роны голосят
Над свежей ещё могилой.

Умен и талантлив, собою хорош,
Но – слишком судьба балова́ла:
Когда всего много – не бережешь,
Растрачиваешь, как попало.

Куда все кануло – не разберешь.
И вновь судьба выручала –
Спасала, одаривала... И все ж
Чего-то ему не хватало.

И он метался, рвался, искал,
Бросался в пучину волн,
И вот нашел свой вечный причал
Его неспокойный челн.

Витает душа его высоко –
В бездонности поднебесья,
Где нет ни хулы и ни лести,
А есть тишина и покой.